

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Анна

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2011

МАЙ •

ИЮНЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Марьина В.В.</i> (Москва). СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в чешской историографии последнего двадцатилетия	3
<i>Валева Е.Л., Волокитина Т.В.</i> (Москва). Советский фактор в годы Второй мировой войны в Болгарии: дискуссионные вопросы болгарской историографии	16
<i>Романенко С.А.</i> (Москва). Южные славяне Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов в современной историографии Хорватии и Боснии и Герцеговины	33
<i>Тимофеев А.</i> (Белград). СССР и движение Сопротивления генерала Д. Михайловича в годы Второй мировой войны в Югославии	46
<i>Старикова Н.Н.</i> (Москва). Исторический роман в словенской литературе конца XX – начала XXI века. Между «массовым» и «элитарным»	62

СООБЩЕНИЯ

<i>Ващенко М.С.</i> (Москва). Проблема авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией»: к вопросу о пропаганде хорватской национальной идеи в России	69
<i>Митрофанов В.В.</i> (Нижевартовск). Изыскания С.Ф. Платонова по истории возникновения русских городов	77

* * *

Материалы конференции «Концепт вещи в славянской культуре»	83
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Никифорова О.А.</i> (Москва). Образовательная и политическая деятельность А.С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.)	90
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Виноградов В.Н.</i> Е.П. Кудрявцева. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века	98
<i>Стобецкий Р. Г.</i> Матвеев. Пилсудский	102

<i>Деньщикова А.В.</i> IX. sjezd českých historiků. Pardubice 6.–8. září 2006. Sv. III.	105
<i>Малевиц О.М.</i> P. Janoušek a kol. Dějiny české literatury 1945–1989. T. I–IV.	109
<i>Косик В.И.</i> Из Югославии в СССР, или Непридуманые истории из жизни одного поколения	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шведова Н.В.</i> Круглый стол «Русский (советский) солдат в литературном и народном творчестве западных и южных славян периода Второй мировой войны и послевоенных лет»	117
<i>Семенова А.В.</i> Конференция «Концепт вещи в славянской культуре»	119
<i>Зеленин А.</i> XVIII съезд скандинавских славистов	122

НЕКРОЛОГИ

<i>Будагова Л.Н.</i> Памяти Юрия Васильевича Богданова (1932–2010)	124
<i>Злыднева Н.В.</i> Памяти Александра Флакера (1924–2010)	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2011 г. В.В. МАРЬИНА

СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНЕГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Обозначена связь историографии с состоянием чешского общества на отдельных этапах его развития в последнее двадцатилетие. Показано, как масштабные политические и социально-экономические преобразования, приведшие к глубоким качественным сдвигам в обществе, повлияли на движение исторической мысли. Рассмотрены основные направления чешской историографии, ее достижения и неудачи. Охарактеризованы отдельные работы по теме.

The connection of historiography with the state of Czech society on different stages of its development during last 20 years was shown. It was also described how large-scale political and social-economic reforms, which led to deep and qualitative social changes, had influence upon the progress of historical thought. Main direction of Czech historiography together with its achievements and fails were viewed. Different works on the topic were characterized.

Ключевые слова: чешская историография, чешское общество в 1980–2000-х годах.

Состояние и развитие историографии как части науки и культуры несомненно связано с состоянием всего общества в данной стране и в каждый исследуемый период. Крушение в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы положило начало установлению новых порядков и, как представлялось, созданию более совершенной общественной системы. Распались Советский Союз, Югославия и Чехословакия. Во вновь образовавшихся, а также в прежних, входивших в сферу советского влияния государствах, стали осуществляться масштабные политические и социально-экономические преобразования, приведшие к глубоким качественным сдвигам в обществе (см. [1–4]).

Процесс трансформации или демократической реформации Чешской республики (ЧР), зачастую сопровождавшийся так называемой шоковой терапией, вызывал брожение в чешском обществе, которое не прекращалось на протяжении всего последнего двадцатилетия. Эйфория по поводу победы над изжившим себя режимом была особенно заметна в начале 1990-х годов, а затем в связи с возникшими, прежде всего в экономической и социальной сферах, трудностями начался ее постепенный спад. Осторожнее и критичнее стали оцениваться наступившие перемены и проходившие преобразования. Качество жизни значительной части населения ухудшилось. Идти на самоограничение, отказываясь от ставших уже привычными при коммунистическом режиме социальных благ и зачастую при-

Марьина Валентина Владимировна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник института славяноведения РАН.

нося в жертву собственное благополучие, было трудно, и многим пришлось не по вкусу. Критике подверглись итоги приватизации, проведенной зачастую незаконными и аморальными способами, а также порожденные ею крайние формы экономической и социальной дифференциации. Положительная оценка процесса общественных трансформаций и его, как казалось многим преобразователям первой волны, скорых успехов стала подвергаться сомнению. Усилились, особенно к концу 1990-х годов, скептицизм и критическое отношение к «новой реальности», ностальгические представления о преимуществах прежней общественной системы, что сказалось на укреплении позиций партий социалистической ориентации и модифицированной коммунистической партии. К тому же не оправдалась далеко идущая ожидания прежних лет, связанные со скорой и, казалось, способной дать немедленный положительный эффект интеграцией Чешской республики в Европу. Ухудшение политической и социально-экономической обстановки в конце 1990-х годов привело к тому, что сомнения в правильности стратегии трансформации охватили довольно широкие слои населения.

Серьезные изменения в 1990-е годы произошли и в области культуры. По мнению российского культуролога Г.П. Мельникова, в это время «была разрушена система старых культурных институций, восторжествовал принцип свободы творчества, в широкий культурный оборот поступила масса “задержанной”, ранее запрещенной культурной продукции и потребовалось время на ее освоение и осмысление, к руководству сферой культуры пришли бывшие диссиденты, начался резкий наплыв западной масс-культуры» [3. С. 459–460]. Примерно такие же процессы были характерны, прежде всего, в первое посткоммунистическое десятилетие, и для чешской исторической науки, одной из важных сфер культурной жизни чешского общества. Все перипетии его движения по пути к созданию новой общественной системы несомненно находили отражение в историографии, влияя как на методологию, так и тематику исследований. В начале 1990-х годов, когда Чехия достаточно резко повернулась лицом к Западу, стремясь как можно скорее стать его частью, усилилось влияние представителей западных исторических школ и на чешскую историческую науку. Возрос поток западной исторической продукции, расширились контакты с историками Германии, Франции, Англии, США и т.д. Взгляд на Россию, СССР во многом стал определяться устремленностью чешских политических элит на Запад, их желанием вписаться в систему западных ценностей и, как следствие, «реформировать» взгляды на национальную историю, в том числе и на внешнюю политику страны, в этом направлении.

В чешской исторической науке с начала 1990-х годов стали нарастать новые тенденции (подробнее см. [4. С. 280–324]). Несомненно положительно можно оценить снятие множества табу и обращения к ранее запретным для исследования темам, ликвидацию многих «белых пятен» и «черных дыр» в истории, открытие доступа к архивным документам. Перед чешским историческим сообществом встала дилемма: полный разрыв с прошлым в области метода, способа исследования исторической действительности или континуитет, преемственность. Каждый из историков решал этот вопрос по-своему, но для начала 1990-х годов характерным стало полное отрицание марксистских схем и однолинейного взгляда на историю, т.е. разрыв с прошлым. Однако новых методологических подходов еще выработано не было: историческое сообщество находилось в состоянии поисков и растерянности (подробнее см. [5]). Нередкими стали попытки переписать прошлое, просто поменять плюсы на минусы; научный плюрализм стал граничить с хаосом, скоропалительные оценки и интерпретации часто основывались на примитивном принципе «от обратного». В эйфории «революционного восторга» начала 1990-х годов политические пристрастия подменяли научную аргументацию, верх брала публицистика, активно формировавшая общественное мнение и сама питавшаяся настроениями общества. От нее вряд ли можно было требовать объ-

ективности, взвешенности суждений: выводы зачастую, как, впрочем, нередко и теперь, делались на основе отдельных, «выдернутых» из истории примеров. В результате старые фальсификации зачастую заменялись новыми мифами. Обозначились попытки «отлучить от исторической науки» тех, кто раньше «был на коне». Огульное отрицание достижений в историографии коммунистического периода привело к тому, что «под одну гребенку» подравнивались и «флюгеры» и серьезные исследователи, а таких было немало. Попытки кардинально «реформировать» историческую науку, как и все общество, были чреваты негативными последствиями прерывания связи времен. Отсутствие в историографии элементарного уважения к своим предшественникам, безусловно, не пошло ей на пользу: подчас старое, уже ранее описанное в исторической науке, выдавалось за нечто только что открытое новое.

Во второй половине 1990-х годов положение в историографии стало меняться к лучшему. Большая часть профессиональных чешских историков, в том числе занимающихся проблемами новейшей истории, включая историю Второй мировой войны, не поддались натиску постмодернизма и опираются в своей профессиональной деятельности на конкретно-исторический анализ, изучение фактического и документального материала, компаративистику. Подтверждением этого является то внимание, которое в прошедшие два десятилетия уделялось выявлению и публикации новых документов, обнаруженных в национальных и зарубежных архивах.

Общеизвестно, что каждое поколение хочет видеть историю своими глазами, что историк – дитя своего времени и общества, которое поручило (доверило) ему изучать прошлое. Сегодня в Чехии единой обязательной для всех исследователей прошлого методологии нет. Каждый в этом плане сам себе хозяин. Однако, по сути, это не означало безграничной свободы выражения мнения и оценок прошлого, хотя порой внешне выглядело именно так. Заказчиком выступило теперь уже новое демократическое государство и общество, представленное множеством социальных слоев, групп, политических партий, общественных организаций, идейно-политических течений. И каждое из них хотело иметь выразителя своих интересов в среде историков, не без основания полагая, что тем самым можно укрепить положение в обществе. Воздействие политики на освещение исторических событий и оценку деятельности исторических персон несомненно и, кажется, всеми уже признано. Чешский историк, основатель Института современной истории АН ЧР, Вилем Пречан считает, что прошлое «является полем битвы современников, которые свои проблемы рьят в исторические костюмы», и что «в отношении современников к прошлому в силу всегда вступают их теперешние интересы – идет ли речь об отдельных людях, группах или слоях, политических партиях либо властном истеблишменте» [6. S. 347–349].

Подходить и к рассмотрению чешской историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн за прошедшие двадцать лет следует учитывая все вышесказанное. Вокруг этой стабильно актуальной темы в мире разгорелась и ведется яростная научная, политическая и идеологическая полемика, имеющая, как представляется, синусоидальный характер и обостряющаяся тогда, когда отмечаются даты начала и окончания Второй мировой и Великой Отечественной войн. Как свидетельствуют чешские библиографические издания, эта проблема привлекала внимание и чешских историков. Однако многие их работы известны в России только по названиям: библиотеки по-прежнему получают очень мало исторических книг и журналов, не говоря уже о торговой сети.

История Второй мировой и Великой Отечественной войн рассматривается чешскими историками-профессионалами – именно о них пойдет речь далее – не как таковая, а преимущественно через призму национальной проблематики, т.е. постановки и решения чехо-словацкого вопроса в указанный период. В 90-е годы XX в. тематика СССР (России), Великой Отечественной войны, освобожде-

ния Чехословакии Красной армией стала если не «табу», то просто не «модной». Профессиональные историки (не публицисты, не журналисты, не политологи и всякого рода политики) предпочитали держаться от этой темы подальше. Она казалась не актуальной и уже достаточно изученной в прошлом. Страна, а вместе с ней и историки, повернулись лицом к Западу и спиной к «великому восточному соседу», памятуя лишь о нанесенных им обидах (усилиях по насаждению советского образа жизни и оккупации в августе 1968 г.), позабыв о всем хорошем. Если о советской стране в это время и говорили, то преимущественно в «разоблачительном» плане – кстати, этим же характеризовалась в указанные годы и российская историография советского периода, – стремясь заполнить «белые пятна» и «черные дыры» в чехословацко-советских отношениях периода войны, а тактовые, несомненно, существовали. Критика прошлого, подчас, выходила за пределы разумного: отсерегались старые, но рождались новые мифы и легенды.

Пропал интерес к изучению русского языка, литературы, российской истории в высших учебных заведениях ЧР. Так, например, на философском факультете Карлова университета в Праге перестал существовать семинар по истории России и восточноевропейских стран, о чем писал Вацлав Вебер [7]. Собственно историей СССР (России) занимались лишь несколько человек, которые были «в теме» и прежде, в частности Э. Ворачек, Я. Ваннер, Б. Литера. Ворачек исследовал вопрос о том, как в последнее десятилетие XX в. в чешской историографии освещался вопрос об истории России (СССР) [8]. Я. Ваннер и Б. Литера опубликовали книгу о СССР и советском обществе в годы Великой Отечественной войны [9], пожалуй, единственную из серьезных работ по этой теме. В ней затрагиваются вопросы, которые, на взгляд авторов, являются еще недостаточно изученными или дискуссионными. В первой, основной, главе «Война за выживание. Строительство, пополнение и контроль над советскими вооруженными силами» показано влияние меняющихся в ходе войны условий на состояние Красной армии (мобилизация, численность, вооружение, обучение), дается характеристика руководящих военными действиями органов, как вновь созданных (Государственный комитет обороны, Ставка Верховного главнокомандования), так и прежде существовавших. Особое внимание обращено на деятельность войск НКВД на фронте и в прифронтовой полосе. Вторая и третья главы посвящены эвакуации населения, перебазированию за Урал промышленного производства и беспрецедентным усилиям по его налаживанию в 1941 г., характеристике военной экономики СССР. В частности, ставится вопрос относительно того, было ли советское производство самодостаточным для обеспечения успехов в войне и насколько (и в чем) страна зависела от помощи союзников. В двух следующих главах говорится о влиянии войны на население, о тотальной мобилизации людских ресурсов и их распределении между армией и производством, о массовых депортациях¹. В специальной главе показывается деятельность советской военной контрразведки СМЕРШ и ее сотрудничество с органами НКВД и НКГБ на территориях, освобожденных Красной армией, включая страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Далее рассматривается, по мнению авторов, до сих пор дискуссионный вопрос о значении ленд-лиза для советской военной экономики. При этом ставится задача избавить интерпретацию этого вопроса от пропагандистских клише, утвердившихся в годы холодной войны. Представлены данные о поставках товаров по категориям и годам. Положительно оценивается их значение для победы союзников по антигитлеровской коалиции в войне, хотя указывается, что в начальный период войны англо-американская помощь Советскому Союзу была невелика, и он практически один нес на себе всю тяжесть войны. Специальная глава посвящена вкладу СССР и США в победу над нацистской Германией и милитаристской Японией. В заключении показано влияние последствий войны на

¹ Главу Я. Ваннера о депортациях в переводе на русский см. [10].

внутреннее положение СССР с акцентом на его колоссальные человеческие и материальные потери в ее ходе.

Авторы продемонстрировали хорошее знание советской (50–80-х годов XX в.) и российской историографии затронутых проблем. Это – работы А.М. Самсонова, Д. Волкогонова, В.В. Анфилова, Г.А. Куманева, А.С. Якушевского, А.А. Печенкина, М.Ф. Бугая и других, коллективные монографии и сборники статей по истории Великой Отечественной войны, журнальные статьи («Отечественная история», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Вопросы истории КПСС», «Известия ЦК КПСС»), сборники документов и статистические справочники разных лет, мемуары советских военачальников. Широко использована также западная литература и материалы некоторых американских архивов. Высказывая свои, в том числе и критические соображения по тем или иным вопросам Я. Ваннер и Б. Литера стремились, как представляется, к объективному, честному, всестороннему их освещению, хотя некоторые их утверждения не являются бесспорными.

Этими же авторами подготовлено и документальное издание о Красной армии и советских военных планах в 1931–1941 гг. [11]. Во вводной статье представлены взгляды российских и западных авторов на проблему, а также собственные выводы авторов. Описываются последствия сталинских репрессий в Красной армии в 1930-е годы, повлиявшие на ее боеспособность. Ни весной, ни летом 1939 г. СССР, по мнению авторов, не мог рисковать, вступив в одиночку в войну против гитлеровской Германии. Подчеркиваются трудности принятия советским руководством решения о заключении пакта с Гитлером. Говоря о советском стратегическом планировании в 1940–1941 гг., авторы отмечают косность советского военного командования, неспособного учесть опыт войны на Западе и особенно разгрома Франции: не планировалось операций в глубине СССР, предполагалось столкновение в приграничных зонах, а затем быстрое перенесение военных действий на территорию противника. Вопрос о нескольких оборонительных поясах начал рассматриваться благодаря Г.К. Жукову только за несколько месяцев до нападения Германии на СССР. Согласно авторам, Советский Союз с точки зрения своих материальных ресурсов в дальнейшем оказался лучше подготовлен к войне, чем об этом могла свидетельствовать ее начальная фаза, отмеченная грубыми ошибками в военном планировании, неопытностью командиров и хаосом. Упоминается о предложении Г.К. Жукова, А.М. Василевского и С.К. Тимошенко предвосхитить немецкое нападение ударом по группировке вермахта на территории Польши. Это предложение не было принято во внимание советским политическим руководством, к тому же оно появилось тогда, когда уже не оставалось времени для его возможной реализации. Примерно те же мысли развивает Б. Литера в монографии «История Красной армии. 1917–1941 гг.» [12].

Вышло несколько книг, посвященных И.В. Сталину (краткая биография) и советским военачальникам, в том числе маршалу И.С. Коневу [13].

Как и в российской историографии, внимание чешских историков привлекла проблема национальных воинских формирований, сражавшихся на стороне гитлеровской Германии. Здесь следует выделить книгу М. Тейхмана [14], рассмотревшего историю этих формирований, в которые входило не менее 2 млн человек из различных стран Европы, Азии и Африки. Большинство их, по мнению автора, составляли граждане советского государства. Тейхман относит их к группе «восточных добровольцев» (литовцы, латыши, эстонцы, белорусы, украинцы, русские, калмыки, казаки и др.), обращая особое внимание на причины их многочисленности. Одной из важнейших причин этого, как и чрезвычайно бедственного положения советских военнопленных в гитлеровских лагерях, по мнению автора, являлась сталинская политика в отношении этих людей, оставленных без помощи своего Отечества: отказ СССР подписать Гаагскую и Женевскую конвенции о военнопленных. Появились работы, рассматривающие историю создания

и участие в военных операциях на стороне вермахта так называемой Российской освободительной армии генерала А. Власова (РОА). Здесь следует назвать книги С. Ауского и К. Рихтера. Первый из них менее, а второй более критичен в отношении действий РОА и ее командующего [15].

Судя по работам о Второй мировой войне общего плана, чешских исследователей интересовали преимущественно вопросы ее возникновения, отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции, противоречий между ними и их преодоления, открытия второго фронта, помощи западных держав СССР в борьбе с гитлеровской Германией в виде поставок вооружения и продовольствия, представления союзников по антигитлеровской коалиции о сферах влияния и послевоенном устройстве Европы (см., например, [16]). Все эти и многие другие вопросы рассматривались на ряде научных конференций, посвященных отдельным годам (1942, 1943, 1944, 1945) Второй мировой войны (см., например, [17]).

В этом контексте рассматривалась и национально-чешская (чехословацкая) проблематика, включая ее внешнеполитические аспекты, в том числе и чехословацко-советские отношения. Прежде всего следует сказать о традиционно сильной стороне чехословацкой историографии – публикации документов. За истекшее двадцатилетие она не только не сократилась, но и набрала силу, поскольку стало возможным использовать ранее закрытые материалы чешских архивов. Остановимся на тех изданиях, которые имели отношение к истории военных лет и чехословацко-советских отношений той поры. Здесь следует назвать прежде всего богатую новыми материалами двухтомную публикацию «Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг.» [18]. Именно в эти годы был заложен фундамент нового международного положения Чехословакии. Цели чехословацкой внешней политики, т.е. восстановление государства в домюнхенских границах и обеспечение его независимости, могли быть гарантированы только путем добрых отношений как с западными державами, так и с Советским Союзом. Это отражала и формула чехословацкой внешней политики, выработанная Э. Бенешем: «50% – на Запад, 50% – на Восток». Опубликованные документы свидетельствуют о стремлении президента следовать именно по намеченному пути. Каждый из томов открывается историческим, историографическим и археографическим введением. Говоря о работах на тему чехословацко-советских отношений, вышедших до 1989 г., публикаторы отмечают чрезвычайную идеологизированность (настойчивое проведение тезиса о вечной и нерушимой дружбе народов Чехословакии и Советского Союза) и в связи с этим малую познавательную ценность большинства из них. Но, по их мнению, и при коммунистическом режиме появлялись исследования, «которые имели и будут иметь непреходящее значение, точно также, как, наоборот, в настоящее время возникают работы, авторы которых руководствуются прежде всего идеологическими соображениями, чему подчинен и выбор источников» [18. S. 17]. В связи с этим критически, например, оцениваются книга Т. Брода «Чехословакия и Советский Союз 1939–1945. Москва – объятия и пути» [19], а также еще некоторые работы того же автора, посвященные истории Советского Союза в 1941–1945 гг. и, в частности, проблеме чешского русофильства и советофильства в годы Второй мировой войны [20]². Определенной субъективностью, по мнению публикаторов, страдает и книга личного секретаря Бенеша в 1939–1945 гг. Э. Таборского «Президент Бенеш между Западом и Востоком»³, написанная на грани воспоминаний и научной работы.

Что представляют собой включенные в двухтомник документы? В большинстве – это записи бесед чехословацких политиков (Э. Бенеша, Я. Масари-

² В 2002 г. вышла книга Т. Брода, весьма критически оценивавшего политику Э. Бенеша в 1938–1948 гг. [21].

³ Книга первоначально вышла на английском языке [22], а затем в доработанной версии была переведена на чешский язык [23].

ка, Г. Рипки, З. Фирлингера и др.) с советскими (И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, А.Я. Вышинским, В.П. Потемкиным, И.М. Майским, А.Е. Богомоловым, В.З. Лебедевым, В.А. Зориным, И.А. Чичаевым и др.), английскими (У. Черчиллем, А. Иденом, Ф. Николсом и др.), американскими (Ф. Рузвельтом, А. Биддлом, Г. Гопкинсом и др.) государственными деятелями и дипломатами; шифропереписка Бенеша, Масарика, Рипки с чехословацким послом в СССР Фирлингером и главой чехословацкой военной миссии Г. Пикой, дневниковые записи начальника канцелярии президента Я. Смутного, подготовительные материалы к чехословацко-советскому договору 1943 г., поездке Бенеша в Москву в марте 1945 г. и т.д. Многие из этих материалов касаются не только обозначенной в заглавии публикации проблемы, но и позиций ведущих переговоры сторон по вопросам международного положения, послевоенного мирного урегулирования, политики в отношении других стран. В целом указанная публикация значительно дополняет ранее вышедшие в СССР и Чехословакии документы о советско-чехословацких отношениях периода Второй мировой войны, содействуя тем самым более глубокому и объективному познанию отношений между обеими странами (подробнее см. [24]). Издание доведено до марта 1945 г. Документы о советско-чехословацких отношениях в апреле – мае 1945 г. опубликованы в сборнике «ЧСР и СССР. 1945–1948 гг. Документы межправительственных переговоров» [25].

Следует упомянуть еще о ряде публикаций документов чешских архивов, которые хотя напрямую и не касаются советско-чехословацких отношений, но проливают дополнительный свет на политику Советского Союза по актуальным для периода войны вопросам. Это – материалы о закончившихся безрезультатно чехословацко-польских переговорах 1939–1944 гг. относительно создания чехословацко-польской конфедерации после войны [26]. Из документов следует, что позиция Советского Союза по этому вопросу, сдержанно индифферентная вначале, постепенно ужесточалась и к лету 1943 г. трансформировалась в решительно негативную. Москва усматривала в намечаемой конфедерации антисоветскую направленность, что было связано с враждебной позицией по отношению к СССР со стороны польского эмигрантского правительства.

Для развенчания широко гулявшего по миру мифа об инициативе и настойчивости СССР в вопросе выселения из Чехословакии после войны немцев большое значение имели документальные сборники по этой проблеме [27]. Журнал «Современная история» (*Soudobé dějiny*) в 1994 г. провел заочный форум по судетонемецкому вопросу, свидетельствующий о его чрезвычайной политизированности [28].

Началось ранее «табуированное» изучение истории Подкарпатской Руси (ПР), которая до 1939 г. входила в состав Чехословакии, затем была оккупирована Венгрией, а в 1945 г. включена в состав СССР (область УССР) под названием Закарпатская Украина. Все, что относилось к истории этого края, прежде негласно считалось сферой интересов советских, в частности украинских, историков. В конце 1996 г. в Праге прошла конференция «Центральная Европа и Подкарпатская Русь», материалы которой были опубликованы [29]. Появились книги и документы по истории этого края [30]. Большое значение для понимания событий там осенью 1944 г. имела публикация обширного документа «Сообщение правительственного делегата Франтишка Немеца о событиях в Подкарпатской Руси в 1944 г.» [31]. Бенеш считал эту область неотъемлемой частью Чехословакии, восстановления которой в домюнхенских границах он добивался. В то же время он готов был, если того пожелает Москва, передать СССР Подкарпатскую Русь, но только после войны и на законных основаниях. На освобожденную Красной армией территорию ПР прибыла чехословацкая правительственная делегация во главе с Ф. Немецем, который и попытался утвердить здесь власть чехословацкого правительства. Однако эта попытка натолкнулась на развернувшееся в Закарпатье широкое движение за присоединение к советской Украине, которое было

организовано местными и прибывшими из Советского Союза коммунистами и поддержано советскими военными властями. Конфликт был налицо, что и нашло отражение как в указанном документе, так в упомянутом выше сборнике документов о чехословацко-советских дипломатических переговорах (подробнее см. [32]).

Привлекательным для чешских историков стал в последнее двадцатилетие и вопрос о возникновении, кризисе и распаде советского блока в Восточной Европе [33]. При этом в большинстве работ, рассматривающих возникновение этого блока на завершающем этапе войны, употребляется расхожий, ставший уже клише термин «имперские амбиции Москвы (СССР)». На поверку же оказывается, что тогда за ним крылось лишь стремление Советского Союза обезопасить себя с запада, содействуя созданию пояса лояльных по отношению к себе государств.

Большое внимание чешская историография уделяла армейской тематике, а именно организации чехословацких воинских частей, участвовавших в войне на стороне союзников по антигитлеровской коалиции на Западе. Здесь следует упомянуть прежде всего работы Э. Чейки [34] и некоторых других авторов [35]. О чехословацких воинских формированиях в СССР в плане дополнения (исправления) того, что уже было сказано прежде, написано также немало как книг, так и статей. Вышли, доработанные историками, воспоминания одного из активных организаторов чехословацких воинских частей в СССР, в конце войны командующего 1-м Чехословацким армейским корпусом (ЧАК), а затем министра национальной обороны в Первом правительстве национального фронта чехов и словаков Л. Свободы. Издание его книги «Дорогами жизни», начатое в 1971 г., было тогда приостановлено по идеологическим соображениям и задержалось на двадцать лет: в 1992 г. опубликовано доработанное издание [36]. Опираясь на ставшие известными ранее недоступные дневниковые записи, З. Валиш подготовил и обнародовал ряд материалов о времени пребывания интернированного легиона под командованием Л. Свободы в советских лагерях (1939–1941 гг.) [37]. В 2009 г. увидел свет дневник Л. Свободы, который он вел в 1939–1943 гг., до отправки чехословацкой воинской части на фронт [38]. Однако в настоящее время фигура Л. Свободы в чешской историографии оценивается неоднозначно, прежде всего, в связи с его деятельностью на посту президента Чехословакии в 1968–1975 гг. [39]. Сравнительно недавно вышли две книги о Л. Свободе, написанные его дочерью З. Клусаковой-Свободовой [40]. В 2009 г. состоялась презентация третьего (без купюр) издания воспоминаний Л. Свободы «Дорогами жизни», охватывающих период 1939–1943 гг. [41]. Воспоминания о чехословацкой воинской части в СССР опубликовала Вера Тиха [42].

Если прежде история чехословацких воинских формирований в СССР связывалась исключительно с именем Л. Свободы, то в последние два десятилетия вышло много работ о роли в их создании полковника (с 1943 г. генерала) Гелиодора Пики. Профессиональный разведчик и дипломат, он по поручению Бенеша прибыл тайно в СССР еще в апреле 1941 г. для ведения переговоров о военно-политическом сотрудничестве. Во время Великой Отечественной войны Пика был начальником чехословацкой военной миссии в СССР. Его отношения со Свободой по многим причинам личного и принципиального плана носили достаточно напряженный характер. После войны Пика занимал пост заместителя начальника Генерального штаба, а когда в конце 1940-х годов началась «охота на ведьм», был предан суду. К. Готвальд отклонил его просьбу о помиловании, и Пика был расстрелян как «предатель родины и империалистический агент» [43–44]. Отдельные работы посвящены и судьбе первого командующего 1-м ЧАК в СССР генерала Я. Крадохвица (см., например, [45]).

Значительное внимание чешские историки уделили и чехословацким воинским частям в СССР и особенно их участию в боевых операциях на советско-германском фронте. Был введен в научный оборот корпус ранее неизвестных

документов, показывавших войну не только в плане содружества советской и чехословацкой армий, но и с точки зрения понесенных потерь, просчетов, неудач. Но, прежде всего, следует упомянуть о прекрасно изданной М. Брожем книге, в которой документально (в фотокопиях, фотографиях) представлена история чехословацких воинских частей в СССР [46]. Без цензуры и легенд, по мнению автора, показана история этих формирований К. Рихтером, опубликовавшим несколько книг на эту тему [47]. С введением нового материала проанализированы сражения, в которых участвовали чехословацкие воинские части на советско-германском фронте (у Соколово, на реке Мжа, за Киев) [48]. Опубликованы работы по истории отдельных их формирований, в частности танковой бригады [49]. Деятельность отдела по специальным операциям при 1-м ЧАК в СССР описал И. Шолц [50]. О. Сладек поведал о печальной участи десантов, подготовленных в Советском Союзе и выброшенных на территорию Словакии и Чехии в 1941 г. [51].

Особо критически оценивалось проведение Карпато-Дуклинской операции Красной армией и участие в ней чехословацких частей. Об этом писал, главным образом, военный историк К. Рихтер [52]. В октябре 2004 г. в Праге был проведен посвященный этой операции научный семинар [53], возможно спровоцированный выходом в свет книги указанного автора. Участники семинара, организованного Обществом чехословацких легионеров, Военно-историческим институтом (Прага) и Институтом истории АН ЧР, высказались против очернительства этой действительно кровопролитной операции, осуществленной прежде всего по политическим соображениям в чрезвычайно тяжелых условиях. Участвовавший в обсуждении словацкий военный историк Йозеф Быстрицкий критически остановился на новейшей историографии вопроса, высказался против употребления таких терминов при описании операции, как «апокалипсис», «кровавая баня», «резня», «бойня», и призвал к более объективному и всестороннему взгляду на события той поры. Отметив несомненный вклад Рихтера в исследование Карпато-Дуклинской операции, Й. Быстрицкий заявил, что «автор предлагает читателю множество нетрадиционных взглядов на эти исторические события. Но одновременно он дает оценки и делает выводы, которые во многом являются скорее его домыслами, чем научными гипотезами, и похожи более на спекуляцию, а в некоторых случаях, образно говоря, “на перекрашивание белого в черное”, а не на объективную оценку или серьезное доказательное исследование в прошлом деформированных либо намеренно замалчиваемых исторических событий» [53. S. 312]. Быстрицкий выступил против непрофессионализма и любительских попыток обращения с уже давно известными в исторической науке фактами, против «создания новых мифов» и внедрения в общественное сознание «полуправд», которые противоречат исторической действительности. «Жаль, – продолжил Быстрицкий, – что частью общественности и некоторыми молодыми историками они принимались и принимаются как результат идеологизированной переоценки интерпретации боев в Восточных Карпатах» [53. S. 313]. Позиция Быстрицкого была по сути поддержана и З. Зудовой-Лешковой, остановившейся на вопросе о том, как после 1989 г. Карпато-Дуклинская операция выглядит в сознании чехословацкой и чешской общественности [53. S. 361–367].

Возможно под влиянием критики, а возможно по каким-то другим соображениям, но в упомянутой выше книге А. Бенчика и К. Рихтера о Г. Пике Карпато-Дуклинская операция с точки зрения ее значимости оценивается уже иначе, а именно: «было бы весьма печально, если бы с нашей стороны прозвучали по адресу советского командования упреки в том, что операция была не нужна и что из наших представителей о ней, собственно, никто не просил. Это неправда [...] неуместно также упрекать чехословацкое командование в том, что оно допустило участие наших воинов в этой операции, хотя корпус [...] не был достаточно подготовлен к таким тяжелым боям [...] С моральной и политической то-

чек зрения было немыслимо оставить его не у дел, когда речь шла об операции, предпринятой по нашей просьбе и в наших интересах». Далее авторы написали, почему операцию нельзя рассматривать как ненужную, и оценили ее военное и политическое значение. «Правда, что результаты наступления в Карпатах, которое, несмотря на все трудности, следует оценивать, как победу, были оплачены чувствительными потерями. И все же злонамеренной наивностью было бы приписывать советскому командованию желание использовать чехословацкий корпус в Карпатах таким образом, чтобы обескровить его. Хотя нет желания говорить о Сталине в розовых тонах, но приписывать ему подобные глупости нельзя [...] Вопреки всем недостаткам, – сделали выводы чешские авторы, – участие чехословацких воинов в боях за карпатские гребни является достойным вкладом в дорого оплаченную победу и по праву может оцениваться через призму героических боевых традиций, чехословацкой, а ныне чешской армии» [44. S. 321–322].

Из других тем, связанных с историей чехословацких воинских формирований в СССР, следует отметить некоторые работы об источниках и путях пополнения их личного состава [54], а также о 2-й отдельной парашютно-десантной бригаде, входившей в состав 1-го ЧАК [55]. Собственно действиям и операциям Красной армии по освобождению Словакии и Чехии, а также сражавшегося бок о бок с ней 1-го ЧАК было уделено мало внимания.

Вот уже на протяжении двух десятков «постреволюционных» лет почитай каждый год в преддверии майских праздников чешское общество будоражит вопрос, кто освободил Прагу в мае 1945 г. Историки, публицисты, журналисты да и просто почитатели Клии «ломают копыя», кто более, кто менее успешно, отстаивая свой взгляд на этот вопрос. Прежде, в советско-коммунистические времена, все было просто: после войны утвердился и существовал в течение 45-ти лет тезис: Прагу освободила 9 мая 1945 г. Красная армия, спешившая на помощь восставшим пражанам. В 90-е годы XX в. это утверждение стало публично и настойчиво оспариваться. В зависимости от политических пристрастий и меры знания (или незнания) истории вопроса ответы на него были разные, а именно: пражские повстанцы, которые с 5 по 9 мая с большим или меньшим успехом вели бои с немецкими оккупантами; власовцы, пришедшие на помощь восставшей Праге; советские войска, вошедшие в столицу Чехословакии в ночь с 8 на 9 мая. Появились и такие утверждения: вечером 8 мая в Праге прозвучали последние выстрелы, ее не надо было освобождать, она уже была свободна.

Активно обсуждались и другие, связанные с основным, вопросы. Например, такие: почему американская армия, оказавшаяся значительно ближе к восставшей Праге, чем советская армия, не пришла к ней на помощь и не вошла в город? Почему ни западные союзники, ни СССР не оказали материальной помощи готовящемуся в протекторате Богемия и Моравия восстанию? Почему повстанцы, Чешский национальный совет, не смогли скоординировать свои действия с действиями Красной армии? Почему... и т.д.?

При описании Пражской операции Красной армии отмечалось, что ее рывок в сторону Праги был сделан не из соображений помощи пражским повстанцам, на чем делался упор в прошлой литературе, а из-за опасения, что американская армия, находившаяся недалеко от Праги, нарушив соглашение с советским командованием, первой вступит в столицу Чехословакии. Кроме того, обращается внимание на то, что Красная армия вступила в Прагу после того, как основные части вермахта уже покинули ее. Вопрос о том, почему американская армия не вошла в Прагу и не оказала помощь восстанию, разработан в чешской историографии на документальной базе довольно хорошо. Суть ответа такова: между советским и американским командованием была достигнута договоренность о том, что освобождать Прагу будет Красная армия. Американцы не желали жертвовать жизнями своих солдат во имя политических соображений. Достаточное внимание уделялось и вопросу о том, почему западные союзники отказались предоставить

оружие готовившемуся в Чехии восстанию против оккупантов. Объясняется это следующим: во-первых, потому, что ее территория находилась в сфере военных операций Красной армии; во-вторых, потому, что не существовало ни конкретного плана восстания, ни сведений о его организаторах, ни мест, куда следует сбрасывать оружие и т.д. Ответ на вопрос, почему этого не сделала Москва, пока обростае только догадками. Материалов на этот счет нет. Но следует отметить, что тогда советскому руководству, как, собственно и на Западе, мало что было известно о характере восстания в Праге, его целях и лидерах. А поставлять оружие «никому» и «никуда», естественно, никто не мог себе позволить. Чешский национальный совет, претендовавший на руководящую роль в восстании, был создан лишь в конце апреля 1945 г. и не успел наладить связь с командованием Красной армии.

В 2009 г. вышел двухтомник об освобождении Чехословакии в 1944–1945 гг., подготовленный коллективом Института современной истории АН ЧР. В работе затрагиваются такие вопросы как советско-чехословацкие отношения указанного периода в международном контексте, освобождение Подкарпатской Руси и происходившие в ней события, советская помощь Словацкому национальному восстанию 1944 г., роль Красной армии в освобождении Чехословакии [56]. Однако книга пока не дошла до Москвы, и поэтому сказать что-либо о представленных в ней взглядах невозможно.

Напоследок следует отметить, что в чешской современной историографии ведется большая дискуссия о личности Э. Бенеша и его «восточной» политике: оценки колеблются от знака плюс до знака минус. В связи с этим по-разному оценивается и советско-чехословацкий договор 1943 г. И все же, думается, что экстремизм 1990-х годов уходит в прошлое, уступая место более взвешенным и здравым суждениям историков-профессионалов, опирающихся в своих исследованиях, как на вновь открытые, так и ранее опубликованные документы и исторические труды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006.
2. Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия). М., 2008.
3. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005.
4. История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007.
5. *Марьяна В.В.* Клио на перепутье общественного развития (По материалам российского журнала «Новая и новейшая история» и чешского журнала «Современная история» 90-х годов XX века) // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008.
6. *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994.
7. *Veber V.* O studiu ruských dějin v České Republice – zrušení Semináře východoevropských dějin na Filozofické fakultě v Praze // *Slovanský přehled*. 2001. № 1. S. 69–70; *Veber V.* Ještě jednou (a naposledy) o studiu ruských dějin na Filozofické fakultě KU v Praze // *Slovanský přehled*. 2001. № 4. S. 513–514.
8. *Voráček E.* Práce českých autorů o dějinách Ruska, resp. Sovětského svazu po roce 1917 // *Slovanské historické studie*. Praha, 2001.
9. *Vnitřní fronta. Sovětský stát a společnost. 1941–1945.* Praha, 2000.
10. Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. М., 2004.
11. *Litera B., Wanner J.* Přeměny Rudé armády a sovětské vojenské plány. 1931–1941. Dokumenty a materiály // *Slovanské historické studie*. 26. Praha, 2000.
12. *Litera B.* Historie Rudé armády. 1917–1941. Praha, 2009. Sv. 1–2.
13. *Veber V.* Stalin: Stručný životopis. Praha, 1997; *Fidler J.* Stalinovi maršalové. Brno, 1999; *Fidler J.* Osoboditel: život maršala Sovětského Svazu Ivana Stepanoviče Koněva. Brno, 1999.
14. *Tejchman M.* Ve službách Třetí říše: Hitlerovy zahraniční jednotky. Praha, 1999.
15. *Richter K.* Případ generála Vlasova. Praha, 1991; *Richter K.* Vlasovci v Praze // Přísně tajné! 2000. Č. 3. S. 96–107; *Richter K.* Osudový omyl generála Vlasova. Praha, 2003; *Auský S.* Vojska generála Vlasova v Čechách. Kniha o nepochopení a zradě. Vyšehrad, 1992.

16. Velké finále: Kapitoly ze zakulisí konce druhé světové války v Evropě. Beroun, 1995; *Kohout L.* Příčiny a vznik druhé světové války // Československý boj za svobodu (1939–1945). Praha, 2000; *Prokš P.* Politické představy spojeneckých velmocí o sférah vlivu a poválečném uspořádání Evropy (1939–1945) // Moderní doba. 2002. № 10.
17. Valečný rok 1944: příspěvky účastníků mezinárodní konference. Praha, 2001; Rok 1945 v českých a evropských dějinách. Praha, 2002.
18. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1998–1999. D. 1 (březen 1939 – červen 1943); D. 2 (červenec 1943 – březen 1945).
19. *Brod T.* Československo a Sovětský Svaz 1939–1945. Moskva – objetí a pouto. Praha, 1992.
20. *Brod T.* Stalinův Sovětský Svaz v letech 1941–1945. I–II // Slovanský přehled 77. 1991. N. 4, 5; *Brod T.* České rusofilství a sovětovilství za druhé světové války // Slovanský přehled 76. 1990. № 4.
21. *Brod T.* Osudný omyl Edvarda Beneše. 1938–1948. Československá cesta do sovětského područí. Praha, 2002.
22. *Táborský E.* Prezident E. Beneš between West and East. Stanford, 1981.
23. *Táborský E.* Prezident Beneš mezi Západem a Východem. Praha, 1993.
24. *Марьина В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
25. ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezinárodních jednání. Praha, 1997.
26. Československo-polská jednání o vytvoření konfederace 1939–1944. Československé diplomatické dokumenty. Praha, 1994. Kn. 1–4.
27. Komu sluší omluva: Češi a sudetští Němci: Dokumenty, fakty, svědectví. Praha, 1992; Češi a sudetoněmecká otázka. 1939–1945. Praha, 1994; *Beneš E.* Odsun Němců z Československa: výběr z Paměti, projevů a dokumentů 1940–1947. Praha, 1996.
28. Soudobé dějiny. 1994. № 2–3.
29. Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Praha, 1997.
30. Podkarpatská Rus včera a dnes. Praha, 1994; Pravda o Podkarpatsku. Praha, 1994; *Hořec J.* Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha, 1997.
31. Zpráva vládního delegáta Františka Němce o vývoji na Podkarpatské Rusi 1944 // Sborník archivních prací. Praha, 2000. № 1.
32. *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.
33. *Moulis V., Valenta J., Výkoukal J.* Vznik, krize a rozpad sovětského bloku 1944–1989. Ostrava, 1991; *Tejchman M.* Sovětizace východní Evropy: Země střední a jihovýchodní Evropy v letech 1944–1948. Praha, 1995
34. *Čejka E.* Zlomená křídla. Praha, 1991; *Čejka E.* Bitva o Francii. Plzeň, 1994; *Čejka E.* Československý odboj na Západě 1939–1945. Praha, 1997.
35. Na všech frontách: Čechoslováci ve 2. světové válce. Praha, 1992; *Hrbek J.* Tobruk 1941. Praha, 1997; *Friedl J.* Čechoslovenští důstojníci v bitvě u El-Alamainu – pozorovatelé u britské 10. tankové divize // Historie a vojenství. 1999. № 2.
36. *Svoboda L.* Cestami života. II. Praha, 1992.
37. *Vališ Z.* Ludvík Svoboda (Druhá světová válka) // Historie a vojenství. 1990. № 6; *Svoboda L.* Oranky // Historie a vojenství. 1990. № 3.
38. *Svoboda L.* Deník z doby válečné. Praha, 2009.
39. *Benčík A.* Ludvík Svoboda a srpen 1968 // Soudobé dějiny. 1993/1994. № 1; *Richter K.* Místo Ludvíka Svobody v dějinách československého vojenského odboje // Československá armáda 1939–1945. Praha, 2003.
40. *Klusáková-Svobodová Z.* O tom, čo bylo (vzpomínková kniha). Praha, 2005; *Klusáková-Svobodová Z.* Ludvík Svoboda. Životopis. Kroměříž, 2006.
41. <http://www.gazeta.cz/articles.aspx?id=1648rubrika=23>
42. *Ticha V.* Cesty k domovu. 1939–1945. Brno, 2003.
43. *Vališ Z.* Heliodor Pika, náčelník čs. vojenské mise v SSSR. Příspěvek ke vzniku vojenské jednotky v SSSR // Historie a vojenství. 1990. № 1; *Váhala R.* Smrt generála [Heliodor Pika]. Praha, 1992; *Břachová V.* Dopis generála H. Píky prezidentu Gottwaldovi. 1–2 // Historie a vojenství. 1992. № 1–2.
44. *Benčík A., Richter K.* Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006.
45. *Vališ Z.* Jan Kratochvíl, první velitel 1. čs. armádního sboru v SSSR // Historie a vojenství. 1990. № 2.
46. *Brož M.* Válečné dokumenty vypovídají. Čs. vojenská jednotka v SSSR v dokumentech, exponátech a fotografiích. Praha, 2005.
47. *Richter K.* Československý odboj na Východě. Praha, 1992; *Richter K.* Přes krvavé řeky: československý východní odboj bez cenzury a legend. Praha, 2003; *Richter K.* Dobývání domova. Ostrov, 2005. D. 1, 2.
48. *Richter K.* Jak to bylo u Sokolova // Přísně tajně! 1999. № 2; *Richter K.* Heroický boj na řece Mža // Přísně tajně! 2000. № 3; *Richter K.* Čechoslováci v boji o Kyjev // Přísně tajně! 2003. № 6; *Hujvan P.* Nikdy nezabudněme! Od Kyjeva po Duklu // Vojenská historie. 2000. № 2; *Fidler J.* Sokolovo 1943: Malý encyklopedický slovník. Praha, 2004; *Brož M.* Hrdinové od Sokolova: 1. samostatný polní prapor v SSSR: seznam příslušníků praporu a účastníků bitvy u Sokolova 8.března 1943. Praha, 2005.

49. *Jovbak V.* Pravda o 1. čs. samostatné tankové brigádě v SSSR. Kroměříž, 1999; *Kopecký M.* 1. československá tanková brigáda v SSSR: tankisty československé zahraniční armády na Východní frontě 1943–1945. Praha, 2001.
50. *Šolc J.* Oddíl pro zvláštní úkoly při 1. čs. sboru v SSSR // Historie a vojenství. 1997. № 4.
51. *Sládek O.* Výsadky ze Sovětského Svazu na Slovensko a do protektorátu v roce 1941 // Soudobé dějiny. 1995. № 4.
52. *Rihter K.* Záběh apokalypsy v Karpatech. 1–3 // Přísně tajně! 2002. № 4, 5, 6. S. 96–105, 107–117, 99–109; *Rihter K.* Apokalypsa v Karpatech: boje na Dukle bez cenzury a legend. Praha, 2003.
53. Moderní dějiny. Sborník k 19. a 20. století. 13. Praha, 2005.
54. *Levora V., Dvořáková Z.* Ze stalinských gulagů do československého vojska. Praha, 1993; *Vaculík J.* Ke vztupu volynských čechů do východní armády v roce 1944 // Valečný rok 1944. Praha, 2001.
55. *Šolc J.* Za frontou na východě: českoslovenští parašutisté ve zvláštních operacích na východní frontě za druhé světové války (1941–1945). Cheb, 2003; *Marek J.* Mše za padlé anděly: vytrhané listy z historie 2. čs. samostatné paradesantní brigády v SSSR // Přísně tajně! 2001. № 2.
56. *Hrbek Ja., Smetana V., Kokoška S., Pilat V., Hofman P.* Draze zaplacená svoboda. Osvobození Československa 1944–1945. Praha, 2009. Sv. I–II.

© 2011 г. Е.Л. ВАЛЕВА, Т.В. ВОЛОКИТИНА

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БОЛГАРИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена ключевым проблемам современной болгарской историографии: изучению антифашистской борьбы в стране и ее воздействия на события на советско-германском фронте, роли советского фактора и др. С началом болгарской «перестройки», после 10 ноября 1989 г., обозначился поворот в интерпретации исторического прошлого. Сегодня характеристика событий 9 сентября 1944 г., роли Красной армии и советского военного присутствия в Болгарии остается дискуссионными.

The article is devoted to the key problems of modern Bulgarian history: the anti-Fascist struggle in the country and its influence on the situation in the Soviet-German front, the role of the Soviet factor and so forth. After November 10, 1989, when the Bulgarian «perestrojka» had been launched, interpretation of the national history changed, and nowadays the reconsideration of the events of September 9, 1944, the role of the Red Army and the Soviet military presence in Bulgaria are still in the centre of controversial debates.

Ключевые слова: Болгария, Вторая мировая война, Красная армия, историография, советско-болгарские отношения, движение Сопротивления.

Исследование роли и влияния советского фактора в Болгарии в годы Второй мировой войны, работы по истории антифашистской борьбы в стране и воздействия на ее динамику внешнего фактора – прежде всего, событий на советско-германском фронте – неразрывно связаны с зарождением и развитием историко-партийной науки как самостоятельного направления болгарской историографии. После 1944 г. историческая наука в стране развивалась институционально и кадрово, формировались новая источниковая база и тематика исследований. Однако одновременно она оказалась под жестким партийно-государственным контролем. Партийные оценки и установки в качестве обязательных некритично переносились в работы болгарских историков. С 1960-х годов идеологический диктат постепенно ослабевал, и к началу болгарской «перестройки» марксистский подход фактически превратился в проформу. На рубеже 1980–1990-х годов в Болгарии, как и во всех странах бывшего «социалистического содружества», развернулась масштабная критика марксистской историографии. Помимо смены методологических основ, введения в оборот новых источников, «перестройка» сопровождалась и изменениями исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем.

Валева Елена Любомировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Волокитина Татьяна Викторовна – д-р ист. наук, зав. научным центром Института славяноведения РАН.

События 10 ноября 1989 г., когда пленум ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) отстранил от власти Т. Живкова, знаменовали собой начало трансформационных процессов в болгарском обществе и государстве, приведших к смене общественного строя. Обозначился поворот и в ценностном восприятии прошлого наукой, выразившийся в пересмотре многих, считавшихся ранее общепризнанными и незыблемыми, оценок официальной историографии. При этом некоторые из них, особенно связанные с советско-болгарскими отношениями и ролью советского фактора в болгарской истории, сменились полностью противоположными.

В начале трансформационного периода интерес к прошлому подчинился текущей политике и зависел от принадлежности к различным политическим группам (БКП или антикоммунистической оппозиции), а также и от возраста. Полностью нашел подтверждение тезис о социальной функции истории, в которой каждое поколение ищет интерпретацию и мотивацию для решения проблем своего времени. На настроения общества, желавшего знать «всю правду» о событиях прошлого, первыми откликнулись публицисты, мемуаристы, журналисты и популяризаторы истории, активно предлагавшие собственную, «актуальную», интерпретацию истории, как правило, на низком научном уровне. Профессиональные историки, поднимая архивную «целину» и осваивая новые документальные материалы (что требовало времени и серьезных аналитических усилий), объективно не могли соперничать со скороспелыми и претендовавшими во многих случаях на сенсационность «творениями» интерпретаторов-любителей. Именно последние заполнили вакуум, формируя во многом искаженные представления о событиях прошлого и рождая новые мифологемы взамен отринутых старых.

К середине 1990-х годов усугубляющиеся социальные и экономические проблемы переходного периода привели к спаду общественного интереса к истории в целом и к переосмыслению социалистического прошлого в частности. Однако и на этом этапе попытки дать новые оценки предшествовавшей эпохе отражали динамику политического развития, находились в прямой зависимости от результатов очередных выборов. Политический водораздел в болгарском обществе, характерный для начала переходного периода, сохранялся, оказывая влияние на отношение к прошлому, в том числе к проблемам периода Второй мировой войны и прихода коммунистов к власти в ее завершающей фазе. Ревизия оценок новейшей болгарской истории несла на себе бремя новой политизации и конъюнктуры.

К концу 1990-х годов советский фактор в национальной истории, по признанию самих болгарских историков, оставался слабо изученным и до конца не проясненным [1. С. 67], к тому же он еще окрасился резко негативными эмоциями. На смену былому «марксистскому» пафосу пришла в публицистике и некоторых исторических изданиях его столь же непрофессиональная противоположность – антикоммунистический и антисоветский тон.

В современной Болгарии, которая в конце первого десятилетия XXI в. уже пережила наиболее трудные годы перехода от «государственного социализма» к европейской системе политического плюрализма и рыночной экономике, диапазон оценок сделанного и перспектив развития исторической науки достаточно широк. Наряду с голосами, выражающими полное недоверие результатам исследований советско/российско-болгарских отношений, в том числе и в годы Второй мировой войны, в научном сообществе звучат обоснования необходимости дальнейших исследований указанной проблематики. Об этом шла, в частности, речь на научной конференции «Россия в болгарской истории» (февраль 2003 г.) [2]. Согласно проведенному в 2005 г. анкетному исследованию «Историки об истории», сегодня в числе наиболее малоизученных и нуждающихся в новой научной интерпретации проблем болгарской истории оказались фашизм в Болгарии; антифашистская борьба или нелегальная деятельность левого движения; собы-

тия 9 сентября 1944 г.; роль СССР в болгарской истории и влияние геополитических реальностей на исторические судьбы страны [3; 4].

Вступление 8 сентября 1944 г. Красной армии в Болгарию длительное время характеризовалось в национальной историографии как освобождение страны от германской оккупации и монархо-фашистского режима. Эта оценка не ставилась под сомнение. Однако, существуя как нечто само собой разумеющееся, она не могла не вызывать резонных вопросов. Можно ли говорить об «оккупации» Болгарии, примкнувшей в марте 1941 г. к странам фашистской «оси» и являвшейся сателлитом гитлеровской Германии? Правомерно ли оценивать политический режим в стране как «монархо-фашистский», и, вообще, имело ли в действительности место явление, именуемое «болгарским фашизмом»? Какова была специфика движения Сопротивления в Болгарии? Как адекватно оценить события 9 сентября 1944 г., в результате которых в стране была установлена коалиционная власть Отечественного фронта?

Задача настоящей статьи – проследить, как и под влиянием каких обстоятельств менялись со временем взгляды и оценки роли советского фактора в Болгарии, что лежало в основе появления новых толкований, допускалось ли существование разных трактовок, имели ли ученые возможность «научно» дистанцироваться от идеологии, напрямую обеспечивавшей легитимность режима, и, наконец, каковы основные тенденции развития болгарской историографии интересующего нас вопроса в постсоциалистический период, т.е. после 1989 г. Ведь современное развитие исторической науки Болгарии является следствием и в то же время отражением перемен, которые наступили в государстве и обществе в процессе экономической и политической трансформации.

Дискуссии о «болгарском фашизме» и «монархо-фашистской диктатуре». Антифашистское Сопротивление или антиправительственная борьба?

Первые работы по антифашистской борьбе в Болгарии в годы Второй мировой войны, имеющие характер научного исследования, появились в конце 40-х – начале 50-х годов XX в. Уже тогда были поставлены основные вопросы движения Сопротивления: вооруженная борьба народных масс и руководящая роль в ней Болгарской рабочей партии (БРП – так называлась в тот период Болгарская компартия), влияние Великой Отечественной войны советского народа на развитие антифашистской борьбы в Болгарии [5. С. 347–379]. Общим недостатком этих публикаций, помимо крайней их идеологизации, были описательность, схематизм и упрощенность, слабая источниковедческая база.

Непосредственно в послевоенный, а затем и в социалистический период, когда Болгария находилась в орбите советского влияния, в историографии преобладало толкование фактов, создававшее исключительно благоприятное представление о роли болгарских коммунистов и СССР. Первым среди болгарских историков к освещению событий войны и роли в ней Советского Союза, борьбы СССР за мир обратился в начале 1950-х годов М. Михов [6; 7]. Его статьи, являясь первой попыткой прояснить status quo Болгарии накануне и в начале войны, написаны в крайне пропартийном, прокоммунистическом тоне, что вполне объяснимо для того времени. Роль СССР оценивается в этих работах со всех сторон позитивно. При этом надо отметить, что с точки зрения сегодняшнего дня статьи полны неточностей в толковании событий тех лет. Аналогичная трактовка содержится во втором томе академического издания «История Болгарии», опубликованном в 1955 г. [8. С. 876]. Партийный подход и оценка роли СССР сохранились и во втором, переработанном издании этого труда, вышедшем в свет девять лет спустя. Разница заключалась лишь в том, что кардинально изменилась оценка роли Сталина в годы войны: он уже назывался виновником того, что гитлеровские войска быстро и без особого сопротивления проникли в глубь территории Советского Союза [9. С. 380]. Разумеется, такая позиция была продиктована курсом на

десталинизацию, начатым XX съездом КПСС и воспринятым болгарскими коммунистами.

После апрельского (1956) пленума ЦК БКП, сделавшего выводы из решений XX съезда КПСС применительно к Болгарии, создалась более благоприятная атмосфера для развития исторической науки. Расширение документальной базы, способствующий творчеству политический климат во многом обусловили то, что молодые научные кадры с энтузиазмом взялись за разрешение многих проблем антифашистской борьбы. Одним из наиболее изучаемых сюжетов на этом этапе стала вооруженная антиправительственная борьба, причем болгарской историографии социалистического периода свойственно преувеличение масштабов партизанской борьбы в стране. В многочисленных статьях и монографиях Н. Горненского дана подробная картина движения Сопротивления от возникновения первых партизанских отрядов до победы Отечественного фронта 9 сентября 1944 г. [10]. Автор проследил тесную связь между нарастанием антифашистской борьбы в стране и победами Красной армии. При этом характерная черта исторической концепции Н. Горненского – стремление рассматривать вооруженное Сопротивление как внутренний фактор, определивший условия победы 9 сентября. Сразу отметим, что после 1989 г. в Болгарии получила развитие тенденция пересмотра всего круга проблем, связанных с приходом коммунистов к власти, а также же самих сентябрьских событий 1944 г., все чаще называемых переворотом.

С конца 1960-х годов расширилась проблематика исследований, появились серьезные работы по внешне- и внутривосточной истории Болгарии в период войны. Однако по-прежнему преобладала фактологическая направленность часто без необходимого анализа явлений. Не были преодолены шаблонность и мелкотемье, отсутствовали крупные обобщающие труды. Наиболее целостным исследованием роли БКП в антифашистской борьбе и в организации победы 9 сентября 1944 г. на том этапе стала монография Ст. Петрова [11]. Однако, хотя практически во всех работах отмечалось значение борьбы советского народа против гитлеровской Германии, в 1974 г. Д. Сирков отмечал, что «еще многое предстоит сделать для более полного раскрытия роли СССР в развитии антифашистской борьбы в Болгарии и побед Красной армии для триумфа восстания 9 сентября» [12. С. 74–75].

Конец 1960-х – начало 1970-х годов характеризуются проведением широких и интересных дискуссий болгарских историков по некоторым спорным вопросам, прямо или косвенно затрагивающим существенные аспекты антифашистского движения Сопротивления. Некоторые господствовавшие ранее точки зрения оказались дискусионными и подверглись пересмотру. Так, в 1968 г. Институт истории БКП в связи с написанием истории Болгарской коммунистической партии провел дискуссию по вопросу о том, являлась ли Болгария оккупированной страной или сателлитом гитлеровской Германии. С конца 1940-х вплоть до середины 1960-х годов под влиянием коммунистической пропаганды времен войны болгарские историки писали, что после присоединения к Тройственному пакту 1 марта 1941 г. Болгария оказалась под «немецко-фашистской оккупацией». Впоследствии эта точка зрения была признана ошибочной, поскольку в годы Второй мировой войны страна сохранила все важные черты суверенитета и атрибуты государственности. В ходе дискуссии утвердилась более обоснованная точка зрения о том, что Болгария, находясь в экономической и политической зависимости от Германии, являлась ее сателлитом [13. С. 273–331].

Этот вывод позволил историкам с новых позиций проанализировать условия, в которых развертывалась антифашистская борьба болгарского народа. Стало подчеркиваться существенное различие между движением Сопротивления в стране-сателлите Германии и в оккупированной стране. В 1972 г. в Институте истории БКП в связи с подготовкой обобщающего двухтомного издания «История антифашистской борьбы в Болгарии» прошли еще две дискуссии по таким спорным

вопросам, как возникновение и этапы революционной ситуации в Болгарии и политическая линия БРП в годы Второй мировой войны [14. С. 165–354].

Двухтомник «История антифашистской борьбы в Болгарии. 1939–1944» [15], вышедший в свет в 1976 г. – это фундаментальное исследование, охватывающее все важнейшие события антифашистского движения Спротивления болгарского народа, которое рассматривается в тесной связи с ходом Второй мировой войны, прежде всего с событиями на советско-германском фронте, и с развитием социально-политической обстановки в самой Болгарии. Авторы подчеркивают специфику болгарского Спротивления, заключавшуюся в том, что единственным руководителем вооруженной борьбы являлась БРП, а подавляющее большинство ее участников составляли коммунисты и члены Рабочего союза молодежи. Отмечая непосредственную связь возникновения движения Спротивления в Болгарии с началом Великой Отечественной войны Советского Союза, авторы труда отстаивают тезис, что ни начало Второй мировой войны, ни присоединение страны к Тройственному пакту (1 марта 1941 г.) не привели к видимым изменениям в общественном мнении и поведении, в политической жизни Болгарии. Лишь после 22 июня 1941 г., полагают авторы, на основе нового соотношения классовых и политических сил сложилась такая политическая обстановка, в которой БРП смогла призвать трудящихся к вооруженной борьбе.

24 июня 1941 г. ЦК БРП принял решение о развертывании вооруженных действий против гитлеровцев и болгарских «монархо-фашистов». В двухтомнике впервые в болгарской историографии (в духе указаний Т. Живкова) отмечается, что курс на подготовку вооруженной борьбы был принят при отсутствии самого важного условия – внутривластного кризиса и революционной ситуации. Стратегия БРП базировалась на общей линии мирового коммунистического движения, которая вырабатывалась в Москве, строилась с учетом международного значения того факта, что Советский Союз был вынужден начать Великую Отечественную войну против гитлеровцев. С этого момента судьба и развитие антифашистского движения в Болгарии в решающей степени зависели от хода и исхода гигантской битвы на Восточном фронте.

Авторы двухтомника уделили значительное место русофильству болгарского народа. Возникшее под руководством компартии движение за дружбу и союз с СССР еще с осени 1939 г. стало приобретать роль первостепенного фактора в политической жизни Болгарии. Массовое движение за заключение болгаро-советского пакта о взаимной помощи (так называемая Соболевская акция – по фамилии передавшего советское предложение о пакте генерального секретаря Наркоминдела А.А. Соболева) приняло в конце 1940 – начале 1941 г. размах и значение подлинно народного плебисцита и показало, что «народные массы не поддерживают политику правящей монархо-фашистской верхушки, что они желают демократии, мира и дружбы с СССР», – отмечалось в двухтомнике [15. Т. 1. С. 128]. Учитывая русофильские чувства значительной части населения, царь Борис III отказался послать своих солдат на Восточный фронт; несмотря на нажим Гитлера, Болгария, единственная из союзников Германии, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны.

Переломными в болгарской историографии Второй мировой войны считаются исследования о внешнеполитической ориентации Болгарии Н. Генчева [16; 17], сделавшего попытку выйти за узкопартийные рамки. В 1970–1980-е годы болгарская историография Второй мировой войны поистине переживает подъем: появляется целый ряд научных исследований, в которых преобладает профессионализм. Наиболее значимыми работами этот периода являются монографии В. Тошковой [18–19], И. Димитрова [20–21], Д. Сиркова [22], Г. Маркова [23]. В этих трудах рассматриваются вопросы внешней политики и международного положения Болгарии в годы войны, политических и дипломатических отношений с великими державами, в той или иной мере затрагивается вопрос о вне-

шней политике СССР и влиянии ее на Болгарию. Особо здесь следует отметить книгу Л. Спасова, специально посвященную болгаро-советским дипломатическим отношениям [24]. Несомненным достоинством названных работ является то, что они базируются на аутентичных документальных источниках. Разумеется, в большей или меньшей степени эти работы носят идеологический отпечаток своего времени, поскольку господствовавшие тогда идейные догмы и взгляды были обязательны по меньшей мере как установки.

Перемены, наступившие в Болгарии после 1989 г., положили начало новому этапу в изучении данной проблематики, в ходе которого большинство ученых отошли от марксистского понимания такого сложного явления, как характеристика политического режима в годы Второй мировой войны. В 1996 г. на страницах журнала «Демократически преглед» было проведено обсуждение в форме анкеты под заголовком «Был ли фашизм в Болгарии?», в котором приняли участие все занимавшиеся в то время данной проблемой ученые, невзирая на политические пристрастия, в том числе такие авторитетные историки, как Г. Марков, В. Мигев, Ст. Грынчаров, И. Баева. Было высказано единодушное мнение, что правящие в Болгарии в межвоенный период режимы были не фашистскими, а авторитарными, что фашистские организации (как, например, Народное социальное движение А. Цанкова) не имели реального веса в болгарском обществе. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) режим царя Бориса с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. Определенное усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдалось после вступления Болгарии в Тройственный пакт 1 марта 1941 г., но и тогда режим не принял тоталитарного характера. Подводя итоги, организаторы анкеты признали тезис о Болгарии в межвоенный период и в годы Второй мировой войны как «фашистском государстве» устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой [25. С. 368–444].

С вопросом о характере политических режимов в Болгарии в период с 1923 по 1944 г. многие историки связывают правомерность самих терминов «антифашистская борьба» и «антифашистское Сопротивление». Эта терминология использовалась уже в документах БРП периода войны, когда партия звала трудящихся на борьбу с «монархо-фашистской диктатурой», и затем утвердилась в пропаганде, публицистике и марксистской историографии. Если последняя с гордостью констатировала, что в Болгарии, единственной из стран-сателлитов Германии, значительных размеров достигло антифашистское движение Сопротивления, то на нынешнем этапе во многих работах подчеркивается противозаконность вооруженной антиправительственной борьбы в годы войны. Тем не менее и сегодня многие болгарские авторы широко употребляют термины «антифашистская борьба» и «движение Сопротивления», полагая, что оно включает как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима.

В то же время значительное число исследователей считают более адекватным термин «антиправительственная борьба», поскольку она велась в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично – против германских войск. Ее важной особенностью было то, что она направлялась из Москвы с далеко идущими политико-идеологическими намерениями. Так, авторы вышедшей в 1999 г. «Истории Болгарии Нового времени. 1878–1944» пишут: «Но если страна имеет все необходимые атрибуты государственности, то единственным законным способом противостояния власти является легальная оппозиционная деятельность. Причем в Болгарии эта деятельность ограничивалась, но все же допускалась. Насилие противозаконно. Оно противозаконно вдвойне, поскольку руководство сопротивлением осуществлялось извне и в интересах иностранного государства. Объяснение присутствием германских войск в стране не представляется серьез-

ным. За небольшими исключениями вооруженная борьба велась против болгарских войск и полиции. Жертвами индивидуального террора также становились болгары» [26. С. 606].

В опубликованном в 1995 г. учебном пособии «История Болгарии (681–1960)» также констатируется, что, поскольку Болгария не была оккупирована, борьба велась там против собственного правительства, против болгарских войск и полиции и лишь эпизодически – против германских войск, поэтому по существу это была гражданская война [27. С. 461].

В настоящее время публикации болгарских историков по международным аспектам болгарского вопроса практически прекратились. Исключением является капитальный труд Л. Спасова [28], в котором советско-болгарские связи рассматриваются во всей полноте. Автор стремился раскрепостить тему болгаро-советских отношений от навязываемой ей в прошлом и ныне обремененности шаблонами и схемами, расширить и обогатить ее с помощью широкой документальной основы, осветить спорные вопросы. Как отмечает в предисловии сам Л. Спасов, до перемен в Болгарии и России при изучении болгаро-советских отношений, как правило, абсолютизировались советское миролюбие и бескорыстие, мифологизировалась деятельность болгарских коммунистов, а болгарские буржуазные правительства обвинялись в провале любого неосуществившегося начинания между двумя странами.

Большое внимание в работе уделяется роли Коминтерна как инструмента советской внешней политики, который порой играл определяющую роль в развитии болгаро-советских отношений. Поддержка антиправительственной борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Учитывая особое положение Болгарии – с одной стороны, как союзника Германии, с другой – как страны с традиционно прорусскими настроениями и сильной компартией, – советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии.

Здесь надо отметить, что в болгарской исторической литературе долгое время господствовала версия о том, что политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи партии при организации вооруженной антифашистской борьбы [29; 30]. Новые документы позволили сделать вывод, что эмигранты посылались на родину советскими секретными службами в качестве советских разведчиков [31. С. 58–75; 32. С. 122].

В книге Е. Калиновой и И. Бaeвой «Болгарский транзит», выдержавшей уже три издания [33], также уделено значительное внимание советскому фактору в болгарской истории, в том числе в годы Второй мировой войны. В работе подчеркивается, что СССР располагал определенными возможностями для организации движения Сопротивления в Болгарии, рассчитывая на дисциплину и пролетарский интернационализм болгарской компартии. В Москве в годы войны находились Заграничное бюро ЦК БРП и лидер партии, генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, передававшие инструкции по развертыванию антиправительственной борьбы болгарским коммунистам. В Софии действовало и советское посольство, подробно информировавшее Москву о положении в стране. Умело использовались и русофильские настроения в обществе. Поэтому, заключают авторы, в Болгарии, несмотря на объективное отсутствие благоприятных условий, все же развернулось движение Сопротивления, контролируемое и руководимое Москвой. И если в 1939–1940 гг. СССР пытался дипломатически «завоевать» Болгарию, но «проиграл» соревнование с Германией, то в годы войны Москва подготовила свой «реванш», обеспечив серьезную внутреннюю опору в лице болгарской компартии и руководимого ею движения Сопротивления.

С вступлением Красной армии на Балканы СССР сумел прочно гарантировать свои стратегические интересы в регионе [33. С. 21].

Е. Калинова в монографии «Победители и Болгария (1939–1945)» подробно проследила решающую роль внешнего фактора, прежде всего советского, в развитии страны в указанный период. В книге проводится мысль, что в политике относительно Болгарии советское руководство рассчитывало на болгарских коммунистов. Так, «принятый БРП курс на вооруженную борьбу целиком и полностью являлся результатом инструкций Москвы и в последующие годы оставался непосредственно связанным с поступающими оттуда указаниями» [34. С. 89–90].

После Сталинградской и Курской битв произошёл перелом в ходе войны. Логично предположить, пишет автор, что летом–осенью 1943 г. в Москве начали обдумывать пути превращения военных побед в политические дивиденды по окончании войны. В Болгарии советская политика была направлена прежде всего на активизацию движения Сопротивления (расширению антифашистского Сопротивления во всех европейских странах способствовало, помимо побед советского оружия, решение Сталина о роспуске Коминтерна в мае 1943 г.). Весной 1943 г. партизанское движение в Болгарии разрослось и объединилось в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА), страна была разделена на военно-оперативные зоны, а с августа начал действовать Национальный комитет Отечественного фронта. «Так под руководством Москвы в Болгарии в 1943–1944 гг. создается значительное движение Сопротивления [...] хотя на него и оказывает сильное влияние положение страны как германского союзника и поэтому оно направлено, прежде всего, против болгарских правящих кругов, сотрудничающих с рейхом» [34. С. 94]. По мнению автора, с конца 1943 г. Москва ориентировалась на самостоятельную линию в отношении Болгарии. При этом Сталин руководствовался в первую очередь интересами советской безопасности – продолжением традиционных российских устремлений. С приближением летом 1944 г. советско-германского фронта к Балканам партизанские соединения в Болгарии стали получать оружие и боеприпасы, которые сбрасывали с самолетов советские летчики.

В новейшей болгарской литературе отмечается, что советские представители поддерживали самые тесные контакты с вооруженным антифашистским движением в Болгарии. Информацию о состоянии и задачах нелегального движения Сопротивления левых сил поступали по нескольким каналам – от ЦК БРП, по радиосвязи между г. Димитровым и Главным штабом партизанского движения, а также от отдельных советских разведгрупп. Эти сообщения пересылались через резидентуру Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии и Первого отдела НКГБ [1. С. 69]. В непрерывном потоке телеграмм и шифровок из Москвы Димитров давал указания руководителям БРП о политической тактике, которой они должны были следовать. Советское посольство в Болгарии также сосредоточилось в годы войны на разведывательной деятельности. Используя исключительно благоприятные возможности практически единственного посольства СССР в Европе, располагавшего экстерриториальностью, дипломатическим иммунитетом, шифрами и дипкурьерами, оно стало одним из центров советской разведки в Европе. В значительной степени благодаря поддержке болгарской общественности посольство достигло в этой области немалых успехов [35].

События 9 сентября 1944 г. – революция, восстание или переворот?

На протяжении почти полувекового коммунистического правления в Болгарии 9 сентября 1944 г. считалось главным национальным праздником страны, а наряду с этим – героическим началом новой эпохи, своего рода основополагающим мифом, освящающим смену политического режима и возникновение «справедливого строя» на болгарской земле. Руководителям страны было важно дать ответ на принципиальный вопрос – получили ли они руль управления из рук

Красной армии или сами, своими силами, взяли власть? Немалое значение имела при этом «техника» действия – военный переворот, вооруженная партизанская борьба или вооруженное восстание.

Фактически первая, по горячим следам, оценка событий 9 сентября была дана находившимся в стране секретарем ЦК БРП Тр. Костовым, руководившим оперативной работой Политбюро и хорошо знавшим положение в центре и на местах. Костов, очевидно, находясь под впечатлением энтузиазма народных масс и стремительно произошедшей смены власти, переживая состояние эйфории, сообщал 13 сентября 1944 г. в Москву Г. Димитрову, что «фашизм свергнут» и в стране победила «антифашистская революция» [36. С. 29]. В ответной радиограмме от 15 сентября Димитров от имени Загранбюро ЦК указал, что оценка событий как «антифашистской революции» является «неправильной»: сейчас решающее значение имеют «общенациональные, а не классовые цели» [37. С. 83].

Такой подход болгарских коммунистов отразил желание отмежеваться в тех конкретных условиях от, мягко говоря, «непопулярного» понятия «социально-классовой революции», способного расколоть болгарское общество, вызвать страх перед возможным противостоянием социальных слоев вплоть до гражданской войны. Предложенная тогда же дефиниция «народное» или даже «всенародное вооруженное восстание» [38. С. 5] была призвана консолидировать общество, поскольку поначалу отражала и точное указание объекта действия «народных сил» – «фашистский режим» и «немецкая агентура» в стране. В отчетном докладе на V съезде БКП (декабрь 1948 г.) речь шла о «народном восстании 9 сентября», характеристика восстания как «антифашистского» отпала, хотя в предварительных вариантах доклада на партийном форуме, готовившегося Г. Димитровым, она имелась.

Отказ от определения «революция» оказался весьма продуктивным и с той точки зрения, что позволил, спустя некоторое время, трактовать события 9 сентября как закономерный итог более продолжительного, нежели революционный «скачок», процесса «перерастания» вооруженного сопротивления в народное восстание. Закрепленное в канонической «Истории антифашистской борьбы в Болгарии. 1939–1944» [15. Т. 2. С. 225], оно на долгие годы стало господствующим в болгарской историографии.

Впоследствии произошло возвращение к самым первым оценкам события 9 сентября как «революции», что было призвано подчеркнуть массовое участие населения в смене власти насильственным путем. В исторической литературе отмечены две фазы развития этого определения – «народно-демократическая революция» как первый этап революционного процесса и затем – «социалистическая» с самого начала революция. Последнее понятие впервые прозвучало в докладе Т. Живкова на VII съезде БКП в 1958 г.; при этом оратор отметил не только «решающую помощь Советской армии», но и сходство событий в Болгарии с социалистической революцией в России, «повторение Великого Октября в основном, в главном» [39. С. 433].

Данная партийным лидером характеристика превратилась в установочную и в качестве таковой перекочевала в научные труды профессиональных историков. Авторы упомянутой выше «Истории антифашистской борьбы в Болгарии», стремясь связать воедино оценку событий 9 сентября как народного восстания и идеологические установки партии, обосновали тезис, согласно которому восстание провозглашалось началом социалистической революции в стране. Они утверждали, что вооруженное восстание могло стать победоносным лишь при сочетании внутреннего фактора с ударом извне – «при решающей помощи Советской армии». Имелись в виду не только объявление войны Болгарии 5 сентября 1944 г. или вступление советских частей на территорию Болгарии 8 сентября («освободительный поход», присутствие в стране «армии-освободительницы», неоценимая братская помощь Советского Союза), но и общая благоприятная

стратегическая обстановка на Балканах в результате наступательных операций Красной армии [15. Т. 2. С. 271, 283–284]. Аналогичная оценка содержалась и в индивидуальных монографиях болгарских ученых [40; 41].

Намерение ознакомить широкие массы читателя с официальной версией событий болгарской истории нашло выражение в изданном несколько лет спустя сокращенном варианте двухтомника, переведенного вскоре и на русский язык [42; 43]. Дублируя официальную установку о начале в сентябре 1944 г. социалистической революции в Болгарии, авторы акцентировали внимание читателя на «гигантском подвиге» болгарского рабочего класса и других слоев трудящихся, которые в вооруженной борьбе и восстании под руководством коммунистов пришли к победе.

Наряду с оценками событий 9 сентября как революции, в научном обиходе по-прежнему использовалось и определение «народное восстание», отражавшее конкретные события вокруг взятия власти. Примечательно, что авторы устанавливали «водораздел» между этими понятиями на основании ленинского определения «революции» как эпохи острых классовых конфликтов и боев на всех «фронтах» – в экономике, политике, культуре, идеологии. Определение «восстание» характеризовало путь или методы захвата политической власти.

Доминирование в исторической литературе определений «восстание» и «революция» отразило безальтернативную трактовку событий, фактическое недопущение в научный обиход иных тезисов, в частности – о перевороте. Оппозиция «восстание – переворот» существовала в то время в болгарской историографии лишь как отголосок утверждений, главным образом, зарубежных авторов – «апологетов буржуазии на Западе», критиковавшихся в связи с этим болгарскими историками [40. С. 493–494; 42. С. 260]. Западные историки, говорилось в одной из работ, считают победоносные сентябрьские события «переворотом», используя для его характеристики определения «государственный», «военный», «политический», они обвиняют СССР и его армию во «вмешательстве во внутренние дела Болгарии». На самом деле, «победа 9 сентября свидетельствовала не о внутренней беспомощности революционных сил в стране и внешнем вмешательстве в ее дела, а о редком для истории благоприятном сочетании внутренних и внешних факторов» [42. С. 271].

Обращает внимание, что с определением «переворот» авторы связывали слабость внутреннего фактора, признать какую, согласно официальным установкам, было нельзя. Кроме того, «переворот» вызывал сомнения в желательности болгарским обществом радикальных перемен. Что же касается революции, то, помимо массовости события, с этим определением увязывалась и коннотация «величия», необратимости и глубоких последствий общественного сдвига. Как отмечал крупнейший исследователь народно-демократического этапа болгарской истории М. Исусов, разгром и ликвидация монархо-фашистской государственно-политической системы могли осуществиться *только* через вооруженное народное восстание, а не путем военного переворота [44. С. 132].

В посткоммунистический период, как уже указывалось выше, пройдя болезненный этап «негативизма» [45], характеризовавшийся конъюнктурными, крайне политизированными, далекими от науки оценками, болгарские историки, получившие доступ к первоисточникам, обратились к профессиональному изучению начального периода «болгарского социализма», его отдельных проблем и аспектов.

На этом этапе оценка событий 9 сентября 1944 г. была кардинально пересмотрена. В научный обиход прочно вошло определение «переворот», причем, если одни авторы тяготели к трактовке переворота как узко заговорщического и едва ли не случайного события [46. С. 77], то другие предпочли вернуться к тезису о решающей роли внешнего фактора (наступление Красной армии, соглашения союзников по Антигитлеровской коалиции относительно Болгарии), отрицая факт

восстания и уменьшая значение вооруженного Сопrotивления, в частности действий партизанских отрядов [47; 48].

Четкую позицию дегероизации событий 9 сентября занял С. Грынчаров, защищавший тезис о военном перевороте. В условиях, когда власти распорядились не оказывать сопротивления наступавшей Красной армии, ни о каком «героическом» взятии городов и сел партизанами, штурме тюрем и освобождении арестованных, утверждал этот автор, не могло быть и речи. «Всенародное антифашистское восстание» Грынчаров считал «полной бутафорией» [49. С. 498; 26. С. 632–633]. Характерно, что свои взгляды он изложил и в рассчитанных на широкую аудиторию обобщающих коллективных работах по истории Болгарии, предложив, таким образом, новую интерпретацию событий прошлого массовому читателю.

В статье В. Вылканова, приуроченной к 65-летию сентябрьских событий 1944 г. и уже в самом названии, содержащей их определение – «военно-политический переворот», подчеркивается, что впервые в истории страны насильственная смена политической власти произошла «при начавшейся иностранной военной оккупации и при доказанном иностранном вмешательстве в болгарские внутренние дела» [50. С. 85].

Но было бы упрощением считать, что в исторической науке состоялся единодушный пересмотр былых позиций. Признавая роль внешнего фактора, М. Исусов в своих последних работах по-прежнему исходил из определяющего значения 9 сентября как национального болгарского явления. По мнению исследователя, антифашистское Сопrotивление увенчалось вооруженным восстанием, в ходе которого «революционные силы» заняли 20 городов и более 170 сел. Иными словами, перемена характера власти в стране рассматривалась ученым не как следствие военного переворота или побед Красной армии [51. С. 7]. К самому тезису о военном перевороте Исусов подходил с критических позиций, подчеркивая, что офицеры – участники захвата Военного министерства, как и сам министр И. Маринов, ориентировались на Отечественный фронт, действовали от его имени и выполняли поставленную им задачу. Они не имели собственной программы и не стремились к созданию правительства военных. Да и захват Военного министерства, полагал ученый, не имел решающего значения, так как Красная армия уже вступила в пределы Болгарии [52. С. 227–228].

Близка к позиции Исусова и точка зрения Н. Недева. Не отрицая факта военного переворота, этот историк акцентировал внимание на глобальном размахе событий, наличии протестов, собраний и демонстраций. Признавая значение стран Антигитлеровской коалиции и особенно решающую роль Советской армии в освобождении Балкан, исследователь считает необходимым в то же время подчеркнуть, что «Болгария освободилась от Вермахта сама и встретила русские войска торжественно, как ни одна другая страна в Европе» [53. С. 646–648].

В историографии последних лет отразилась позиция, сторонники которой, не отрицая факта переворота, предлагают вместе с тем не преувеличивать роль военных в событиях 9 сентября. Участие армии в захвате Военного министерства они оценивают прежде всего как сигнал к взятию власти комитетами Отечественного фронта и партизанскими отрядами по всей стране [46. С. 68]. В развитие этого тезиса определился и еще один подход к событиям 9 сентября – как к «военно-политическому перевороту», при котором коммунисты использовали военных для взятия власти. Присутствие же Красной армии в стране расценивается как один из главных факторов, способствовавших успеху переворота [54].

Несмотря на то что оценки событий 9 сентября в наши дни по-прежнему варьируются от «вооруженного народного восстания» до «переворота», качественные характеристики которого также различны, следует признать: практически все болгарские исследователи сегодня единодушны – для Болгарии эта дата имела большое историческое значение. С ней связано установление впоследствии

политического режима советского типа и внедрение советской модели управления. Своего рода собирательной является оценка событий, данная И. Баевой и Е. Калиновой. Исследовательницы отмечают, что перемены в развитии страны «наступили в результате переворота в центре и повстанческих действий в провинции, но в основе всех действий стояла БРП – организатор антифашистского Сопротивления в годы войны. Она действовала в соответствии с указаниями Москвы, где находились ее лидеры Георгий Димитров и Васил Коларов, причем действия партии облегчались вступлением в Болгарию Красной армии и договоренностями между странами антигитлеровской коалиции» [33. С. 40]. В одной из последних работ Е. Калинова указывает, что «в ночь с 8 на 9 сентября был осуществлен переворот», в результате которого «при советской (хотя и не прямой) поддержке» к власти пришло правительство Отечественного фронта [34. С. 106].

В целом после 1989 г. оценочный акцент постепенно сместился к более фундаментальным вещам, прежде всего к определению значения событий с точки зрения долговременной перспективы.

В этом плане появившиеся в 1990-е годы оценки отразили отход на второй план вопросов взятия власти при одновременной концентрации исследовательского внимания на политике прежнего режима, потерпевшего крах вместе с гитлеровской Германией, на состоянии внутренних оппозиционных сил, вооруженного коммунистического Сопротивления. Красная армия рассматривается как внешний фактор, имевший определяющее значение в условиях включения Болгарии в советскую сферу влияния согласно международным договоренностям. Акцент делается на том, что судьба страны решалась за ее пределами, и по этой причине внутренний фактор, независимо от его активности, играл подчиненную роль. Полемизируя с коллегами-историками, пользующимися при оценке степени влияния внешнего фактора определениями «немалое», «значительное», «большое» и пр., Е. Емануилов подчеркивает, что «Болгария *целиком и полностью* (курсив наш. – *Е.В., Т.В.*) зависела от внешнего фактора, от силы, доминировавшей в мире в данный момент» [55. С. 6].

Оригинальную точку зрения высказал И. Димитров, предложивший трактовку 9 сентября с точки зрения «приведения режима управления в соответствие с разделом Европы». Воля и интересы «малой страны», утверждал исследователь, при этом в расчет не принимались [56. С. 195].

Нельзя не отметить, что проблема адекватной оценки событий 9 сентября сохраняет свою актуальность. Объективно это связано с тем, что, как отмечает М. Минчев, в происшедшей 9 сентября 1944 г. радикальной перемене «можно найти элементы или хотя бы аргументы в пользу трех основных тезисов» – о передаче власти болгарским коммунистам Красной армией, о «народном вооруженном восстании» и, наконец, о «военном перевороте» [46. С. 42–47]. Уровень эмпирического знания, как и множественность интерпретаций конкретно-исторического материала объясняют стремление некоторых современных исследователей ограничиться аккуратным-осторожным подходом, отраженным в нейтральной формулировке – «перемена 9 сентября» [33. С. 39; 57. С. 377].

Красная Армия в Болгарии – освобождение или оккупация?

На фоне вышеуказанных оценок и подходов вопрос о роли Красной армии в событиях 9 сентября приобрел весьма деликатный, даже щекотливый характер. Из дневника Г. Димитрова известно категорическое утверждение Сталина о решающем значении внешнего фактора. «У вас, – говорил советский лидер в декабре 1948 г., – взятие власти рабочим классом осуществлялось не путем внутреннего восстания, а с помощью извне, советскими войсками, т.е. легко, без особых усилий», «ваши [капиталисты и помещики] сдались без боя [...] Одним словом, вам повезло, и виноваты в том мы, в чем признаёмся» [58. С. 644–645]. Сталин-

ский императив определил необходимость совместить роль внешнего фактора с проблемой легитимации коммунистического режима на основе фактора внутреннего. И в политическом отчете ЦК БКП на V съезде (1948) такое «совмещение» произошло: констатировалось «сочетание народного восстания Девятого сентября 1944 г. с победоносным шествием Советской армии на Балканах» [59. С. 271].

В сочинениях болгарских историков раннего периода советский фактор не ставился под сомнение, более того, он являлся доминирующим. В 1950–1960-е годы установочный характер приобрели работы, в которых Красная армия выступает как двойная освободительница – от болгарского «монархо-фашизма» и гитлеровской оккупации – и как гарант «вполне естественного развития народно-демократической революции», на которое не могло повлиять ничье внешнее вмешательство и никакие внешние силы [10. С. 287–288]. Показательно, что Советский Союз при этом выводится за рамки «внешнего фактора»: к таковым отнесены лишь западные силы. Следовательно, из подобной интерпретации исторических событий логично следует вывод, что новая, «англо-американская», оккупация не стала реальностью и тем самым болгарский народ был спасен от «третьей национальной катастрофы», также благодаря Красной армии [60. С. 172–173]. Естественно при таком подходе и эмоциональная оценка вступления Красной армии на территорию Болгарии как «счастье для болгарского народа».

Укоренение в массовом сознании тезиса о Красной армии-освободительнице, как отмечается в современной болгарской историографии, в значительной мере обуславливалось исторической памятью народа о «первом» освобождении в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В следующее десятилетие, 70-е годы XX в., развернутые характеристики роли Красной армии получили окончательное закрепление в официозных изданиях. Авторы упомянутой выше «Истории антифашистской борьбы» констатировали, что одним своим пребыванием на болгарской земле, «не принимая непосредственного участия в классовой борьбе», Красная армия «ошеломила» противника, «парализовала» силы фашизма и буржуазии, вызвав одновременно «волну безудержного восторга и подъема народа». Медленное продвижение советских частей по болгарской земле дало возможность внутренним силам «выполнить свою роль» при захвате власти Отечественным фронтом. Стремясь избежать возможных упреков в «экспорте революции», авторы акцентируют внимание на невмешательстве Красной армии во внутренние дела страны. Последним звеном в цепи оценок стал вывод о том, что события 9 сентября явились логическим завершением антифашистской борьбы, «болгарским делом», что победа была достигнута прежде, чем Красная армия продвинулась в глубь страны [15. Т. 2. С. 272].

1980-е годы не принесли ничего принципиально нового в оценочном плане, хотя можно отметить некоторую подвижку: подчеркивание значения внутреннего фактора за счет ослабления внешнего (следовательно, приуменьшения роли Красной армии). Констатировалось, что Красная армия оказала помощь, хотя и не решающую, в создании условий для социальной революции в Болгарии, повторялись прежние установки о революции как «болгарском явлении», разрешившей классовые противоречия и вскрывшей созревший нарыв «революционной ситуации». В данном контексте вступление Красной армии в Болгарию трактовалось как импульс для такого исхода, поскольку основная задача, решавшаяся и решенная советскими войсками, заключалась в изгнании гитлеровцев из страны [61. С. 48–49]. В наиболее четком и законченном виде указанная позиция отражена М. Исусовым, утверждавшим, что власть в стране перешла в руки комитетов Отечественного фронта и НОПА в ходе восстания, а не с помощью «советских штыков» [44. С. 132].

Вопрос о соотношении внешнего и внутреннего факторов поднимал в своих работах и И. Димитров, вероятно, полагававший, что большую убедительность придаст его выводам «математический» подход. Обратившись к авторитету ли-

дера болгарских «тесняков» Димитра Благоева, отмечавшего в свое время, что в таких странах, как Болгария, успех революции на $\frac{3}{4}$ зависит от внешних обстоятельств, Димитров в оценке роли Красной армии в сентябре 1944 г. скорректировал тезис о ее «решающей» помощи следующим образом. Понятие «решающая», отмечал ученый, предполагает, что возможно и такое соотношение внешнего и внутреннего факторов, как «чуть более $\frac{1}{2}$ ». Это означает, что «реальный» внутренний фактор, в первую очередь, «вооруженная борьба, которую организовала и привела к народному восстанию коммунистическая партия» [62. С. 14-15], фактически уравновешивал, в представлении ученого, фактор внешний.

Постепенно в результате принципиальной переоценки вступление Красной армии в Болгарию и события 9 сентября перестали символизировать освобождение. Само это слово стали писать не иначе, как в кавычках. Эта же участь постигла и понятия «освободительный поход», «освободительная миссия», «освобожденные страны» и пр. Отдельные авторы заговорили о «духовном и физическом геноциде (!), который ожидал все народы, оккупированные Красной армией в конце Второй мировой войны» [63. С. 91].

Другие, не довольствуясь болгарскими сюжетами, смело расширяли географический диапазон критических оценок. «Наступлению на Берлин в 1945 г., – пишет Р. Богданова, – предшествовали другие “освободительные походы”, которые хорошо иллюстрируют бесспорное переплетение военно-стратегических и политических целей и раскрывают механизм формулы, примененной после Второй мировой войны в странах, вошедших в советскую сферу влияния» [64. С. 500, 552]. Эта формула, как можно понять из другой работы исследовательницы 2008 г., заключалась в «социалистической колонизации» обширных территорий Восточной Европы [65. С. 391]. (Попутно заметим, что еще в работе 2000 г. автор не пользовалась кавычками, говоря об освободительной миссии Красной армии [66. С. 292].

События 9 сентября 1944 г. сегодня зачастую увязываются с «советской оккупацией» и началом коммунистического тоталитаризма; получили распространение суждения о «третьей национальной катастрофе», «переломе позвоночника» болгарской истории [49. С. 499; 67. С. 269–271; 68. С. 7, 217]. Часть историков (Г. Марков) «национальную катастрофу» видят в отклонении страны от ее «естественного исторического пути» с очередным попаданием в лагерь побежденных и вытеснением из «новых [территориальных] пределов» [67. С. 269–271]. Участие Болгарии на завершающем этапе войны на стороне победителей не привело к закреплению за ней статуса «совоюющей страны», и, таким образом, политическая цель не была достигнута.

Характерными явлениями для новейшей болгарской историографии можно считать, с одной стороны, использование характеристики «советская оккупация» как исходной данности, своего рода аксиомы, не требующей доказательств или, хотя бы, оговорок («Оккупация Болгарии советскими войсками, – пишет, например, Л. Спасов, – резко изменила соотношение сил в пользу Москвы» – были созданы условия для установления коммунистического управления [28. С. 486–487]), и, с другой стороны, попытки найти наиболее адекватные характеристики процессов, протекавших в стране. Например, Р. Богданова предлагает считать страны советской сферы влияния не «пассивными объектами», а «субъектами с ограниченным суверенитетом», указывает на «военно-политическое влияние и контроль СССР» в Болгарии [64. С. 552], отграничиваясь, таким образом, от определения «оккупация».

В монографии В. Ангелова с говорящим названием «Третья национальная катастрофа. Советская оккупация в Болгарии (1944–1947 гг.)» [69] представлен подробный обзор болгарской и советской/российской литературы (как социалистического периода, так и современной), затрагивающей различные аспекты болгаро-советских отношений в указанные годы. Советское военное присутствие в

Болгарии характеризуется в работе исключительно негативно. Приводятся данные (в том числе и документальные) о цене этого присутствия, о характере болгаро-советского торгово-экономического сотрудничества и особенно о последствиях наступившей советизации страны.

Убежденным оппонентом сторонников тезиса об «оккупации» был М. Исусов, считавший соответствующие утверждения «легендой», сознательно популяризовавшейся, по его убеждению, в политических целях «антисоветски настроенными политиками и средствами массовой информации» [70. С. 97]. Обосновывая свою точку зрения, ученый обратил внимание читателя на то, что советские военные органы не участвовали в решении политических, административных и социальных проблем Болгарии. «Наша страна была поставлена в положение сильной, даже полной зависимости, но отнюдь не была оккупирована. Из Москвы в Болгарию поступали не только приказы и решения, но и предложения, мнения, советы, вопросы», – подчеркивал он [52. С. 237].

Проблема советского военного присутствия в Болгарии характеризуется стойким интересом в обществе, который сформировался в годы болгарской перестройки. Современное состояние болгарского общества таково, что оно слабо примет некие «промежуточные», сделанные с разных ракурсов оценки и подходы. Общество, уставшее от недоговоренностей, тайн и откровенных фальсификаций, охотнее воспринимает однозначную категоричность. Тем сложнее положение исследователей, пытающихся реализовать многоаспектный подход к указанному явлению. Надо отдать должное тем болгарским коллегам, которые в годы трансформации приступили к переоценке или демифологизации исторического процесса, отдельных событий, спорных фигур в болгарской истории с учетом новых тенденций в мировой историографии. Так, обратившись к проблеме советского военного присутствия, Й. Баев предложил рассматривать ее с разных позиций – цивилизационной, формационной и юридической. В результате проведенного анализа ученый пришел к заключению, что «в общецивилизационном плане» разгром фашистской Германии и приход Красной армии в Европу, безусловно, имели освободительный характер. Однако впоследствии освободительный поход привел к созданию в Восточной Европе политических режимов советского типа, зеркальным отражением которого стали «правототалитарные режимы», например, в Греции в условиях британского военного присутствия. Эти процессы Баев убежденно трактует как формационный сдвиг. Наконец, с юридической точки зрения дислокация частей Красной армии в Болгарии, наличие в стране, бывшем сателлите гитлеровской Германии, вплоть до декабря 1947 г. Союзной контрольной комиссии и военных комендатур указывает, по его мнению, на оккупационный характер советского военного присутствия [71. С. 310].

Рассмотрение оценок событий 9 сентября 1944 г., роли Красной армии и советского военного присутствия в Болгарии в национальной болгарской историографии подтверждает правоту академика И. Димитрова, указавшего на то, что в истории любого народа есть события и личности, которые «обречены оставаться спорными и для людей, и для науки». Как не может ни одна власть установить, что есть правильное, а что – нет, так и «для исторической науки нет окончательных и тем более официальных и обязательных истин» [56. С. 196–197].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев Й. Някои проблеми на съветската политика към България (1943–1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999.
2. Русия и България – между «филството» и «фобството». Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в българската история» // <http://anamnesis.info/Ru-Bg/Articles/Bg-Ru.pdf>.
3. Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева И. Историографията между приемственост и промяна: А. За текущата история на историческата наука в България. Б. Анкетно проучване «Историци за история» // Исторически преглед. 2005. № 1–2.

4. Историческата наука в България – състояние и перспективи. София, 2006.
5. *Тодоров Г.* За отражението на Великата Отечествена война на Съветския Съюз у нас през 1941 и 1942 г. // Исторически преглед. 1951–1952. Кн. 4–5.
6. *Михов М.* Борбата на СССР за мир на Балканите в началото на Втората световна война и България // Военно-исторически сборник. 1953. Кн. 4.
7. *Михов М.* Борбата на СССР за предотвратяване на хитлеристката агресия на Балканите по времето на Втората световна война // Военно-исторически сборник. 1954. Кн. 1.
8. История на България. София, 1955. Т. 2.
9. История на България. Второ преработено издание. София, 1964. Т. 3.
10. *Горненски Н.* Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархофашистката диктатура (1941–1944). София, 1958.
11. *Петров Ст.* Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархо-фашизма (1941–1944 г.). София, 1969.
12. *Сирков Д.* Поглед върху някои историографски проблеми на антифашистката борба в България по време на Втората световна война // Векове. София, 1974. № 4–5.
13. Положението на България по времето на Втората световна война – окупирана или сателитна страна // Известия на Института по история на БКП. София, 1969. Т. 21.
14. Дискусия по някои въпроси от историята на БКП // Известия на Института по история на БКП. 1973. Т. 29. С. 183–401; 1974. Т. 30. С. 165–354.
15. История на антифашистката борба в България. 1939–1944. В два тома. София, 1976.
16. *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война (септември 1938 – септември 1939 г.) // Годишник на Софийския университет. Филос.-истор. факултет. 1968. Т. 61. Кн. 3.
17. *Генчев Н.* Външната политика на България през началния период на Втората световна война 1939–1941 г. // Годишник на Софийския университет. Филос.-истор. факултет. 1970–1971. Т. 63.
18. *Тошкова В.* България и Третият Райх. 1941–1944 г. София, 1975.
19. *Тошкова В.* България в балканската политика на САЩ. 1939–1944 г. София, 1985.
20. *Димитров И.* Българо-италиански политически отношения. 1922–1943 г. София, 1973.
21. *Димитров И.* Англия и България. 1938–1941 г. София, 1983.
22. *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941 г. София, 1979.
23. *Марков Г.* Българо-германски отношения. 1931–1939 г. София, 1984.
24. *Спасов Л.* Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1944 г. София, 1987.
25. Анкета на сп. «Демократически преглед» – «Имало ли е фашизъм в България?» // Демократически преглед. София, 1996. № 4–5.
26. *Стателова Е., Грънчаров С.* История на нова България. 1878–1944. София, 1999. Т. III.
27. История на България (681–1960). София, 1995. Т. II.
28. *Спасов Л.* България и СССР, 1917–1944 г. (политико-дипломатически отношения). Велико Търново, 2008.
29. *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. 1963. Т. 10.
30. *Видинский К.* Подводници. Воспоминания. София, 1987.
31. *Даскалов Д.* Жан съобщава. Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София, 1991.
32. Живот – борба. Книга за Цвятко Радойнов. София, 1986.
33. *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2002. София, 2002.
34. *Калинова Е.* Победителите и България (1939–1945). София, 2004.
35. *Ревякина Л.* Съветската легация в България (22 юни 1941 – 9 септември 1944 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999.
36. Непубликувани радиोगрами на Георги Димитров в ЦК на БРП(к) (август – декември 1944 г.) // Известия на Института по история на БКП. София, 1975. № 32.
37. *Аврамов П.* Развитие на възгледа за Деветосептемврийското въстание и народнодемократичната власт (1944–1948) // Исторически преглед. 1982. Кн. 3.
38. *Димитров Г.* Все для фронта! Централному комитету Болгарской рабочей партии (коммунистов). 28 септември 1944 г. // *Димитров Г.* Избранные произведения: в 3-х т. М., 1984. Т. 3. Септември 1944 – июнь 1949 г.
39. *Живков Т.* Избрани съчинения. София, 1976.
40. *Петрова С.* Деветосептемврийската социалистическа революция 1944 г. София, 1981.
41. *Огнянов Л.* Деветосептемврийската социалистическа революция. София, 1984.
42. Народът против фашизма. 1939–1945. София, 1983.
43. Народ против фашизма. 1939–1945. Исторический очерк о борьбе болгарского народа в период Второй мировой войны. М., 1986.
44. *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991.
45. *Даскалов Р.* Есета върху тоталитаризма и посттоталитаризма. София, 1991.
46. *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999.
47. *Огнянов Л.* Държавно-политическата система на България. 1944–1948. София, 1993.

48. *Рачев С.* Чърчил, България и Балканите. 1939–1945 г. София, 1998.
49. *Божилков И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грънчаров Ст.* История на България. София, 1998.
50. *Вълканов В.* Деветосептемврийският военно-политически преврат от 1944 година (65 години от събитието) // Исторически преглед. 2009. № 3–4.
51. *Исусов М.* Политическият живот в България. 1944–1948. София, 2000.
52. *Исусов М.* За характера на българо-съветските отношения след Втората световна война // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000.
53. *Недев Н.* Три държавни преврата или Кимон Георгиев и неговото време. София, 2007.
54. *Цветанова М.* Характер на събитията на 9 септември 1944 г. // Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове. История. Пловдив, 2006. Т. 1. Кн. 1.
55. *Емануилов Е.* България в политиката на великите сили. 1939–1947. Велико Търново, 2003.
56. *Димитров И.* Между Мюнхен и Потсдам. Българската политика през Втората световна война. Исторически очерци. София, 1998.
57. *Недев С.* Българската армия под съветско командване // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008.
58. *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949. София, 1997.
59. *Димитров Г.* Политически отчет на ЦК на БРП(к) пред Петия конгрес на партията. 19 декември 1948 г. // *Димитров Г.* Съчинения. София, 1955. Т. 14.
60. *Горненски Н.* Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристка окупация и монархофашистка диктатура (1941–1944) // Социалистическата революция в България. София, 1965.
61. *Сирков Д.* Антифашистката борба в България по време на Втората световна война (1939–1944). София, 1980.
62. *Димитров И.* Другарят Тодор Живков за Деветосептемврийската социалистическа революция // Исторически преглед. 1985. Кн. 9–10.
63. *Цветков П.* Руската и съветската имперска система // България между Европа и Русия. Научна конференция. 10–11 октомври 1997 г. София, 1998.
64. *Богданова Р.* Лошата слава на най-верния сателит. Българо-съветски политически отношения след Втората световна война // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008.
65. *Богданова Р.* Политическа иконография на «социалистическото строителство» // Известия на Българското историческо дружество. София, 2008. Т. 40.
66. *Богданова Р.* Москва и «националните» пътища към социализъм. Моделът и българското копие през втората половина на 40-те години // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000.
67. *Марков Г.* Българската история вкратце. София, 1992.
68. *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX век. София, 2005.
69. *Ангелов В.* Третата национална катастрофа. Съветска окупация в България (1944–1947). София, 2005.
70. *Исусов М.* Георги Димитров на границата на два социални експеримента // Георги Димитров – между възхвалата и отрицанието. Студии и статии. София, 2003.
71. *Баев И.* Проблеми на българо-съветските военнополитически отношения (септември 1944 – декември 1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000.

© 2011 г. С.А. РОМАНЕНКО

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ И СУДЬБА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ХОРВАТИИ И БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Статья посвящена дискуссиям в современной историографии Хорватии и Боснии и Герцеговины относительно роли национальных движений южных славян в судьбе Австро-Венгрии, а также влияния монархии Габсбургов на социальное, этнополитическое и культурное развитие хорватов, сербов и мусульман-босняков. Ситуация в национальных историографиях постюгославских государств рассматривается в контексте внутривнутриполитического развития Хорватии, Словении и Боснии и Герцеговины в 1990–2000-е годы, а также взаимоотношений между народами и государствами Западных Балкан.

The article is devoted to the discussions in modern historiography of Croatia and Bosnia and Herzegovina considering both the role of national movements of the Southern Slavs in the disintegration of the multinational Austria-Hungary, and the influence of the Habsburg monarchy to the social, political and cultural developments of Croats, Serbs, and Bosnians. Furthermore, the article considers national historiographies of the post-Yugoslav states in the context of the internal developments of these countries and the international relations in the region of the Western Balkans in the 1990es–2000es.

Ключевые слова: историография, Австро-Венгрия, Югославия, национальные движения, австрославизм, югославизм.

Период второй половины XIX – начала XX в. занимает важное место в историческом сознании, исторической памяти и историографии хорватов, сербов и босняков (мусульман Боснии и Герцеговины), в том числе отношение к Австрийской (с 1867 г. – Австро-Венгерской) империи и династии Габсбургов. Оценка роли Австро-Венгрии для судьбы этих народов, с одной стороны, и роль их национальных движений в судьбе монархии – с другой, была важна как обоснование и легитимности требований национальных движений, и традиций, культуры, психологии, образа жизни, своего места в истории Европы.

Начиная с 1918 г. вплоть до конца 1980-х годов – резкой активизации дезинтеграционных процессов в СФРЮ – Австро-Венгрия официальной югославской историографией и политической пропагандой изображалась и, соответственно, массовым историческим сознанием каждого народа воспринималась как «тюрьма народов», которая закономерно должна была уступить место общему государству южных славян [1]. А Югославия, в свою очередь, изображалась и воспринималась как закономерный результат борьбы на национальную и социальную свободу, как форма ликвидации межнациональных противоречий и обретения национального самоопределения [2].

Романенко Сергей Александрович – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ИЭЖ РАН.

Отношение к Австро-Венгрии различалось в сербской, хорватской и боснийско-мусульманской историографии в межвоенный период, в годы Второй мировой войны и народно-освободительной борьбы [3].

Коммунист Й. Броз Тито, с именем которого неразрывно связано создание социалистической Югославии, в традициях социал-демократического и коммунистического движений первой половины XX в. официально дал негативную оценку Австро-Венгрии. Выступая со знаменитой речью на V съезде КПЮ в 1948 г., в которой, в контексте обоснования позиции югославской стороны в конфликте со Сталиным, ВКП(б) и СССР, содержался югославский вариант «краткого курса» национальной истории, он превозносил национальные движения сербов, хорватов и словенцев, причем в их югославистском и социалистическом вариантах [4]. Однако в частном разговоре назвал Австро-Венгрию «хорошо налаженным государством» [5. С. 8]. Более того, на идеологические построения и практику КПЮ–СКЮ значительное воздействие оказывала австромарксистская традиция [6].

В 1950-е – начале 1980-х годов хорватские и боснийские исследователи, будучи югославскими учеными, работавшими в определенных методологических, мировоззренческих и цензурных рамках, положительно оценивали идеологию и цели национальных движений южных славян – создание единого многонационального славянского государства и признавали закономерность распада монархии Габсбургов. Хорватские ученые не подвергали сомнению принадлежность Хорватии к славянскому миру и региону Юго-Восточной Европы [7]. Однако с конца 1980-х годов, а в особенности после образования независимой Хорватии, господствующей тенденцией стало обоснование принадлежности хорватов и их государства политически и культурно к Средней Европе. Начались дискуссии об этногенезе хорватов (наряду со славянской получили хождение иранская, аварская и готская версии). Стала подвергаться пересмотру и негативная оценка Австро-Венгрии, в которой по политико-психологическим причинам многие видели альтернативу Югославии, обеспечивавшую большую степень национальной свободы. Эти романтические воспоминания о монархии Габсбургов ожили в национальном сознании не только хорватов и словенцев, но и венгров, чехов, австрийцев. Они были важнейшей составной частью «этнического ренессанса» у народов Средней Европы. Безусловно, речь не шла о воссоздании единого государства, охватывавшего большую часть Средней Европы, но об альтернативе коммунистическим режимам (за исключением австрийцев), о признании общности многих традиций, основ культуры, выгоде экономического сотрудничества. Идея монархии Габсбургов у южнославянских народов уступила место идее Югославии, которая, в свою очередь, сменилась идеей независимых Хорватии и Словении.

Обострение межэтнических отношений отразилось и в материалах на историко-литературные темы, появлявшихся в белградских, загребских, люблянских и сараевских газетах и журналах. В этой полемике активное участие принимали не только историки и политологи, но и литераторы [8].

Монархия Габсбургов в конце 1980-х – начале 1990-х годов рассматривалась хорватским и словенским политическим и историческим сознанием как возможная, но упущенная альтернатива не только коммунистической Югославии, но и Югославии как таковой, поддержка которой частью хорватской нации стала восприниматься как ошибка. Принадлежность к Средней Европе считалась одним из важнейших аргументов в пользу выхода Хорватии (как и Словении) из состава Югославии, что давало возможность сохранить свою национальную индивидуальность. Иная ситуация была в многонациональной Боснии и Герцеговине (БиГ). Сербские историки придерживались традиционного резко отрицательного взгляда на Австро-Венгрию и ее внешнюю политику. Боснийско-мусульманская традиция, восходившая к периоду вхождения БиГ в Османскую империю, не испытывала никаких симпатий ни к Австро-Венгрии, ни к югославизму, ни к Югославии [9].

В январе 1990 г. в выступлении на Европейском «круглом столе» в Вене Ф. Туджман – тогда еще только глава партии Хорватское демократическое содружество – Хорватский демократический союз, следующим образом исторически обосновывал принадлежность Хорватии к Европе: «Габсбургская монархия просуществовала столь длительное время благодаря тому, что представляла собой естественное хозяйственно-коммуникационное и культурное целое средневропейских карпато-дунайских земель и народов. Ее распад был обусловлен прежде всего стремлением населявших ее народов к национальной самостоятельности» [10. S. 72–73].

Сербский историк из Сараево, академик М. Экмечич, со своей стороны, полагал, что был и объективный процесс, поддерживаемый общей заинтересованностью в разрушении Австро-Венгрии [11].

В 1990-е годы формирование исторического сознания в Хорватии и БиГ происходило путем распространения взглядов авторитарных лидеров, манипуляции общественным сознанием, в большой степени совпадавшего с этноконфессиональным, и мобилизации масс в условиях гражданского и этнического конфликта. Исторические сочинения Ф. Туджмана в годы его правления неоднократно переиздавались и считались основой официальной историографии [12]. Однако многие хорватские интеллектуалы и профессиональные историки относились к ним с большой долей скепсиса. В известной степени сходная картина в области этнического и историко-политического сознания была и в БиГ. В основу «нового» мировоззрения была положена «Исламская декларация» Алии Изетбеговича. Не был исключением и С. Милошевич в Сербии [13].

Невозможно оценивать ведущуюся в национальных историографиях и между ними полемику вне социально- и этнополитического контекста – как в каждой отдельно взятой стране, так и в регионе Западных Балкан в целом. Настоящий период, начало которого по разным причинам, можно отнести к 2000 г., характеризуется несколькими чертами и процессами.

Во-первых, в 2000 г. в трех ключевых государствах постюгославского пространства – Союзной Республике Югославии (СРЮ) (и Сербии), Хорватии и БиГ с политической сцены ушли бывшие харизматические авторитарно-националистические лидеры – Слободан Милошевич, Франьо Туджман и Алиа Изетбегович. В Хорватии, СРЮ и Сербии к власти пришли коалиции оппозиционных демократических партий разных цветов политического спектра. Главную задачу они видели не в определении новых границ, не в защите военным путем территориальной целостности и обретении полного суверенитета, а в восстановлении мирных отношений между народами и государствами. Во-вторых, изменились межгосударственные отношения и отношения на постюгославском пространстве. После этапа первичного примирения 1995–1999 гг. и стабилизации (2000–2008 гг.) наступил период активной нормализации межгосударственных и межэтнических отношений, преодоления последствий конфликтов 1990-х годов и выстраивания мирной архитектуры и системы безопасности в регионе. В этом процессе значительную роль играет принятие общеевропейских ценностей, в частности признание стабильности границ, прав национальных меньшинств, преодоления межэтнической и межгосударственной конфликтности, доставшейся новым государствам в наследство от периода второй половины XIX – конца XX в. При этом ни одна страна не могла и не может полностью отрешиться от сложившихся в давнем и недавнем прошлом этнополитических представлений и геополитических целей. В концепциях национальной безопасности Хорватии, Сербии и БиГ именно конфликтный потенциал прошлого назван одним из обстоятельств, препятствующих современному развитию этих государств [14].

Претерпела внутренние изменения и сама историография. В 1990-е годы пришло, а в 2000-е заявило о себе в полный голос новое поколение исследователей, на формирование которых большое влияние оказало противоречивое время кон-

ца 1980-х – начала 1990-х годов. При всем проявившемся в новых исторических условиях различии методологических концепций, методологии и политических симпатий их роднит свобода в поиске источников и обращении с материалом, отсутствие цензуры. Именно этому поколению выпало преодолевать мифы, предрассудки и схемы, сформированные в историческом сознании политической пропагандой в течение XX в. [15]. Большая работа была проделана и историками старшего поколения. Многие из них нашли в себе силы профессионально и искренне пересмотреть свои концепции прежних времен [16; 17].

Одной из главных задач историографии в постюгославских государствах независимо от политического режима и степени вовлеченности в конфликт 1990-х стало формирование нового национального исторического нарратива. Его создание – неотъемлемая часть как процесса национального самоопределения, так и легитимации новых государств. Разные направления историков в зависимости от политических убеждений предлагают обществу и государству свои варианты подобных нарративов.

В постюгославских государствах профессиональное историческое сообщество с идейно-политической точки зрения можно разделить на два больших направления: национально-консервативное и либерально-гражданское. Представители первого исходят из отождествления этноса и нации, причем нация воспринимается не только как этническая, но и конфессиональная общность. Для них характерно негативное отношение к многонациональным государствам в принципе (Австро-Венгрия, Югославия, будь то королевская или социалистическая), к соседним народам, с которыми данный этнос проживает в течение многих веков на одной территории, к различным вариантам славянской идеи (австрославизм, югославизм) [18; 19].

Ученые, принадлежащие ко второму направлению, не отрицая этническую и конфессиональную составляющие нации, рассматривают ее прежде всего как сообщество граждан. Оценивая многонациональные государства предшествующего периода, они прежде всего анализируют существовавший в них режим с точки зрения политических, экономических, национальных и иных свобод. При этом славянская идея как таковая не имеет для них абсолютной ценности. Различные ее разновидности историки рассматривают с точки зрения противодействия этническому национализму – как отказ от национализма, гражданскую, ненационалистическую альтернативу ему [20; 21].

События второй половины XIX – начала XX в. все больше принадлежат истории, а не политике. Следовательно, расширяются возможности их непредвзятой реконструкции и анализа. Однако оживленные споры неизбежно вызывают сюжеты, связанные с оценкой выбора пути и целей различными течениями в национальных движениях хорватов, сербов и боснийских мусульман. Собственно говоря, все сводится к одному вопросу – возможна ли была иная форма национального самоопределения южных славян Австро-Венгрии кроме создания Королевства сербов, хорватов и словенцев? Зачастую эти споры идут не с точки зрения видения перспективы начала XX в., но с точки зрения уже известного сегодня исторического результата. А это нарушает принцип историзма и исподволь вновь превращает историю в политику. В результате вновь начинается активное манипулирование историческим сознанием и знанием в политических целях. Причем целям политики постюгославских государств на данном этапе более близок национально-консервативный, романтический нежели гражданско-либеральный нарратив. Политическая составляющая историографии и политики государства не просто присутствуют в исследованиях, под них подводится историософское обоснование. В этой области также идут жаркие споры между сторонниками концепции этноконфессиональной нации и нации гражданской [22].

Нельзя не отметить и такое своеобразное явление, как смешение югославской, постюгославской и эмигрантской историографии. После распада СФРЮ рухнули

цензурные и идеологические препоны, и произошло формальное воссоединение национальных историографий у каждого народа. Издававшиеся в странах Западной Европы, США, Канады и Аргентины антикоммунистические эмигрантские издания – как откровенно националистические, мировоззренчески и концептуально связанные с антикоммунистическим коллаборационизмом и экстремистским национализмом Второй мировой войны, так и либерально-демократические – стали доступны ученым на постюгославском пространстве и не могут не учитываться в их исследованиях.

Попытаемся лишь перечислить основные проблемы истории второй половины XIX – начала XX в., вызывающие дискуссии между историками как разных направлений, так и разных национальностей. Отношение к Австрийской (Австро-Венгерской) империи, системе дуализма и возможности ее реформирования, к династии Габсбургов, характеристика различных течений в национальных движениях хорватов, сербов и боснийских мусульман, критерии национального радикализма и национального либерализма, соотношение социального и этнонационального, роль языка и конфессиональной принадлежности в формировании наций, спорные проблемы этнических территорий, оценка различных вариантов этнонационализма – сербизма, кроатизма, боснийства, югославизма и австрославизма... Кроме того, параллельно со свободным переосмыслением исторического прошлого в историческом сознании происходят два сугубо внутренних процесса: во-первых, восстановление событийного ряда – многие события замалчивались, либо сознательно искаженно трактовались; во-вторых, создается новая галерея «героев» и «мучеников». Если для официальной югославской историографии на всем протяжении существования этого государства независимо от социально-политического режима югославысты – сторонники смягчения в той или иной форме межнациональных противоречий, а тем более – создания единого югославского государства, всегда принадлежали к числу «героев» (Ф. Супило, А. Трумбич и др.), то сторонники обретения национального самоопределения в иной форме – в границах монархии Габсбургов или же независимых национальных государств всегда были «врагами». Сегодня приверженцы национально-консервативной ориентации стремятся «выровнять» положение и предлагают обществу по достоинству оценить хорватских или боснийско-мусульманских националистов (Й. Франк, Й. Штадлер, Адем-ага Мешич др.), которые не только не были сторонниками идей югославизма, но и сотрудничали с властями Австро-Венгрии [23].

Среди концептуально-аналитических работ современных хорватских историков хотелось бы выделить монографию академика Хорватской академии наук и искусств Н. Станчича «Хорватская нация и национализм в XIX и XX вв.» [24]. В ней он рассматривает (и пересматривает по сравнению с исследованиями 70–80-х годов XX в.) концепцию развития наций в Средней Европе, главное внимание уделяя, естественно, хорватам в контексте особенностей Средней Европы, Австро-Венгрии и непосредственных соседей – сербов, словенцев, боснийских мусульман начиная с XVIII в., анализирует изменение представления о нации у разных народов региона и Австрийской империи. Сформулированные им принципы имеют большое значение для понимания методологии изучения межнациональных отношений и национальных движений в Австрийской (Австро-Венгерской) империи. По методологии (автор не ограничивается исключительно историческим анализом, используя достижения этнологии, истории культуры, теории государства и права) и стилистике монография Н. Станчича близка двухтомнику «Освободительные движения австрийской империи» под редакцией В.И. Фрейдзона [25].

По мнению хорватского исследователя, в 1848 г. хорватская нация, также, как немецкая и венгерская, могла заявить о себе как об «исторической» нации. Хорватское историческое право в первой половине XIX в. интерпретировалось в категориях автономии, основанной на хорватских «муниципальных правах», а во

второй половине века – на хорватском государственном праве. Станчич полагает, что эти «скромные, но все же реально существовавшие учреждения хорватской политической автономии», представляли собой «щит, который хорватское национальное движение выставляло против распространения понятия венгерской “политической нации” на Хорватию. Они были фундаментом, на котором во второй половине XIX в. выстраивалось понятие “хорватской политической нации”». Согласно этой концепции, хорватская нация представлялась носителем суверенитета Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации – хорватского национального государства, т.е. Хорватии [24. С. 51–58].

Станчич уделяет внимание и очень важной для Хорватии проблеме взаимоотношений хорватов и сербов. Видение этих отношений в трактовке Национальной партии, пишет он, «дополнялось представлением о хорватах и сербах как об общностях со своей особой этнической идентичностью, а также о том, что они являются частями общей “югославянской” идентичности. Опираясь на это положение, а также в соответствии с идеями славянской и южнославянской солидарности, эта концепция содержала в себе представление о сербах в Триедином королевстве как об общности, “равной и равноправной” хорватам, согласно постановлению Сабора Хорватии 1867 г. лица, принадлежавшие к сербской “нации” в Хорватии представлялись равноправными гражданами». Однако понятие «хорватская политическая нация» не признавало за сербами в Триедином королевстве коллективный статус особой «политической нации»; иными словами, «сербы наряду с хорватами не признавались субъектом его суверенитета». Соответственно, «отрицалось право на отделение части территорий королевства, населенных сербами, и на их присоединение к сербскому национальному государству». В идеологии хорватской Партии права центр национальной идентичности приходился на государственное право. Сторонники этой партии – правашаи, признавая гражданские права за всеми жителями Хорватии, отрицали существование сербов в Хорватии – «территории, гораздо более обширной, чем Триединое королевство». Сербы в Хорватии не могли согласиться принять хорватский этноним как политоним, не могли «признать себя “политическими хорватами”» [24. С. 58].

По мнению Станчича, понятие «политической нации» в Средней Европе было внутренне противоречивым. Оно «содержало в себе элементы понятия “гражданская нация”, на котором основывалось и западноевропейское его восприятие. Однако его первостепенным содержанием было представление об историческом государстве как о форме национального государства. Оно содержало в себе представление о нации как об этнической общности, как о носителе государственного суверенитета в период, когда уже сформировались и другие нации, претендовавшие на части исторических территорий как на свои собственные». А это было также основано на представлениях об этнической общности политических территорий. Между собой конфликтовали сами «исторические» нации, территориально-исторические представления которых перекрещивались друг с другом. Пример – хорватско-венгерский конфликт [24. С. 56–57].

Понятие «политической нации» натолкнулось на сильное сопротивление «неисторических» наций монархии Габсбургов. Хорватское («историческое») и сербское («неисторическое») национальные движения, несмотря на отмеченные взаимные противоречия, сопротивлялись политике создания «великой Венгрии» как этнического образования и сотрудничали между собой. Они стремились к повышению уровня самостоятельности Хорватии, а также к созданию Сербской Воеводины [24. С. 58–59].

По мнению Станчича, австрийско-венгерское соглашение 1867 г. частично удовлетворило требования венгерского (мадьярского) национального движения. Однако в конце XIX – начале XX в. вновь стали выдвигаться требования отде-

ления, или, иными словами, большего уровня самостоятельности Венгрии, что привело к постоянным так называемым кризисам дуализма.

В Габсбургской монархии наряду с венгерским (мадьярским) только хорватское дворянство обладало элементами сословной государственности. Исходя из признания ее исторических прав, по венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. за Хорватией была признана политическая автономия в составе земель венгерской короны с собственной администрацией и законодательством. Хорватия наряду с Венгрией и в составе Венгрии была единственной политической территорией с подобной формой автономии в составе монархии, а хорватская политическая традиция трактовала ее как государственность и на этом выстраивала собственное самосознание. Однако эта автономия была ограниченной, к тому же она нарушалась. Вопреки признанному праву на целостность, Хорватия оставалась территориально раздробленной. Это определило двойственность ее положения. По мнению Станчича, в действительности хорваты принадлежали к числу несамостоятельных и раздробленных наций Габсбургской монархии, однако с точки зрения государства и права она обладала некоторыми чертами «господствующей» нации.

После поражения революции 1848–1849 гг. решение так называемого национального вопроса в монархии зависело от соотношения внутренних и внешних факторов. Обычно этот вопрос решался в период международных кризисов. Один из таких кризисов – после проигранной Австрией в 1866 г. войны с Пруссией за объединение Германии – уже на следующий год привел к австрийско-венгерскому соглашению, установившему дуалистическую систему. Ее Станчич называет «двойным централизмом», который оформил господствующее положение немецкой и венгерской (мадьярской) наций в монархии. Остальные нации оказались в положении подчиненных. В отличие от западноевропейских наций, немецкая и венгерская (мадьярская) нации господствовали не над неинституционализированными этносами, а над нациями средневропейского типа [24. С. 59–60].

Причину распада Австро-Венгрии в условиях Первой мировой войны, которую он называет «крупномасштабным международным кризисом», Станчич видит в «упрямой настойчивости социальных и политических элит двух “господствующих” наций в рамках дуалистического решения», а также в их «неготовности пойти навстречу возраставшим требованиям “подчиненных” наций о предоставлении им большей степени политической самостоятельности» [24. С. 61].

Затрагивая важнейшую для изучения хорватско-сербских отношений проблему национальной идентичности и дифференциации, Станчич выражает несогласие с встречающимися «в историографии и публицистике утверждениями о том, что хорватскую и сербскую нацию друг с другом разделяет лишь конфессиональная принадлежность», с тем, что «язык является главной отличительной чертой нации и что по этой причине существовала возможность образования единой югославянской нации» [24. С. 118–119]. По его мнению, с которым согласны и этнополитологи, конфессиональный фактор не играл непосредственной этнодифференцирующей роли в отношениях между хорватской и сербской нациями. Католики интегрировались в хорватскую, а православные – в сербскую нацию. Однако происходило это не вследствие их принадлежности к католицизму или православию, а вследствие того воздействия, которое эта принадлежность к конфессии и церкви производила на предшествовавших этапах формирования хорватской и сербской наций в Новое время [26. С. 259]. В то же время, по мнению Станчича, «универсалистский ислам в Боснии и Герцеговине в XIX в. являлся в большей мере отличительной чертой, чем непосредственным ощущением национальной идентичности» [24. С. 120–121].

В рамках идеологии партии правашей, которая, по мнению Станчича, «взяла на себя роль хорватского национального движения», возникло несколько течений. В самом конце XIX в. произошло идеологическое и политическое сближе-

ние новой крупной и средней буржуазии правашского направления и буржуазии, ориентированной на идеологическую традицию Национальной партии. В 1895 г. из Партии права выделилась Настоящая партия права. Ее хорватский исследователь характеризует как партию «прежде всего мелкобуржуазную», партию, выражавшую интересы и настроения «слоя, не обладавшего социальными гарантиями, который чувство защищенности приобретал, опираясь на крупный капитал, высшие власти и династию». Именно этого добился ее руководитель Йосип Франк, «установивший связи с австро-немецким и еврейским капиталом, дуалистическими, а затем и централистскими кругами из окружения наследника императорского престола Франца Фердинанда». Ради получения власти в Хорватии в предвоенный период эта партия предложила поддержку формально триалистским, а на деле централистским планам преобразования монархии в рамках ее политики экспансии на Балканы, доказывая свою верность антисербской риторикой [24. С. 129].

В то же время сторонники политики «нового курса» «в момент внутреннего кризиса в Австро-Венгрии провозгласили своей целью добиться объединения хорватских земель и более высокого уровня самостоятельности Хорватии». Хорватско-сербская коалиция объединила хорватскую Партию права, новосозданную Прогрессистскую партию, однородную с ними по социальному составу Сербскую национальную независимую партию. Все эти силы были убеждены в том, что «изменение положения Хорватии можно добиться только объединением хорватских и сербских политических сил». После оказанного на нее давления и политических судебных процессов (Загребского и Фридьонга) коалиция перед войной встала на путь «оппортунистической» (т.е. исходя из возможности сотрудничества с властями) политики и превратилась в партию «при власти».

Югославянская идея у этих партий, которые в первые два десятилетия XX в. – накануне и во время войны 1914–1918 гг. – согласились на вхождение Хорватии в югославское государство, отражала представления части хорватской буржуазии о решении проблемы политического статуса Хорватии в то время, когда в Габсбургской монархии не существовало никаких перспектив для обретения большего уровня самостоятельности и достижения объединения хорватских земель. И радикальный унитаризм, выступавший за растворение хорватской идентичности в «югославянской нации», по своему происхождению был хорватским феноменом. Он проистекал из разочарования и чувства безысходности, распространявшегося среди хорватов, в основном среди молодого поколения, так называемой националистической настроенной молодежи («Омладины»), и отличался от великосербского унитаризма. Станчич справедливо замечает, что к хорватскому национальному движению принадлежали и партии и силы, решительно выступавшие против югославянской идеи [24. С. 127].

На рубеже веков первые шаги сделало и католическое движение в Хорватии, преподносившее католицизм в его социально-консервативной интерпретации как фундамент хорватской национальной идеологии. «Этот политический католицизм (в литературе чаще всего говорится о клерикализме) возник в то время, когда традиционные оппозиционные партии, выступавшие против режима К. Куэна-Хедевари, были маргинализированы, а также когда правительство Венгрии начало процесс секуляризации общества, в то время как в Хорватии во все большей мере проявлялись либеральные тенденции, в особенности у части интеллигенции» [24. С. 117–128] (ср. [27]). Попытка создания самостоятельной политической организации не удалась, и руководившая этой попыткой группировка (вокруг газеты «Хрватство») в 1910 г. вошла в состав Настоящей партии права. Использование католицизма в политике в качестве одного из важнейших элементов национальной интеграции особого успеха в буржуазной среде не имело, в отличие, например, от словенских земель она не получила массовой подде-

ржки и у крестьян, где преобладающее влияние снискало возникшее в те же годы крестьянское движение братьев Радичей.

Организовав в 1904 г. Хорватскую народную крестьянскую партию, Стьепан Радич превратился в конкурента как буржуазных партий, так и Социал-демократической, также пытавшихся политически организовать крестьянство. Создав крестьянское движение в Хорватии, он включил ее в контекст развития Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы, регионов, где крестьянские движения выдвигали идею «крестьянской демократии» в качестве «третьего пути» между капитализмом и либеральным государством, с одной стороны, и социал-демократической программой – с другой. В сложившейся в Хорватии ситуации при слабости буржуазии Радич видел в крестьянстве, составлявшем большинство населения, субъекта борьбы не только за демократизацию общества, но и за национальную самостоятельность. Эту позицию он коротко охарактеризовал как «демократический национализм». Решение проблемы политического статуса Хорватии он видел в федерализации Габсбургской монархии.

Лишь с интеграцией села в хорватскую нацию определился ее масштаб. Поскольку оно принадлежало к хорватской этнической общности и ему был свойственен сельский хорватский простонародный протонационализм, крестьянство без колебаний восприняло хорватскую национальную пропаганду, исходившую из городской среды, в особенности – идеологию движения Ст. Радича. Люди, принадлежавшие к сербской этнической общности, включались в процесс сербской национальной интеграции. С этой точки зрения никакой дилеммы для села не существовало. Газетная полемика, которую вызывали утверждения, вроде того, что «штокавцы»-католики являются сербами, или что православные на территории, на которую распространяется хорватское историческое право, являются хорватами, носила умозрительный характер и не влияла на «самоопределение» крестьян [24. С. 129–130].

С несколько иных позиций – концепции модернизации – оценивает развитие хорватского общества и нации другой историк С. Маткович [28]. Он отмечает, что «при выборе разных моделей общественного устройства в Хорватии речь идет о заимствовании не всегда идентичных моделей разных стран Западной Европы». По его мнению, «уже решения, принятые в банской Хорватии в 1848 г., знаменовали эпохальные перемены. Хорватское национальное движение добилось разрушения сословного общества, провозгласило освобождение крестьянства. В последующую эпоху неабсолютизма (1851–1860) политические реформы были отложены, но в экономической и правовой сферах модернизационные факторы по-прежнему оказывали свое влияние» [28. С. 233].

Анализируя дальнейшее развитие политики модернизации, С. Маткович выделяет правление бана Ивана Мажуранича (1873–1880), которое «стало примером успеха “национального” политика, издавшего целый ряд законов, необходимых для осуществления перемен в модернизирующемся обществе». Хорватский историк предложил отличную от традиционной югославской оценку политики бана К. Куэна-Хедервари. Маткович поставил ему в заслугу то, что он «в течение своего двадцатилетнего правления (1883–1903) не побоялся подвергнуть католическую церковь и другие религиозные объединения либерализации в области образования, что подтвердило готовность власти идти по пути административной и экономической модернизации». Вместе с тем он отметил, что правление Куэна-Хедервари «показало, что отсутствие политических свобод и политическое манипулирование может вызывать волну довольно агрессивного широкого возмущения» [28. С. 234].

Маткович отмечает, что «национальный вопрос оказывал существенное политическое влияние на развитие Хорватии в период модернизации. В центре большинства партийных программ находилось положение хорватской нации, что напрямую не противоречило концепции модернизации». По его мнению, в

условиях системы, возникшей в результате хорватско-венгерского соглашения 1868 г., «ведущие хорватские политические партии не видели возможности для полного осуществления экономических и социальных требований, в соответствии с вызовами модернизации, именно из-за отсутствия независимого механизма принятия решений. Поэтому в центре внимания находились не проблемы экономики или культуры, а политические концепции достижения большего уровня национальной и государственной самостоятельности» [28. С. 235–236].

Отношение к модернизации в Хорватии в начале XX в. было противоречивым. Значительная часть хорватских интеллектуалов считала, что их программы соответствуют ее требованиям и отвечают «духу времени». Однако «находились и те, кто считал модернизацию признаком упадка, кто критиковал отдельные аспекты модернизированного общества, или, точнее, относился к провозглашаемому ею благим целям скептически. В основном это были деятели из возникших тогда организаций, защищавших права рабочих». Пример – Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (СДПХиСл), идеология которой представляла собой «хорватский вариант австромарксизма с элементами унитаристского югославизма» [24. С. 128–129]. Или же она была создана «под влиянием немецких социал-демократов, а их установки было сложно применить в условиях Хорватии вследствие иного характера социальных и политических взаимоотношений» [28. С. 236].

По мнению Матковича, пример социал-демократов показал парадоксальность модернизации в ее практическом воплощении. С одной стороны, «без стремления к созданию гражданского общества было бы невозможно осуществить ускоренную индустриализацию, которая проходила в менее развитых областях двуединой монархии в конце XIX в., и тем самым подготовить внутри общества фундамент для создания социал-демократических партий». С другой стороны, СДПХиСл критиковала именно ту самую капиталистическую модернизацию. Однако отстаивавшие интересы рабочих социал-демократы не пользовались большим влиянием.

Иначе, нежели Станчич, подходит Маткович к оценке организаций христианско-социального направления. По его мнению, следует отметить стремление католической церкви к диалогу со сторонниками модернизации. Признавая успехи модернизации, католическая церковь критически относилась к новым угрозам общественной нравственности, к антирелигиозному образу мышления и многим формам общественной деятельности. Все вышеперечисленное она считала последствием модернизации. Деятельность христианско-социальных групп в хорватских землях по сравнению с социал-демократами имела еще меньший успех. Причины этого заключались в том, что еще сохраняли свое влияние в политической жизни партии с сильными традициями, которые сумели принять вызовы модернизации и их политические последствия. Поэтому сторонники христианско-социальных идей стремились связать свою судьбу с каким-либо из ведущих партийно-политических направлений (праваши или народняки), пытаясь оказывать на них свое влияние [28. С. 237].

Среди сторонников модернизации Маткович выделяет хорватских «прогрессистов», а также крестьянскую партию братьев А. и Ст. Радичей. «В конце XIX века из поколения молодых бунтарей вышли будущие лидеры партий разной идейной направленности, – пишет он. – Модернизация привнесла как новые ценности, так и политические разногласия, способствовала возникновению внутренних конфликтов по социальным, мировоззренческим, этическим, религиозным вопросам и (или) вопросам регионального характера [...] Отсутствовало согласие и в вопросе о содержании самой национальной идеи», несмотря на признание ее важности [28. С. 237–238].

Демократия, парламентаризм и конституционность, наряду с гражданскими свободами, были теми понятиями, которые обычно присутствовали в программах всех влиятельных политических партий. «В реальности эти и другие тре-

бования сталкивались с положениями законодательства, которое – под строгим контролем императора – только начинало меняться в сторону расширения гражданских свобод» [28. С. 238].

Маткович отмечает внутреннюю – идейную и личностную противоречивость Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП): «В то время, как Антун Радич находился в лагере активных противников модернизации, его брат (Стьепан) приобрел характерные черты политика модернизационной эпохи, уже обладавшего представлениями о некоторых основах гражданского общества». Все же основанная в 1904 г. ХНКП «не отвергала политическую модернизацию. Они находились среди самых активных сторонников демократизации хорватского общества именно потому, что им так было легче защищать интересы крестьянства, составлявшего большинство населения, и способствовать его адаптации к условиям новой эпохи» [28. С. 239].

В отличие от традиционной югославской и югославистской трактовки Настоящей партии права и ее создателя Й. Франка Маткович относит их к сторонникам модернизации. Впрочем, отмечает он, в их рядах «пользовались популярностью как идеи модернизации, так и политического традиционализма, а понятие модернизации по-разному трактовалось в среде правашей» [28. С. 240].

К сторонникам модернизации Маткович относит и «югославистское молодежного движения в его хорватском варианте». Его идеология отличалась еще большим радикализмом: молодежь «настаивала на неизбежной “двойной” революции: национальной (т.е. югославянской интеграции) и социальной (устранения влияния “реакционных классов”)». Согласно их воззрениям, отвергать взаимную национальную интеграцию с сербским народом – значило подвергать ограничениям обе национальные идеи. Они критиковали идеологию хорватского государственного права, предлагая взамен идею югославянского государственно-правового единства. Национализм как составная часть процесса модернизации в их интерпретации означал «отрицание всего антинационального в материальной и духовной жизни нашего народа». Этот дискурс «модернизационного» национализма сопровождался идеями радикального антиклерикализма, демократизации политического сознания, ограничением власти дворянства и устранения влияния неславянских культур путем дегерманизации, демадьяризации и деитальянизации. Югослависты восприняли отдельные составляющие модернизационной модели Запада, причем наиболее радикальные из них [28. С. 242].

С. Маткович полагает, что «югослависты стремились создать новое государство на развалинах Габсбургской монархии и адаптировать его к новой имперской системе. Идея единого унитарного югославянского государства выполняла особую национальную миссию, которая заключалась в доказательстве своей жизнеспособности в эпоху, когда преобладали социал-дарвинистские представления о борьбе за существование» [28. С. 242].

Подводя итоги, можно сказать, что развитие массового исторического сознания и профессиональной историографии в постюгославских государствах ныне проходит очень важный, интересный и содержательный этап. Метаповествования (нарративы) и монографии, посвященные отдельным проблемам и историческим личностям, а также разнообразные публикации источников разных типов восполняют пробелы в историческом знании, позволяют внимательному читателю освободиться от схем, мифов и предрассудков, обрести чувство историзма. При этом в хорватской, боснийской, словенской, а также и сербской историографии идет полемика между историками, придерживающимися разных не только мировоззренческих установок, но и принципов исследования. В этом отношении национальные историографии постюгославских государств являются частью мировой историографии со всеми ее достижениями, проблемами и противоречиями [29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейдзон В.И.* Основные тенденции межвоенной историографии югославизма 1914–1941 годов // Славяноведение. 1997. № 6; *Фрейдзон В.И.* О хорватской историографии 1950–1980-х гг. по национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5.
2. *Романенко С.А.* Хорватская историография 80-х: между историей и политикой // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994; *Романенко С.А.* История и историки в межэтнических конфликтах. (Югославия конца 80-х – начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. № 5; *Романенко С.А.* Региональная идентичность в национальном самосознании хорватов (конец 80-х–90-е годы XX в.) // Политическая наука. 2001. № 4; *Романенко С.А.* История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980–1990-е гг.) // Национализм в мировой истории. М., 2007.
3. Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. Чикаго, 1966. С. 15, 16; *Dokumenti ustaša.* Zagreb, 1995. S. 95–109.
4. V kongres komunističke partije Jugoslavije. 21–28 jula 1948. Stenografske bilješke. Zagreb, 1949.
5. *Джилас М.* Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982.
6. *Redžić E.* Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977.
7. *Društvemi razvoj u Hrvatskoj (od 16. stoljeća do početka 20. stoljeća).* Zagreb, 1981; *Gross M.* Počeci moderne Hrvatske. Neoapsolutizam u civilnoj Hrvatskoj i Slavoniji 1850–1860. Zagreb, 1985; *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973; *Korunić P.* Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. Zagreb, 1986; *Lovrenčić R.* Geneza politike «novog kursa». Zagreb, 1972; *Banas I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Povijest, porijeklo, politika. Zagreb, 1984.
8. *Романенко С.А.* Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000. С. 162–187; *Романенко С.А.* Монархия Габсбургов, Средняя Европа и обретение Хорватией независимости // Австрийский альманах. Исторические и культурные параллели. Москва; Ставрополь, 2004. Вып. 1.
9. *Đaković L.* Političke organizacije bosansko-hercegovačkih katolika hrvata. (I dio: Do otvaranja sabora 1910). Zagreb, 1985; *Hadžijahić M.* Od tradicije do identiteta – Geneza nacionalnog pitanja Bosanskih Muslimana. Sarajevo, 1974; *Juzbašić D.* Jezičko pitanje u austrougarskoj politici u BiH pred prvi svjetski rat. Sarajevo, 1973; *Madžar B.* Pokret Srba Bosne i Hercegovine za vjersko-prosvjetnu samoupravu. Sarajevo, 1982; *Šehić N.* Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1980.
10. *Tuđman F.* O povijesnoj nužnosti i protuslovlju samoodređenja i integracije europskih naroda // Što jest i što hoće HDŽ. Zagreb, 1990.
11. *Krušelj Ž.* Iskorak u bolju prošlost // Danas. 1988. G.7. Br. 356.
12. *Tuđman F.* Bespuća povijesne znanosti. Peto izdanje. Zagreb, 1994; *Tuđman F.* Povijesna sudba naroda. Izabrani tekstovi. Zagreb, 1996.
13. *Izetbegović A.* Islamska deklaracija. Sarajevo, 1990; *Милошевић С.* Године расплета. Београд, 1989.
14. http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strategija%20nacionalne%20sigurnosti%20nn32-02.pdf; <http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf>; <http://mod.gov.ba/files/file/Bilten3.pdf>
15. *Agičić D.* Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994; *Agičić D.* Hrvatsko-češki odnosi na prijelazu iz XIX. u XX. stoljeće. Zagreb, 2000; *Grižak Z.* Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Štadlera. Zagreb; Sarajevo, 2001; *Matković S.* Čista stranka prava. 1895.–1903. Zagreb, 2001; *Rumenjak N.* Politička i društvena elita Srba u Hrvatskoj potkraj 19. stljeća. Uspon i pad srpskog kluba. Zagreb, 2005.
16. *Gross M.* Izvorno pravaštvo. Ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000.
17. *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002.
18. *Pavličević D.* Povijest Hrvatske. Četvrto, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2007; *Matković H.* Povijest Jugoslavije Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2003; *Povijest Hrvata.* Zagreb, 2006. Druga knjiga. Od kraja 15. st. do kraja Prvoga svjetskog rata.
19. *Imamović M.* Historija Bošnjaka. Sarajevo, 1998.
20. *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999; *Goldstein I.* Hrvatska povijest. Zagreb, 2003.
21. *Imamović E., Lovrenović D., Nilević B., Zlatar B. Tepić I. i dr.* Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata. Sarajevo, 1998.
22. *Ančić N.* Što «svi znaju» i što je «svima jasno». Historiografija i nacionalizam. Zagreb, 2008; *Lovrenović D.* Povijest jest magistra vitae. O vladavini prostora nad vremenom. Sarajevo, 2009.
23. *Pravaška misao i politika.* Zbornik radova. Zagreb, 2007; *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998.
24. *Stančić N.* Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002. Русск. пер.: *Станчић Н.* Хорватска нација на рубежу XIX–XX веков // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011.
25. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980–1981 гг. Т. 1–2.

26. *Kumpes J.* Religija i etnički sukobi na prostorima bivše Jugoslavije // Konfesije i rat. Zbornik radova Međunarodnog znanstvenog skupa. Split, 2.–4. prosinca 1993. Split, 1995.
27. *Šanjek F.* Kršćanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1996; Leksikon migracijskog i etničkog nazivlja. Glavni urednik Emil Heršak. Zagreb, 1998; Liberalizam i katolicizam u Hrvatskoj. Zagreb, 1998.
28. *Маткович С.* Проблемы модернизации в хорватской политике в начале XX века // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) СПб., 2011.
29. *Gross M.* O historiografiji posljednjih trideset godina // Časopis za suvremenu povijest. 2006. God. 38. Br. 2. S. 583–609. Русск. пер.: *Гросс М.* Некоторые особенности развития мировой историографии последней четверти XX – начала XXI века // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011; *Milosavljević O.* Metodološke pretpostavke istraživanja nacionalnih stereotipa // Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti. Zagreb, 2007. (Русск. пер.: *Милосавлевич О.* «1918 год» – «освободители» и «побежденные» (Методологические предпосылки исследования национальных стереотипов) // Общественные науки и современность. 2010. № 5; *Historijski mitovi na Balkanu.* Zbornik radova. Sarajevo, 2003.

© 2011 г. А. ТИМОФЕЕВ

СССР И ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА Д. МИХАЙЛОВИЧА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЮГОСЛАВИИ

Статья посвящена попыткам СССР установить через Стамбул и довоенных агентов в Югославии контакты с четниками Михайловича – ЮВвО. Информацию поставляли также советские разведчики в Англии и советские пленные, бежавшие из фашистского плена и укрывшиеся у четников. В результате сформировавшегося негативного отношения руководство СССР отказалось от сотрудничества с ЮВвО.

As it is known, there were two resistance movements in Yugoslavia: Tito's partisans and Mihailovich' Chetniks. Until 1942, the USSR tried to establish contacts with the Chetniks through the Istanbul mission and pre-war agents residing in Yugoslavia. Information about Mihailovich was also provided by Soviet spies in Britain, and by Soviet prisoners of war, sheltered by the Chetniks. As a result, the Soviet Union formed a negative attitude towards the Chetniks and gave up from the plans of cooperation with them.

Ключевые слова: Югославия, некоммунистическое движение сопротивления, четники, разведка.

В годы Второй мировой войны в Югославии существовало два движения Сопротивления, значительная часть которых состояла из сербов. Первое – партизаны Й.Б. Тито (Народно-освободительная армия Югославии – НОАЮ) сравнительно хорошо известно советским исследователям. Вторая группа, четники Д. Михайловича (Югославская армия (войско) в отечестве – ЮВвО). В советской историографии тема ЮВвО малоизучена, хотя и публиковались документы, позволяющие более или менее объективно охарактеризовать личность Д. Михайловича и движение, возглавляемое им. К таковым, например, можно отнести документы руководства рейха, содержащие тезисы доклада начальника штаба оперативного руководства генерала Йодля, прочитанного перед рейхсфляйтерами и гауляйтерами 7 ноября 1943 г. в Мюнхене. В этом докладе, разбирающем стратегическое положение рейха к началу пятого года войны, детально описано положение во всех областях, где гитлеровская Германия боролась против внутреннего и внешнего врага. В разделе «Юго-восток», в частности, говорится: «На оккупированной нами территории Балкан происходит малая война. Она ведется против иногда хорошо вооруженных, поддерживаемых англосаксами банд общей численностью около 140–150 тыс. человек. Все банды борются против немцев, однако между ними нет единства. Различают: в Хорватии и Сербии – а) коммунистические партизанские отряды под командованием Тито численностью около 90 тыс. человек; б) четники под командованием Драже Михайловича

Тимофеев Алексей – д-р ист. наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии, г. Белград.

численностью 30 тыс. человек; в) в Греции – национальные банды под командованием Зерваса численностью 10 тыс. человек и около 15 тыс. коммунистов. Для отражения нападения англосаксов и борьбы против банд в настоящее время мы располагаем войсками численностью 612 тыс. человек» [1. С. 544].

Тем не менее до сих пор некоторые представители старшего поколения ученых сравнивают Д. Михайловича с А. Павеличем, опираясь при этом на сборники документов времен титовского суда над Д. Михайловичем, проводившегося в традициях советских процессов 1930-х годов (см., например, [2. С. 168. 182. 195]).

Тенденция уравнивать хорватского фюрера А. Павелича (создавшего систему концентрационных лагерей, строившего партию по нацистскому образцу и считавшего геноцид одним из способов решения политических проблем еще в предвоенное время [3]), словенского лидера Л. Рупника (руководившего словенскими коллаборационистами, существовавшими там в массовом порядке в силу безвыходной ситуации [4]) и Д. Михайловича (сотрудничавшего с англо-американскими представителями и лишь после того, как в конце 1943 – начале 1944 г. Югославия окончательно перешла в советскую зону влияния, объединившего усилия с гитлеровцами в борьбе против НОАЮ) является рецидивом титоистского стремления «успокоить общественность», замалчивая преступления одних и жертвы других. Сербская академическая наука соглашалась с оценкой движения Д. Михайловича, содержащейся в вышедшем в свет в 1992 г. фундаментальном труде Б. Петрановича «Сербия во Второй мировой войне», определившем ЮВВО как прозападное и антикоммунистическое движение Сопротивления [5]. Сербский парламент 21 декабря 2004 г. принял «Изменения к закону о правах ветеранов, военных инвалидов и членов их семей», уравнивая в правах представителей четнического и партизанского движений. О том, что четническое движение не было коллаборационистским, говорят и многочисленные документы из фонда 57-й армии в Центральном архиве МО РФ, зафиксировавшие несколько случаев сотрудничества РККА и ЮВВО и ни одного случая организованного столкновения [6]. Однако события сентября–октября 1944 г. имели и свою предисторию.

Взаимоотношения СССР с движением Дражи Михайловича (ЮВВО) в годы Второй мировой войны по ряду причин стоит рассматривать отдельно от взаимоотношений между СССР и эмигрантским королевским правительством в изгнании. Правительство редко получало возможность общаться со своим военным министром в Югославии без посредничества британских спецслужб и зависело от воли Форин оффис. С другой стороны, Д. Михайлович и его представители проводили собственную политику, которая не всегда коррелировалась с пожеланиями эмигрантских политиков. Кроме того, попытки установления связей между СССР и ЮВВО имеют большое значение и в контексте изучения гражданской войны в Югославии.

После 22 июня 1941 г. советское правительство было заинтересовано в установлении связей с европейскими силами сопротивления. Уже 7 июля 1941 г. ИККИ по совету В.М. Молотова обратился к коммунистическим партиям европейских стран с рекомендацией создавать единый фронт борьбы со всеми противостоящими оккупантам силами, вне зависимости от их политической ориентации [7. С. 109–114]. Такая рекомендация о сотрудничестве с движениями сопротивления Франции, Чехии, Норвегии и Бенилюкса не вызвала симпатий основного организатора этих движений – правительства Георга VI [7. С. 10]. Например, предложение послать в Лондон на переговоры с де Голлем лидеров французских коммунистов М. Тореза, А. Марти британский посол в СССР Ст. Криппс сразу же оценил как «нецелесообразное» [7. С. 11].

Попытки СССР получить информацию о некоммунистических движениях сопротивления были, тем не менее, продолжены. Крупнейшим таким движением летом 1941 г. было движение Д. Михайловича, о котором в то время мало знали и сами англичане. По воспоминаниям сербского политика и организатора

четнического движения начала XX в. Василия Трбича, первые сведения о деятельности Д. Михайловича привез в Стамбул торговец Драгомир Ракич, прибывший в Турцию в конце июля 1941 г. Д. Ракич выполнил переданное ему через А. Мишича поручение Д. Михайловича: добраться до Стамбула, найти там В. Трбича, передать ему, что «группа сербских офицеров не захотела сдаваться и ушла в лес, признав своим командиром полковника Дражу Михайловича. Мы собираемся организовать всю Сербию и в определенный момент поднять ее на восстание. Но мы хотим связаться с англичанами. Никаких переговоров с правительством Душана Симовича (премьер югославского эмигрантского правительства. – *А.Т.*) мы не хотим. Мы хотим сотрудничать с англичанами напрямую и просим Трбича помочь нам установить эту связь» [8. С. 198]. О своем разговоре с Ракичем Трбич сообщил полковнику британской разведки В. Бейли, который рассказал об этом Й. Джоновичу, представителю югославского правительства на Среднем и Ближнем Востоке.

Вскоре состоялась встреча, на которой присутствовали: полковник В. Бейли (будущий английский офицер связи при штабе ЮВВ), капитан Дж. Амери, Дж. Беннет (будущий глава Югославского отдела УСО), Й. Джонович и В. Трбич. Кроме того, на этой встрече присутствовал «один русский, которого звали просто Николаев» [8. С. 202]. «Русского агента Николаева» упоминали и английские участники встречи, которые указали, что предварительное обсуждение советско-британской миссии к Д. Михайловичу проходило 4–31 августа, а непосредственные переговоры с «Николаевым» проводились 5–7 сентября [9. Р. 48–49]. Й. Джонович в воспоминаниях описывает этот эпизод несколько иначе. Он умалчивает о роли во всей этой истории В. Трбича и о нежелании Д. Михайловича иметь дело с югославским правительством в качестве посредника при переговорах с англичанами. По словам Й. Джоновича, В. Трбич просто привел к нему Д. Ракича, после разговора с которым уже сам Й. Джонович обратился к англичанам, да и то лишь потому, что надо было попросить у них миллион динар для Михайловича [10. С. 84–86]. В английской версии событий упоминается просьба В. Трбича о предоставлении ссуды, но не уточняется, кто был инициатором контакта с англичанами – Джонович или Трбич. Кроме того, по словам Бейли, именно Й. Джонович предложил сформировать первую миссию к Д. Михайловичу с советским участием [9. С. 48].

Это подтвердил в своих воспоминаниях и сам Джонович, который сообщил о том, что он хотел организовать совместную англо-советскую миссию, для чего и вошел в контакт, узнав о приезде Д. Ракича, с «полковником Николаевым, шефом советской разведслужбы» в Стамбуле и с «полковником Бейли, шефом английской разведслужбы» в Стамбуле. Николаев «связался со своим правительством и вскоре сообщил, что в Москве согласны на сотрудничество и совместную миссию офицеров связи». Однако «в последний момент англичане и Симович отказались от этого проекта» [10. С. 84–86].

Трбич описал ход сербско-английско-советских переговоров в Стамбуле о совместной миссии к Михайловичу детальнее. По его словам, переговорами руководил полковник Бейли. Этот английский офицер сообщил собравшимся, что «он получил приказ от Черчилля сразу же послать денежную помощь Михайловичу как знак того, что англичане его поддерживают, и подготовить одну команду из трех сербов, а они дадут одного английского офицера, который будет пользоваться радиостанцией, и когда все будет готово, найти способ переброски этой команды в Сербию, договорившись с Михайловичем о месте встречи этой команды. Другая команда, в составе как минимум шести офицеров-авиаторов, должна отправиться в Россию (для последующей переброски в Югославию самолетом Авиации дальнего действия (АДД) вместе с советским офицером связи. – *А.Т.*). Этой командой в России должен будет руководить Душан Радович, летчик и полковник Генерального штаба [...] Через несколько дней этот план был целиком

одобрен как в Лондоне, так и в Москве. Русские хотели, чтобы один их представитель, как и англичанин, прибыл в штаб Дражи Михайловича. Так что этот план был окончательно утвержден в следующем виде: к Драже Михайловичу должны сразу отправиться два серба, один англичанин и один русский, а в Россию – пять офицеров-авиаторов и с ними Душан Радович [...] Спустя несколько дней прибыло новое распоряжение из Лондона, что все надо перепроверить, так как правительство (югославское эмигрантское. – А.Т.) в Лондоне утверждает, что никакого Драголюбa Михайловича, полковника югославской армии и бывшего военного атташе в Болгарии, в Сербии нет [...] Опять прошло несколько дней [...] от Черчилля прибыла [...] телеграмма, что к Михайловичу должны ехать два серба и один радист – англичанин, но в этой команде никак не может быть русский. Что же касается другой команды, которая должна отправиться в Россию, то англичане ею не интересуются» [8. С. 202–204]. После этого уже Боголюб Илич, военный министр эмигрантского правительства, лично запретил и вторую часть составленного плана – об отправке югославских королевских офицеров в СССР. Тот факт, что британцы были виноваты в срыве совместной советско-британской миссии, а антагонизм между эмигрантскими политиками привел к срыву миссии Радовича, упоминает и работавшая с документами Управления стратегических операций (УСО) современная английская исследовательница [9. Р. 54]. В результате «русские очень рассердились, что вся комбинация с миссией к Драже Михайловичу и еще одной команды в Россию не удалась [...] хотя эта комбинация и была одобрена первоначально в Лондоне и Москве. Русский по фамилии Николаев только сжал зубы и как-то по-русски выматерился. Я думаю, что это ругательство относилось к сербско-английской коалиции в целом» [8. С. 204]. После этого англичане передали сербской стороне 1 000 000 динар для Д. Михайловича и послали в Югославию свою первую миссию [10. С. 85].

Современный сербский исследователь Коста Николич называет эту безуспешную попытку направить англо-советскую миссию к Д. Михайловичу «Русским проектом». Кроме мемуаров Джоновича, он использует в качестве источника информации конспект лекции Марка Вилера, которую этот историк британских спецслужб прочел в Белградском университете 16 февраля 1990 г. Вилер – сторонник традиционной для англоязычной историографии прошлого века теории, что истоки раскола между Тито и Сталиным надо искать еще во время войны, если не раньше [11]. Поэтому естественно, что он рассматривал советские попытки установить контакты с Михайловичем, как попытку наказать или даже оттеснить непослушного Тито. К. Николич подтверждает английскую идею по поводу «Русского проекта» и цитирует донесение Р. Кемпбелла, написанное в середине августа 1941 г., которое позволяет рассматривать происходившее в Стамбуле как британско-советскую борьбу «за то, чтобы занять выгодные позиции перед разделом добычи на Балканах» [12. С. 20]. Очевидно, что и английский, и сербский исследователи упустили из виду ситуацию, в которой оказался СССР в августе 1941 г.

Это было время оглушительного успеха вермахта, на полных парах приближавшегося к Москве. В то время немецкая машина блицкрига перемалывала по нескольку советских дивизий в день, а бесконечные колонны военнопленных, массы разбитой техники и огромные захваченные территории радовали немецких генералов. Пропаганда вермахта о том, что «Гитлер – освободитель», находила путь к сердцам некоторых советских граждан, причем не только прибалтов и украинцев, но и русских. Никто еще не мог представить зверств нацистов на оккупированной территории, оттолкнувших от них большинство мирного населения. Никто не знал о том, что мороз затормозит немецкую технику на подступах к Москве. Никто еще не знал, что Япония не нападет на СССР, и дальневосточные дивизии помогут РККА перейти в контрнаступление под стенами советской столицы. Ясно, что в августе – декабре 1941 г. планы об экспансии на Балканах не

могли быть приоритетны в политике Москвы. Стоит напомнить и о том, что даже в самых смелых довоенных планах Сталин планировал включить в зону своего влияния Болгарию, Румынию и европейскую Турцию, но никак не Югославию [13. С. 310–311].

Судя по имеющимся документам ИККИ, получавшего приказаний из Кремля, в августе 1941 г. Сталин был готов цепляться за любую соломинку, чтобы хоть на йоту ослабить натиск вермахта [7. С. 109–114]. В то время кроме СССР реальную борьбу с немцами в Европе вели лишь движения сопротивления. При этом везде, кроме Югославии, они уже попали под контроль Лондона и действовали (если вообще действовали) по указке УСО. Это уменьшало для СССР ценность прямых контактов с этими движениями [14]. В Югославии в то время ситуация еще была неясна и могла привести к формированию крупного очага сопротивления, благодаря совокупности местных традиций, преобладающего горного рельефа и слабости сети сообщений. Интерес СССР к событиям в Югославии был, несомненно, еще более усилен и тем, что к августу 1941 г. стало ясно, что коммунистические партии Европы не выполнили задачу, к которой их готовили двадцать лет, и не могут поднять рабочий класс Европы на массовое восстание в защиту «первого в мире государства победившего пролетариата» [15. С. 192–202]. Идея пролетарского интернационализма оказалась, как и в годы гражданской войны в Испании, слабее, чем идея национального единства. Исключением опять же была Югославия, где КПЮ, по ее собственным донесениям, была готова начать массовое восстание. Однако, по вышеприведенным причинам, донесения из Югославии приходили лишь из одного источника и не могли быть полностью объективны. Все это и побудило Москву заинтересоваться «Русским проектом» в Стамбуле.

Кризис, в котором оказался СССР летом 1941 г., уменьшал его привлекательность как партнера. Дело не только в том, что СССР оказался в такой же ситуации, как и Югославия в апреле 1941 г., что давало возможность белградским политикам отплатить ему той же монетой. В конце концов, тогда реальной помощи погибавшему королевству не оказала не только Москва, но и Лондон, организовавший военный переворот и несший моральную ответственность за его последствия. Речь тут шла о более глубоких причинах, связанных с восприятием не только СССР, но и России вообще, типичном для части сербской элиты, пришедшей к власти в результате путча 27 марта 1941 г. Именно эти круги доминировали как в эмигрантском правительстве в Лондоне, так и в штабе Д. Михайловича.

Этот сегмент сербского общества ориентировался в силу культурных, политических и неформальных связей и симпатий на страны бывшей Антанты, что отразилось уже на положении русских эмигрантов в Югославии после смерти короля Александра и патриарха Варнавы. Симпатии к Франции и Англии были следствием союзнического взаимодействия во время Первой мировой войны. Такие чувства имели оборотную сторону, выражавшуюся в критике или, по крайней мере, в недооценке Советской России во всех отношениях.

Подобные воззрения присутствовали у большинства «новых политических людей», ставших во главе сербской политической элиты конца 1930-х годов. По словам В. Трбича, накануне немецкого нападения на СССР М. Нинчич считал, что, «если дойдет до войны между Россией и Германией, Россию сомнут самое большее за месяц, и только потом русские смогут оправиться там, где-нибудь за Уралом». Премьер Симович полностью согласился со словами своего министра иностранных дел [8. С. 188]. Отношение к России, переходившее за рамки простой неприязни большевизма, выражали и сотрудники югославского королевского посольства в СССР в 1941 г.: посол Милан Гаврилович, пресс-секретарь Коста Крайшумович, военный атташе Жарко Попович [8. С. 188–189]. Интересно в этом контексте мнение безымянных авторов обширного обзора о русских эмигрантах в Югославии, написанного в начале 1950-х годов в югославской «шарашке» – отделении тюрьмы югославской госбезопасности в Билече (Босния). Они счита-

ли, что симпатии к русским эмигрантам испытывали лишь лица, относившиеся до начала Второй мировой войны к политическим маргиналам в сербской политике (руководство КПЮ, лидеры льютичевского «Збора» и командиры четников из Хорватии, Боснии и Черногории). Однако «лондонские сидельцы» и верхушка сербской армии (приближенные генерала Недича, лидеры четников в Сербии из окружения Д. Михайловича) относились к русским эмигрантам равнодушно, если не отрицательно [16. С. 723–730]. Это мнение подтверждают и другие источники [17. С. 107].

Трбич, общавшийся с сотрудниками югославского посольства сразу же после их прибытия из Москвы, подробно пересказал слова М. Гавриловича и К. Крайшумовича: «Вся наша делегация – посольство в Москве – плохо относилась к России и ее режиму. Всю информацию о русских событиях Гаврилович получал от сэра Страффорда Криппса, английского посла в России. Гаврилович видел Сталина всего два раза: на большом приеме накануне Нового года и тогда, когда подписывали пакт о ненападении между Россией и Югославией [...] О военной подготовке России Крайшумович сказал [...] что она огромна; что войск много, но они не способны воевать. Это вообще было укоренившееся мнение всех, кто наблюдал за организацией русской армии в самой ли России, или, судя по многочисленным публикациям, писавшим о русской армии». Подобную позицию некоторые сотрудники югославской дипмиссии выражали достаточно резко: «Коста рассказал мне и об одном отвратительном событии, которое произошло на русско-турецкой границе. Жарко Попович, полковник Генерального штаба и военный атташе, не был хорошо принят в среде, где должен был представлять силу своей страны, так как всюду открыто выражал отвращение ко всему тому, что видел и замечал в жизни сегодняшней России [...] Этими поступками он закрыл перед собой двери в высшие военные круги Москвы. Но когда они прибыли на русско-турецкую границу, пока русские, которые их провожали, все еще смотрели на них, полковник Жарко Попович и секретарь Божич на виду у всех присутствовавших русских демонстративно помочились на русскую территорию!». Трбич не жалел эпитетов, описывая свое отношение к этому «дипломатическому» поступку Ж. Поповича, до отъезда в СССР служившего главой военной разведки югославского королевского Генерального штаба [8. С. 188–189].

Вряд ли Д. Михайлович, чей природный такт и обходительность отмечали и его друзья, и враги, одобрил бы поведение своего «неразлучного приятеля» [17. С. 94]. Однако в его приказе, переданном А. Мишичем через Д. Раковича, очевидна определенная ориентация в поиске союзников – только на Англию. Дело тут не в какой-либо неприязни к СССР или вообще к России, его выбор был следствием достаточно типичного мировоззрения, которое позднее Живко Топалович, близкий политический советник лидера ЮВВ, описал от имени некоего анонимного сербского крестьянина из Герцеговины, однако оно, безусловно, имело более широкое распространение: «Издавна мы с русскими вместе воевали, но они за свое государство, а мы за наше, они под своим командованием, а мы под своим. Никогда жизнь наших народов не была одинаковой. У них владели государством и крестьянами великие князья и помещики, а мы из нашего государства турецких помещиков прогоняли и отдавали землю в собственность крестьянину. И тогда мы от русских сильно отличались, но это нам не мешало помогать друг другу и вместе победить турок, а потом: дорогие мои, разные наши дороги! Так же и со Сталиным. Пусть нам поможет освободиться от немцев и пусть он в наше государство не вмешивается. Этого мы ему не дадим, как наши старики не дали русскому царю прописывать нам конституцию и законы. Они тогда лишь уважали и приветствовали русских царей, пока они нам честно помогали» [18. С. 184]. Так как летом 1941 г., по мнению «стратегов» из югославского эмигрантского правительства, СССР не мог сопротивляться немцам дольше месяца, то о первой части желанной формулы сотрудничества («пусть нам поможет») не

могло быть и речи. Речь шла о второй части формулы («дорогие мои, разные наши дороги»), почему и было логично склониться перед Лондоном. Естественно, что позиция, занятая эмигрантским правительством, понравилась и англичанам, испытывавшим во второй половине 1941 г. желанную передышку, размышлявшим о будущем Европы и ревниво охранявшим европейские движения сопротивления от контактов с СССР. Показательно замечание, которым Бейли оправдывал идею о совместной англо-советской миссии в Югославию: «Это была бы полезная демонстрация англо-русского сотрудничества, и в то же время пресекало бы возможные русские притязания» [9. С. 49].

В описании «Русского проекта» К. Николич оценивает его как проходное и маловажное событие, основываясь на мнении М. Вилера, заявившего, что вследствие подписания договора между НКВД и УСО от 30 сентября 1941 г. «совместная миссия к Михайловичу стала ненужной» [12. С. 24]. Однако переговоры в Стамбуле имели для советской стороны несколько большее значение, что было ясно не только по реакции «полковника Николаева».

Кем же был этот «полковник Николаев»? На самом деле его звали Василий Михайлович Зарубин, службу в советской разведке он начал еще в 1921 г., а с 1925 г. – в ИНО ОГПУ. Кроме официальных поездок за рубеж, он выполнил несколько нелегальных миссий: в Дании (1927), во Франции (1930), в Германии (1933), в США (1937). В феврале 1941 г. В.М. Зарубин стал заместителем начальника Первого управления НКГБ СССР, т.е. заместителем начальника внешней разведки [19. С. 203–216; 385–399]. Этот ответственный пост не помешал ему выполнить ряд важных миссий за границей. Перед стамбульскими переговорами В.М. Зарубин весной 1941 г. выезжал за рубеж, чтобы обновить связи НКГБ с советским агентом, личным советником Чан Кай Ши Вальтером Стеннесом. Этот бывший (а также будущий) немецкий политик в годы Второй мировой войны, не покладая рук, работал над задачей стратегического для СССР значения: предотвращения попыток Японии и Германии договориться с лидером Гоминьдана, что могло бы привести к «замирению» Китая и усилению японской угрозы для советского Дальнего Востока. Успешную карьеру В.М. Зарубин продолжил и после переговоров в Стамбуле – сначала как резидент НКВД в США, а после войны вновь как заместитель начальника внешней разведки [20].

Поэтому сам факт участия Зарубина в «Русском проекте» в Стамбуле свидетельствует о серьезном внимании, с которым к этому проекту относился СССР. Не просто так вытесняли СССР из переговоров и сами англичане. Дело в том, что вопреки формулировке М. Вилера (цитируемой К. Николичем) Зарубин участвовал в переговорах о сотрудничестве советской и британской разведок с полковником Гинесом еще 14–29 августа и уже тогда подписал договоренность о сотрудничестве УСО и НКВД, а окончательные переговоры «полковника Николаева» и Бейли состоялись 5–7 сентября. Важно и то, как был обставлен отказ английской стороны послать советского офицера связи в Югославию в составе совместной миссии. Первоначально, по словам В. Трбича, англичане выразили готовность не посылать офицеров союзников (как советских, так и английских) вообще, чтобы таким образом скрасить свое нежелание видеть советского разведчика при штабе Д. Михайловича. И лишь за двенадцать часов до отправления каирский штаб УСО «внезапно передумал» и включил в миссию капитана Дуейна Хадсона [17. С. 200–201]. Возможно, это был первый, но никак не последний случай взаимного надувательства, ставшего основной чертой почти бесплодного сотрудничества НКВД и УСО в годы Второй мировой войны [19. С. 385–399; 21. Р. 393–403].

В контексте изучения «Русского проекта» нельзя не отметить работу сотрудников кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов профессора Б.А. Старкова, выступившего в 1996 г. в Белграде с коротким рефератом на тему «Панславянская идея в Советской России. Новые документы, новые подходы». Большую часть реферата он написал на ос-

новании до сих пор не опубликованных советских документов о действиях советской военной разведки накануне Второй мировой войны. Среди них, по словам Б.А. Старкова, были планы советского военного атташе в Болгарии В.Т. Сухорукова (1934–1937), стремившегося связать между собой панславистки и антигермански настроенных офицеров Болгарии и Югославии, подключив к этому агентов из числа русских эмигрантов. Среди перспективных кандидатур в военной элите В.Т. Сухоруков планировал привлечь к этому проекту болгарского генерала Владимира Заимова и сербского военного атташе в Софии полковника югославского Генштаба Д. Михайловича [22. С. 481]. Позднее В. Заимова действительно завербовал в 1939 г. преемник В.Т. Сухорукова – И.А. Венедиктов. В. Заимов работал на Разведывательное управление (РУ) РККА в Болгарии до 1942 г., когда был арестован и расстрелян, причем посмертно он получил звание Героя СССР [23]. Исследователи биографии Д. Михайловича К. Николитч и Б. Димитриевич также упоминали о существовании неформальных связей Д. Михайловича с панславистки настроенными болгарскими офицерами и болгарской оппозицией вообще [17. С. 66–72].

В 1937 г. В.Т. Сухоруков был арестован и освобожден лишь в 1955 г. Согласно документам, изученным Б.А. Старковым, в августе 1941 г. заключенного Сухорукова этапировали в Москву, где он дал подробные объяснения о знакомствах и связях, завязанных им в Софии. Большинство разговоров с ним вел никто иной, как В.М. Зарубин [22. С. 485–486]. Зная, что «полковник Николаев» из «Русского проекта» и В.М. Зарубин – одно и то же лицо, мы можем еще раз оценить значение переговоров Бейли–Зарубин–Джонович, ради которых в тяжелейшие дни войны Сухорукова извлекли из недр ГУЛАГа. Есть и еще одно свидетельство того, насколько важным для СССР был положительный исход переговоров в Стамбуле. Предполагаемая поездка в СССР югославских пилотов была необходима для того, чтобы они вылетели из СССР в Югославию для установления связи с повстанцами; так как дальность полета была предельной, советская сторона согласилась с тем, чтобы после посадки самолеты были подорваны [24. С. 107]. Ж. Топалович вскользь упомянул в мемуарах обеще одних инициированных Москвой переговорах по организации советской миссии при штабе ЮВВо, имевших место в 1942 г. и также прерванных из-за сопротивления Лондона [25. S. 28].

Английские попытки помешать советским контактам со штабом ЮВВо не остановили советскую сторону. В августе–сентябре 1942 г. СССР попытался установить связь с ЮВВо через Ф.Е. Махина. Российский исследователь биографии Ф.Е. Махина В.А. Тесемников, считает, что этот царский казачий офицер, а в годы Гражданской войны эсер и участник Белого движения, стал в предвоенные годы важным агентом советской разведки. Кроме того, на основании работ придворного титовского историка В. Дедиера и статьи в эмигрантской газете «Новое русское слово», В.А. Тесемников пришел к выводу о том, что в 1941 г. Ф.Е. Махин некоторое время был у четников, ушел от них к партизанам и отказался вернуться назад в штаб ЮВВо, чтобы установить связь с Д. Михайловичем по заданию Москвы [26].

Дедиер описывал все эти события как «злую волю Москвы»: «Я думаю, что Тито знал, что Махин работает на советскую разведывательную службу. Во всяком случае, 15 сентября 1942 г. прибыло “совершенно секретное” сообщение Коминтерна для Тито. В этом сообщении было указано, что Махин должен быть послан в штаб Дражи Михайловича [...] Тито смог помешать этой попытке установления контактов под предлогом того, что Махин уже слишком старый и болезненный, а его переход в штаб Д. Михайловича очень сложное задание» [27. С. 154].

Примерно ту же картину можно обнаружить в фондах переписки ЦК КПЮ и ИККИ. Имя Махина впервые упомянуто самим Тито в регулярном радиообмене между ЦК КПЮ и ИККИ, который, как правило, велся по-русски. В сообщении

от 31 августа 1942 г. Тито писал следующее: «У нас с самого начала партизанской войны находится русский эмигрант полковник Федор Махин. Он сначала был в Черногории, а теперь находится в нашем штабе и занимается публицистикой. В Черногории его вместе с профессором Милошевичем захватили четники, но наши части их освободили. Он держится хорошо, сейчас намеревается писать книгу о боях в Югославии, о Драже Михайловиче и т.д. [...] Просим узнать мнение НКВД о нем и сообщить нам» [28. 1942/191]. До этого Тито уже неоднократно критиковал Д. Михайловича в отчетах для ИККИ, и поэтому более чем заметно его стремление получить из Москвы запрос о том, что же пишет Ф. Махин о Д. Михайловиче.

Однако неожиданно вместо просьбы о посылке еще одного «разоблачения» Д. Михайловича из Москвы пришло совсем другое требование. Ответ ИККИ от 15 сентября 1942 г. гласил: «Поручите ответственному товарищу переговорить с русским эмигрантом Махиным и передать ему пароль наших соседей (здесь НКВД. – А.Т.): “Привет от товарища Правдина. Я пришел продолжить работу, которую проводил с вами Правдин”. В разговоре с Махиным выяснить: 1. Имеет ли он что-либо передать для Правдина? 2. Какое положение он занимал у Михайловича и имеет ли возможность вновь войти в доверие к Михайловичу или к кому-либо из его близкого окружения? 3. Может ли вернуться к Михайловичу или осесть на оккупированной территории и работать по заданию соседей и осуществлять оттуда связь? 4. Результат сообщить» [28. 1942/204].

Следующая радиограмма, связанная с Ф.Е. Махиным, ушла в Москву уже 19 сентября. В ней от лица Ф.Е. Махина было написано: «Товарищу Правдину. Преследуемый немцами и белогвардейцами, я 23 июня прошлого года скрылся в Черногории, где участвовал в партизанском движении с самого его начала и там себя достаточно скомпрометировал в глазах четников Дражи Михайловича. Был у них в плену и освобожден партизанами от выдачи итальянцам. После итальянско-четнического наступления в Черногории отступил с партизанами в Боснию, где присоединился к верховному штабу. Из окружения Михайловича хорошо знаком с его помощником Ильей Трифуновичем (Бирчанином), председателем Народной Одбраны, его характеристику, мне кажется, я Вам сообщил. Трифунович сейчас с помощью итальянцев ведет наступление против партизан со стороны Сплита. Попытаюсь при посредстве партизанского верховного штаба связаться с ним и, если удастся, то и устроить с ним свидание. В этом отношении желательны Ваши указания. Пробраться в оккупированные края при постоянной за мной слежке гестапо сейчас невозможно. На днях пошлю подробную информацию о положении нашей здешней борьбы. Я очень обрадован возможностью нашей связи и работы. Горячий привет. Махин» [28. 1942/210]. Это письмо Тито передал в Москву и подписал его своим именем после имени Махина. Снова прослеживается стремление Тито использовать Махина как еще одного свидетеля, доказывающего правильность линии КПЮ на борьбу с четниками.

В телеграмме от 26 сентября 1942 г. Тито опять критиковал четническое движение и посетовал на то, что Д. Михайловича незаслуженно рекламирует «Радио Лондон», а также спросил, почему Д. Михайловича не осуждает советская пропагандистская станция «Свободная Югославия», находившаяся под контролем ИККИ и вещавшая из Тбилиси на южнославянских языках [28. 1942/217]. На следующий день, 27 сентября, партизанские радисты передали в Москву подробное донесение Ф.Е. Махина «товарищу Правдину». Престарелый эмигрант описал победу партизан над четниками, одержанную в Западной Боснии, упомянул широкое сотрудничество четнических воевод с итальянскими войсками. Кроме того, Махин выразил мнение о том, что легализация партизанского движения эмигрантским правительством не только невозможна, но и не нужна. Он уточнил, что скорее партизанам помогло бы признание их англо-американцами, хотя бы по во-

енной, а не по дипломатической линии [28. 1942/219]. На этом радиосообщения Ф.Е. Махина через радиостанцию ЦК КПЮ были прекращены. Если они действительно были составлены Ф.Е. Махиным, то становится очевидным, что он полностью находился под влиянием Й.Б. Тито и не мог стать независимым источником информации для СССР о ситуации в Югославии.

Кроме этих «официальных» источников информации о ЮВвО СССР использовал и «неофициальные», о природе которых можно было судить лишь на основании косвенных данных, пока не стали доступными новые архивные фонды в России. Возможно, с советской разведкой сотрудничал один из ближайших сотрудников движения Д. Михайловича – Драгиша Васич, стоявший до 1943 г. во главе пропагандистского отдела Верховного командования ЮВвО. Выступая перед немецкой анкетной комиссией, созданной для определения ответственности отдельных лиц за путч 27 марта 1941 г., известный сербский экономист и политик Мирко Косич утверждал, что Д. Васич накануне войны поддерживал связи с советского разведкой [29. S. 307]. Того же мнения придерживался и В. Дедиер, утверждавший, что Д. Васич «годами поддерживал связи с советским разведцентром в Праге. Это была так называемая четвертая линия советской военной разведки, действовавшей в трех государствах – членах (Малой. – А.Т.) Антанты: Чехословакии, Югославии и Румынии. Делал это из убеждения, а не за деньги. Он специализировался на деятельности среди белогвардейской эмиграции в Белграде [...] Когда в 1940 г. Мустафа Голубич прибыл в Югославию, где стал резидентом советской разведки, он поддерживал тесные связи с Драгишей Васичем. Последний даже прятал в Белграде его радиостанцию» [30. С. 473]. Часть историков сомневается в этом сотрудничестве [12. С. 22]. Напомним, что женаты на русской эмигрантке Д. Васич отчаянно критиковал коммунистов в книге «Красные туманы», вышедшей на сербском языке в 1924 г. С другой стороны, не менее острым противником большевиков в начале двадцатых был и Ф.Е. Махин, в Гражданскую войну выступавший против большевистской власти с оружием в руках, а также многие другие белые эмигранты, завербованные НКВД.

Агенты советской разведки могли снабжать СССР информацией о ситуации в Югославии и из других источников. Прежде всего, речь идет о деятельности «кембриджской пятерки» [31] и некоторых других британских агентов. Вероятно, наиболее полезной была деятельность Джона Кернкросса, который в 1942 г. работал в британской дешифровальной службе, наблюдая за расшифровкой британскими контрразведчиками важнейших немецких радиоперехватов, направляемых с использованием шифровальной машины «Энигма». В специфических условиях Балкан, где проводная связь была осложнена в связи с деятельностью партизан, рельефом местности и общей слабостью телефонной сети, огромное значение для немцев имела радиосвязь. Англичанам удалось прочесть различные коды Люфтваффе (в том числе основной Красный код), потоки радиообмена Вена–Афины, Штраусберг–Салоники и еще ряд кодов более низкого уровня [32. P. 501–503]. Кроме того, сведения о немецких планах на Балканах можно было получить из радиообмена Берлин–Токио. Давало возможности для различных комбинаций и то, что через Кернкросса в Москве должны были узнать, что англичанам удастся расшифровывать радиообмен между ЦК КПЮ и ИККИ [33]. Эффективность британской разведки снизилась лишь летом 1944 г. [32. P. 850–851]. Однако в то время (1944–1945) Дж. Кернкросс уже координировал работу британской разведки в Югославии, освещая планы и намерения Англии и США в этой стране. Гай Берджес работал в пресс-отделе британского МИДа и являлся личным помощником министра иностранных дел А. Идена. Дональд Мак-Лейн в годы войны служил секретарем посольства в Вашингтоне и мог отслеживать секретную дипломатическую переписку, в том числе касавшуюся ситуации на Балканах. Информация о британской разведсети на Балканах могла поступать и от

служивших британской контрразведке Гарольда «Кима» Филби и Антони Бланта. Информативно значимым для советской политики в Югославии было и то, что с февраля 1942 г. в течение двух лет в курировавшем югославские дела отделе каирского представительства УСО работал еще один «друг СССР» – британский коммунист Джеймс Клугманн [34].

При наличии столь разветвленной сети советских агентов, в СССР должны были знать о том, что в английском разведывательном сообществе имелись различные мнения по поводу Д. Михайловича. Однако перелом во взглядах произошел в югославском отделении каирской резидентуры УСО, где в конце лета – начале осени 1942 г. накопилось достаточно фактов о координации действий четников и оккупантов (немцев и в особенности итальянцев) в борьбе против партизан. Параллельно у англичан созрела идея о необходимости наладить контакты с Тито, так как «партизаны стали занозой в теле стран оси, а Михайлович – нет» [21. Р. 112–133].

Подозрительные «неожиданности», имевшие характер закономерности, происходили также с радистами штаба ЮВВо и английских миссий при Д. Михайловиче. В. Драгичевич, официальный радист британско-югославской миссии, направлявшейся к Д. Михайловичу в составе Д. Хадсона, М. Лалатовича, З. Остоича, по прибытии в страну вдруг решил «сменить лояльность» и перешел к партизанам. Вот что писал в донесении, посланном в ИККИ 12 января 1942 г., лидер ЦК КПЮ: «Радист английской миссии Драгичевич перешел на нашу сторону и передал нам ряд секретных телеграмм английского правительства, из которых видно, что приказы Лондона не направлены на пользу народно-освободительной войны». Это заинтересовало Димитрова, 15 января 1942 г. попросившего Тито переслать текст секретных телеграмм [7. С. 182]. О странном поведении другого радиста ЮВВо писал в своих мемуарах поручик сербских королевских ВВС Н. Плечаш, заброшенный к четникам в составе английской миссии после короткой подготовки. «Радиотелеграфистом Центра был поручик техник ВМФ Симич, серьезный и очень странный человек, который постоянно что-то делал, принимал депеши и передавал их. Когда он к утру заканчивал эту работу, он отжигал проволоку и перебирал радиодетали. Так он сам сделал новую радиостанцию. Его семья жила в Боке Которской, и по штабу ходили слухи, что его жена – коммунистка. Похоже, что так и было [...] Симич потом ушел к коммунистам» [35. С. 231].

Были и еще более загадочные явления, которые также описал Н. Плечаш. Еще во время подготовки на диверсионных курсах в Каире и Хайфе он познакомился с одним британским капитаном, представившимся канадцем Чарльзом Робертсоном. Плечаш обратил внимание на его странное произношение, которое Ч. Робертсон объяснил тем, что он долго жил в Монреале, где местные французы говорят с таким акцентом. Однако и по-французски он говорил с акцентом, что объяснил тем, что его мать была сербкой. Последнее Робертсон доказал, перейдя в разговоре с Н. Плечашом на чистый сербский язык. Он и внешним видом был больше похож на серба, чем на француза, и тем более англичанина. Большую часть времени Ч. Робертсон проводил, общаясь именно с югославскими королевскими офицерами, обучавшимися спецдисциплинам перед заброской на родину в составе британских миссий.

Спустя некоторое время заброшенный к четникам Н. Плечаш с удивлением встретил таинственного капитана в штабе Д. Михайловича. Робертсон был заброшен в штаб ЮВВо с радиостанцией для того, чтобы помочь главе английской миссии Д. Хадсону установить радиосвязь [36. С. 86, 88]. Позднее выяснилось, что Ч. Робертсон вовсе не канадец, а Драги Радивоевич, серб из г. Уб (центральная Сербия), бежавший из Югославии после начала репрессий против коммунистов в 1920 г. и участвовавший в гражданской войне в Испании в составе интербригад. После этого через Францию он отбыл в Канаду, где работал кора-

бельным радистом. Там он вступил в канадскую армию, получил звание капитана и был заброшен в Югославию. Радивоевич начал активную пропаганду в штабе ЮВвО за объединение с партизанами, что приводило окружение Д. Михайловича в ярость и не столько вело к сближению последнего с партизанами, сколько ослабляло его симпатии к англичанам, подбросившим ему в штаб такое «кукушечье яйцо». Хадсон и сам был не рад трансформации канадца Ч. Робертсона в серба Д. Радивоевича. По словам Плечаши, англичане от «Робертсона» «хотели отделаться и посоветовали Михайловичу его ликвидировать». Вскоре рискованные «миротворческие идеи» Д. Радивоевича стали нестерпимыми, и он был убит [35. С. 150–155, 200–203]. Данный неприятный эпизод описан также в составленной сразу после войны только для служебного пользования объемной истории УСО, причем там очередной сомнительный радист в штабе ЮВвО выступал под именем Бранислава Радовича. Изначально Робертсона-Радивоевича-Радовича завербовало американское УСС и передало англичанам, которые забросили его с собственной радиостанцией в Югославию, зная о его левых взглядах, но не придав этому особого значения [21. Р. 112–133].

В общую типологическую группу с Робертсоном-Радивоевичем-Радовичем стоит отнести и сотрудников УСО из югославской диаспоры в Канаде, среди которой было много рабочих с левыми взглядами. Предыстория их вербовки в УСО такова. В начале мая 1942 г. в редакцию левой канадской газеты «News» пришел английский разведчик в звании полковника, который обратился с просьбой подобрать югославов из диаспоры для засылки в Югославию парашютом или на подводной лодке. Предполагалось, что эти «посланцы доброй воли» британской короны к Тито пройдут курс диверсионной подготовки и парашютного дела. Более того, английский разведка настаивала на том, чтобы эти люди были членами коммунистической партии. Пикантность ситуации состояла в том, что в то время в самой Канаде коммунистическая партия была запрещена. Несмотря на это очевидное затруднение, вскоре требуемые кандидаты были найдены и приступили к подготовке, которую успешно закончили к концу августа 1942 г. [37. С. 19–27, 132, 146–150]. После 1945 г. большинство из этих «посланцев УСО» добровольно решили остаться в контролируемой Советским Союзом Югославии, где они и прожили до старости, сделав после войны успешную карьеру, несмотря на то, что установившаяся в 1945 г. коммунистическая диктатура сталинского образца, мягко говоря, критически относилась к бывшим агентам иностранных разведок [38. Р. 151].

В 1943–1944 гг. имел место крупный неформальный контакт между советскими гражданами и бойцами ЮВвО. Речь идет о военнопленных, которых немцы пытались использовать на работе в рудниках г. Бор или для пополнения частей Русского Освободительного корпуса (РОК) [39. С. 158]. Большая группа военнопленных в декабре 1943 г. сбежала и примкнула к отрядам ЮВвО в Восточной Сербии, что вызвало у местных членов Пожаревацкого партизанского отряда большое разочарование «неправильным» поступком красноармейцев [40. С. 28]. По словам участника четнического движения в восточной Сербии М. Милуновича, в конце 1943 г. в горах Хомолья в составе местной структуры ЮВвО была образована «русская часть». Эта часть насчитывала около трехсот солдат и офицеров под командованием майора (по другим сведениям – лейтенанта) Михаила Абрамова (Аврамова, Акимова) [25. С. 43; 41].

Командование ЮВвО пыталось воздействовать на солдат Русского корпуса. Например, с помощью пропагандистской листовки, составленной на смеси сербского и русского языков, командир Краинского корпуса ЮВвО Велимир Пилетич призывал корпусников бежать в «свободные славянские леса», прихватив с собой побольше вооружения и боеприпасов [42. Л. 179]. Несмотря на плохой русский язык, такие листовки, судя по всему, встречали определенное понимание, о чем с горечью вспоминали бывшие солдаты Русского корпуса из «белых», описывая

уход в горы их вчерашних сослуживцев из рядов «подсоветского» пополнения [43. С. 167].

Наиболее подробные воспоминания о группе бывших военнопленных в рядах ЮВВо оставил Дж. Рутем, британский офицер связи в Восточной Сербии. В начале октября 1943 г. некая группа бывших советских военнопленных дезертировала из части РОК, размещенной в районе дунайского городка Голубац. Они установили связь с местным командиром ЮВВо капитаном Вукчевичем, который помог им «уйти в лес». Интересно, что общение с бывшими белогвардейцами не прошло даром для дезертиров из РОК. Перед тем как сесть за стол, они снимали головные уборы, крестились и читали «Отче наш», чем весьма удивили четников и англичан, имевших иные представления о красноармейцах [44. С. 233]. При этом Акимов (Абрамов, Аврамов) не был одним из этих дезертиров. По словам, офицера УСО, Акимов пришел к четникам вместе с несколькими своими товарищами из Македонии. Этот советский офицер рассказал, что они были в немецком плену, но сбежали и решили пробиваться на Родину. Нельзя не обратить внимания на то, что маршрут из оккупированной болгарами Македонии в СССР через Восточную Сербию выглядел довольно странно – не только географической нелинейностью и тем, что там не было немецких лагерей для советских военнопленных, но и тем, что Болгария не воевала с СССР, и там в течение всей войны действовало советское посольство. Большое впечатление произвела на Рутема воинская выправка и подготовка Акимова и его спутников, которые, по словам англичанина, выгодно отличались от облика местных командиров ЮВВо. При этом он обратил внимание на то, что и бывшие бойцы РОК, и бежавшие из борских рудников, и пришельцы из Македонии не были тепло встречены в отряде ЮВВо. Одежда красноармейского пополнения (особенно у бежавших из борских рудников) находилась в ужасном состоянии, оружия не хватало, а их советское прошлое вызывало недружественные выпады отдельных наиболее озабоченных антикоммунизмом четников. Нельзя не сравнить это отношение с тем, как относились к советским военнопленным (бежавшим из лагерей или коллаборационистских частей) сербские партизаны [45]. Не только антикоммунизм определял отношение четников к «русскому пополнению». Рутем отметил присутствовавшее у некоторых четнических офицеров «чувство, что царская Россия не выполнила своих обещаний в Балканские войны и в Первую мировую». По его словам, случались весьма драматические эпизоды: «В одном селе был дан большой обед в сельской школе, на котором один из офицеров Петровича, капитан Йован, сильно напился [...] Йован вошел в здание школы, где было около тридцати местных жителей, а русский Акимов сидел в углу, беседуя со мной за стаканом вина. Йован подошел к столу с бешенством в глазах и, беря со стола нож, задумчиво произнес: “Ненавижу коммунистов, ненавижу Красную армию. Если мне прикажут бороться против нее завтра, я буду счастлив”. Акимов был невооружен (а Йован обвешан пистолетами, ножами и гранатами), но ответил спокойно: “Не смей так говорить. Ты меня обижаешь [...]”». Лишь вмешательство Рутема смогло положить конец этой неприятной сцене [44. С. 233, 279–280, 290–291]. Подобное же отношение к советским участникам антигитлеровской коалиции обнаружил в среде командиров ЮВВо в Сербии и Неделько Плечаш. Спустя несколько дней после того, как в сентябре 1942 г. его с парашютом забросили в Югославию, он не сразу сориентировался в происходящем и на обеде за сливовицей и печеной ягнятиной просто-душно провозгласил тост: «С верой в нашу окончательную победу при помощи наших великих союзников – Англии, Америки и Советской России». В ответ на это командир Королевской гвардии Никола Калабич громогласным шепотом пошутил на ухо начальнику радицентра Йосе Певецу, что Плечаша пора резать [35. С. 183–184].

Все вышеперечисленное способствовало тому, что сначала у советской разведки, дипломатов и руководства СССР было сформировано негативное отноше-

ние как к ЮВВо, так и к эмигрантскому королевскому правительству. Поведение сидевших в Лондоне югославских политиков отличалось большей сервильностью по отношению к Лондону, чем у их французских или чешских коллег, стремившихся хотя бы к видимости баланса. Важную роль в формировании имиджа югославского эмигрантского правительства, руководимого до И. Шубашича сербами, должны были сыграть определенные стереотипы о югославских народах, которые сформировались еще у экспертов Коминтерна в двадцатые годы. Вплоть до начала Второй мировой войны более дружественными Советскому Союзу считались «революционные нацмены» хорваты, а не «реакционные великодержавники» сербы. Такое кардинальное, по сравнению с дореволюционным, изменение симпатий Москвы на Балканах с удивлением отмечали прибывшие в СССР югославские дипломаты: «Руководящие круги в Москве не имеют ясного представления о самой Югославии, считая ее насильственным созданием сербской династии и сербской армии» [8. С. 189]. Яркой иллюстрацией этого стереотипа может быть песня «Ночь над Белградом», прозвучавшая в киноновелле из «Боевого киносборника», снятого в СССР в конце 1941 – начале 1942 г. В этой ключевой песне из фильма о белградских подпольщиках ни разу не упоминаются ни сербы, ни Сербия, но зато воспевается «небо Хорватии милое».

Часто ускользает от современных исследователей и то, что идея о вековых русско-сербских связях практически отсутствовала у абсолютного большинства русского населения СССР, воспитанного с упором на школы Покровского и Марра. Даже имевшие высшее образование советские граждане в результате репрессий, уничтоживших довоенную школу славистики в России, имели до 1941 г. смутное представление о славянской идее. Помимо утраты научных знаний, в самом аппарате дипломатии и разведки исчезли некоторые прикладные, «изустные» нюансы знаний об отношении к России отдельных народов Балканского полуострова.

На восприятие в СССР четнического движения должна была повлиять и естественная человеческая склонность к типологизации явлений. Сознательная или подсознательная типологизация явлений влияла и на поведение в Югославии англичан. Судя по воспоминаниям Й. Джоновича, Н. Плечаша, Ж. Топаловича и Дж. Рутема, англичане пытались вести себя по отношению к движению Д. Михайловича иначе, чем к западноевропейским борцам сопротивления, пользовавшимся значительной материальной поддержкой англичан. Методы английских офицеров в Югославии куда больше напоминали сотрудничество с антиокупационным движением в Бирме и особенно в Эфиопии, где местные монархисты, направляемые британскими спецслужбами, добились больших успехов в борьбе с фашистами [46]. Аналогичным образом поведение представителей югославского королевского правительства не могло не напомнить советским лидерам лондонских поляков. Развитие событий в Польше в конце войны и сразу после ее окончания, с отчаянной борьбой между Армией Людовой и Армией Крайовой (АК), также должно было вызывать ассоциации с борьбой между антикоммунистами ЮВВо и коммунистическими партизанами. Типологическое включение ЮВВо в одну группу с АК и украинской УНА нашло отражение и в том, что руководство НКВД серьезно подозревало о существовании налаженных связей «бандеровцев» с «сербскими и черногорскими четниками» [47].

Все вышеперечисленное привело к тому, что когда многотысячные части РККА в сентябре 1944 г., подошли к границам Югославии, руководство ЮВВо напрасно попыталось наладить связи с передовыми отрядами Красной армии. Имели место несколько отдельных эпизодов боевого взаимодействия, по личному приказу Д. Михайловича предпринятые командиром Краинского корпуса В. Пилетичем, командиром Расинско-топлицкой группы корпусов полковником Д. Кесеровичем, командиром 1-го и 2-го Равногорских корпусов капитаном П. Раковичем [48]. Однако время для налаживания отношений было безвозвратно упущено.

СССР сделал безоговорочную ставку на политических соперников четнического движения – на партизанское движение Й.Б. Тито. В результате недальновидной политики по отношению к СССР движение Д. Михайловича потеряло свой шанс хотя бы в небольшой степени повлиять на послевоенное устройство Югославии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.
2. Балканский узел, или Россия и «Югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX в. М., 2005.
3. *Беляков С.С.* Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.
4. *Пилько Н.С.* Словения в годы оккупации. СПб., 2009.
5. *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992.
6. *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.
7. Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч. II.
8. *Трбић В.* Мемоари. Казивања и доживљаји војводе велешког (1912–1918, 1941–1946). Београд, 1996. Књ. II.
9. *Williams H.* Parachutes, Patriots and Partisans: The Special Operations Executive and Yugoslavia, 1941–1945. London, 2003.
10. *Боновић Ј.* Моје везе са Дражом Михајловићем. Београд, 2004.
11. *Wheeler M.C.* Britain And The War For Yugoslavia, 1940–1943. New York, 1980.
12. *Николић К.* Предговор проређивача // *Боновић Ј.* Моје везе са Дражом Михајловићем. Београд, 2004.
13. 1941 год // Россия. XX век. Документы. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1.
14. *Stafford D.* Britain and the European Resistance 1940–1945: A Survey of SOE, with Documents. Toronto; London, 1983; *Foot M.R.D.* Resistance: An Analysis of European Resistance to Nazism. London, 1976; *Moore B.* Resistance in Western Europe. Oxford, 2000.
15. *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Коминтерн и Вторая мировая война (после 22 июня 1941) // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
16. *Policijski elaborat.* Ruska emigracija u Jugoslaviji. Bileća, 1953.
17. *Димитријевић Б., Николић К.* Генерал Михајловић. Биографија. Београд, 2004.
18. *Топаловић Ж.* Србија под Дражом. Београд, 2004.
19. Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 3.
20. *Шарапов Э.П.* Наум Эйтингон – карающий меч Сталина. СПб., 2003; *Ставинский Э.* Зарубины: Семейная резидентура. М., 2003.
21. *Mackenzie W.* The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000.
22. *Старков Б.А.* Панславянская идея в Советской России // Европа и Срби. Београд, 1996.
23. *Горчаков О.А.* Ян Берзин – командарм ГРУ. СПб., 2004.
24. *Плеһау Н.* Ратне године. Београд, 2004.
25. *Топаловић Ж.* Jugoslavija. Žrtvovani saveznik. London, 1970.
26. *Тесемников В.* Югославская одиссея Федора Махина // Родина. 2007. № 8.
27. *Dedijer V.* Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. Beograd, 1984. Т. 3.
28. Arhiv Jugoslavij. Ф. СК КПЈ–КІ.
29. *Wüschel J.* Jugoslawien und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-jugoslawischen Beziehungen 1933–1945. Stuttgart, 1969.
30. *Дедијер В., Екмечић М., Божић И., Ђурковић С.* Историја Југославије. Београд, 1972.
31. *West N., Tsarev O.* The Crown Jewels: The British Secrets at the Heart of the KGB Archives. New Haven, 1999; *Hamrick S.J.* Deceiving the Deceivers: Kim Philby, Donald Maclean and Guy Burgess. New Haven, 2004.
32. British Intelligence in the Second World War: Its Influence on Strategy and Operations. London, 1984. Vol. 3.
33. *Cripps J.* Mihailović or Tito? How the Codebreakers Helped Churchill Choose // Action This Day. London; New York, 2001.
34. *Bailey R.* Communist in SOE: Explaining James Klugmann's Recruitment and Retention // Intelligence and National Security. 2005. № 20; *Martin D.* The Web of Disinformation: Churchill's Yugoslav Blunder. San Diego; New York, 1990.
35. *Плеһау Н.* Ратне године. Београд, 2004.
36. *Рачев С.* Англия и съпротивителното движение на Балканите 1940–1945. София, 1978.
37. *Prpić B.* Preko Atlantika u partizane. Zagreb, 1965.
38. *McLaren R.* Canadians behind Enemy Lines, 1939–1945. Vancouver, 2004.
39. *Авакумовић И.* Михаиловић према немачким документима. Београд, 2004.
40. *Виторовић А.* Централна Србија. Београд, 1967. С. 542; Зборник НОР. Београд, 1955. Т. I. Књ. 7.
41. *Милуновић М.* Од немила до недрага. Београд, 1992. С. 36–37; *Пилетић В.* Судбина српског официра. Крагујевац, 2002. С. 98.

42. Војни Архив. К. 128. Ф. 13. Д. 11.
43. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–45 гг. СПб., 1999. Сб. II.
44. Рутан Ц. Пуцањ у празно. Београд, 2004.
45. Казак В.Н. Побратимы. Советские люди в антифашистской борьбе народов балканских стран. М., 1975. С. 14–74; Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 52. Сд. ПО. Д. 102. «Краткий очерк истории Русского партизанского батальона в Югославии». Л. 7–12; Бабушева Т.С. Советски граѓани во НОВ на Југославија // Гласник (Скопје). 1981. № 1. С. 211–227.
46. Mackenzie C. Eastern Epic. London, 1951; Rooney D. Wingate and the Chindits. London, 1994.
47. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008.
48. Tomašević J. Cetnici u Drugom svjetskom ratu 1941–1945, Zagreb 1979. С. 346–349; Зборник НОР. Београд, 1985. Т. XIV. Књ. 4. С. 402–403, 869–882; Давидовић Г., Тимотијевић М. Затамњена прошлост. Историја равногораца чачанског краја. Чачак; Краљево, 2004. С. 132–166.

© 2011 г. Н.Н. СТАРИКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА. МЕЖДУ «МАССОВЫМ» И «ЭЛИТАРНЫМ»

Современный словенский исторический роман несет в себе черты и массовой, и высокой литературы. Он, с одной стороны, служит выражением желаний читательского большинства, удовлетворяя культурно-психологические запросы широкой публики, с другой – требует от читателя определенных интеллектуальных и душевных усилий, взаимодействия с текстом.

The contemporary Slovene historical novel bears the features of both popular and classic literature. On the one hand, it expresses the wishes of the reading majority, satisfying cultural and psychological demands of the mass audience. On the other hand, it implies that readers make some intellectual and emotional efforts and interact with the text.

Ключевые слова: исторический роман, словенская литература, массовая культура.

Исторический роман можно отнести к «великим жанрам словенской прозы» – утверждает литературовед М. Хладник в своем последнем монографическом исследовании «Словенский исторический роман», впервые описывающем весь путь развития жанра в национальной литературе [1. S. 5]. С этим трудно не согласиться. Исторический роман существует в словенской литературе свыше ста двадцати лет. Его судьба отлична от большинства западноевропейских и русской литературы: своего подлинного расцвета исторический роман достигает здесь не в XIX в. в рамках романтизма, как, например, английский, французский или русский, а в первой трети XX в. и в дальнейшем на протяжении XX и XXI вв. сохраняет свои лидирующие позиции. Ему отдали предпочтение в общей сложности сто сорок три словенских автора, опубликовав свыше трехсот пятидесяти произведений¹. В творчестве некоторых прозаиков – М. Маленшек, Ф. Бевка, И. Ваште, И. Сивеца исторический роман был и остается ведущим типом прозы. В XX в. жанр пережил несколько взлетов: в 1910-е годы, межвоенный период, 1970-е годы. «Пик» интереса к истории после 1991 г. – еще одно доказательство востребованности национальной исторической прозы. Неослабевающий интерес к ней вызван в современной Словении, с одной стороны, постоянным поиском исторических корней с акцентом на важнейшие периоды мировой истории, с другой – выявлением исторических аналогий с современностью. Важным импульсом ее развития стал также успех у читателей. В каком-то смысле с точки зрения временной перспективы модус «массового» в национальной литературе начинает конституироваться в XIX в. именно в историческом жанре. Применительно к этому периоду

Старикова Надежда Николаевна – д-р филол. наук, руководитель Центра по изучению современных литератур ЦЮВЕ Института славяноведения РАН.

¹Статистика приводится по данным сайта (http://lit.ijs.si/hlad_bib.html).

массовая литература видится еще не как ценностный «низ» литературной иерархии с обязательным низким качеством произведений, клишированностью, стереотипностью, по Хализеву, «конвейерностью» [2. С. 5], а как социокультурное и литературное явление, благодаря которому в немецкоязычной Словении охоту к чтению на родном языке приобретали широкие социальные слои. Рост городского населения, значительное увеличение уровня грамотности, неизмеримо более тесные, чем раньше, контакты выходцев из «третьего сословия» с представителями привилегированных классов и заимствование у них, наряду с образцами поведения и культурно-бытового обихода, привычки к чтению – все это привело к возникновению в Словении во второй половине XIX в. массовой читательской аудитории. Исторический жанр снискал популярность у нее в немалой степени благодаря писательской деятельности первого словенского беллетриста Й. Юрчича, в творчестве которого историческая повесть и исторический роман заняли одно из ведущих мест. Следуя за Вальтером Скоттом, Юрчич попытался «приспособить» классическую форму исторического романа к вкусам этой массовой читательской аудитории, публики, которая любит «как можно больше необыкновенного, странного, сверхъестественного, страшного» [3. С. 153]. В своих исторических произведениях Юрчич успешно сочетал элементы мелодрамы, авантюриности, мистики, напряженную интригу с опорой на национальную историю с документализмом, даже исторической детерминированностью характеров. Так, первый словенский исторический роман «Иван Эразм Таттенбах», опубликованный в журнальном варианте в 1873 г., повествует о словенском «эхе» антигабсбургского заговора второй половины XVII в., завершившегося трагически. Один из инспирировщиков заговора, штирийский феодал немецкого происхождения Таттенбах, проявляющий симпатию к местному населению, вместе с группой единомышленников готовит отделение Венгрии и южнославянских земель от Австрии. Ему помогает секретарь Балтазар Рибель, посвященный во все тайные подробности. Однако сластолюбие и жестокость Таттенбаха, разлучившего своего слугу с возлюбленной, а потом и ее смерть заставляют Балтазара мстить, и он доносит на своего господина. Юрчич с успехом показывает характер, являющийся порождением эпохи, – авантюриста, для которого важна не сама высокая цель, а процесс ее достижения. При этом озабоченность героя национальным вопросом – не более чем натяжка, как пишет М. Кмецл, «куръез, а отнюдь не пример высокого служения родине, которому в 1870-е годы могли бы следовать борцы за идею» [4. С. 87]. Неудачную попытку обезглавить господствовавшую династию прозаик попытался представить как стремление основать южнославянское государство, хотя исторические документы доказывают лишь комплот венгерских вельмож против австрийской власти.

Сам раскол литературы на «высокую» («элитарную») и массовую – феномен новейшего времени. Это знак перехода крупнейших западноевропейских стран к индустриальному, а затем – постиндустриальному состоянию («массовому обществу»), выражение общественной динамики стран Запада, неотъемлемого от нее социального и культурного расслоения. Этот процесс сам становится позднее стимулом и источником дальнейшего разделения литературного потока, культуры в целом. Говоря о массовой литературе как о явлении сегодняшнего дня, следует, на наш взгляд, учитывать два условия: ее (массовой литературы) двойственную природу и сам принцип изменчивости эстетических ценностей. Ю.М. Лотман полагал, что, «выступая в определенном отношении как средство разрушения литературы, массовая литература одновременно может втягиваться в ее систему, участвуя в строительстве новых структурных форм» [5. С. 388], т.е. массовая литература способна видообразовывать и закреплять литературные явления, нашедшие свое высшее развитие в творчестве классиков. На второе условие в работе «Эстетическая функция, норма и данность как социальные факты» указал в свое время Я. Мукаржовский: «Искусство не является замкнутой областью; не сущес-

твует ни четких границ, ни строгих критериев, которые отличали бы искусство от того, что находится за его пределами». Соответственно, «художественное произведение ни в коей мере не является постоянной величиной: в результате любого перемещения во времени, пространстве или от одного типа социальной среды к другому изменяется актуальная художественная традиция, через призму которой воспринимается произведение. Таким образом, эстетическая ценность изменчива на всех своих ступенях, пассивное спокойствие здесь невозможно: “вечные” ценности изменяются и сменяют друг друга лишь медленнее и менее заметно, чем ценности, стоящие на более низких ступенях эстетической иерархии» [6. С. 52]. «Высокая» литература, равно как и массовая, – изменчивые величины литературной системы. Они не сводимы к некоему неизбылемому и неизменному единству (в том случае, если понимать их как обозначение ценностного литературного «верха» или «низа»). Эти величины претерпевают порой кардинальные изменения в своем составе и по-разному интерпретируются сторонниками противоположающихся литературных школ и направлений. Сошлюсь здесь на наблюдения Н.Г. Мельникова, который в статье «Массовая литература» приводит факты из истории мировой литературы, когда значительные художественные произведения далеко не сразу завоевывали широкое признание, а то и вовсе не прошли инстанций ценностного отбора своего времени, оставшись «вне литературы»; их богатейший смысловой потенциал восприятия раскрывается лишь в ходе длительного функционирования и по достоинству оценивается уже читателями последующих поколений [7. С. 7]. А как быть с романами А. Дюма и Агаты Кристи, имеющими долговременный читательский успех и в художественном смысле занимающими промежуточное положение между «высокой» и массовой литературой? Это общеизвестные примеры, но, думаю, в каждой национальной словесности найдутся авторы, книги которых трудно безоговорочно отнести только к «верху» или «низу» оценочной шкалы. Современный словенский исторический роман здесь не составляет исключения.

В первые годы обретенного государственного суверенитета у словенской литературы возникла потребность еще раз обосновать свой национальный статус. Традиционно востребованным оказался биографический материал, дающий представление о словенцах – носителях высокой национальной, а иногда и европейской миссии. Авторы исторических биографий Т. Ковач – «Словенский пахарь доктор Янез Блейвейс» (1990) о деятеле словенского возрождения первой половины XIX в. и И. Сивец – «Утро Иванова дня. Повесть об Адаме Равбаре, словенском витязе. К 400-летию победы над турками» (1993) о воеводе, под предводительством которого была одержана победа над турками в битве при Сисаке в 1595 г., – преуспели в стремлении обратить внимание публики на забытые страницы национальной истории, вписанные в историю европейскую. Интересно, что обе исторические личности, судьбам которых посвящены упомянутые произведения, на протяжении нескольких десятилетий находились в центре внимания научных споров, и при этом оценка их деятельности оставалась весьма противоречивой. Так, деятель национального возрождения Блейвейс, издатель, политик, литератор, в глазах общественного мнения долго оставался главным гонителем Ф. Прешерна, победитель турок Равбар, образ которого запечатлен в одноименной героической песне XVII в., в исторических повестях позапрошлого века А. Малавашича и Я. Трдины представал коварным злодеем. В последующее десятилетие судьбы реальных персонажей национальной истории продолжают привлекать многих авторов. В центре внимания оказались прежде всего деятели литературы и искусства – историко-биографические романы о поэтах С. Грегорчиче («Жемчужины боли», 1996) и А. Ашкерце («Завещание паромщика», 2006), архитекторе Й. Плечнике («Мастер небесной красоты», 2001), лингвисте Е. Копитаре («Камень над гладью», 2007) вышли из-под пера И. Сивеца, судьба поэта Д. Кетте привлекла С. Фатура («Отец и сын», 2005), драматурга С. Грума – М. Декле-

ву («Триумф крыс», 2005), писательницы М. Бартол Надлишек – Э. Умрек («По следам фата морганы: Марица Надлишек Бартол», 2008). Отдельное внимание заслужили также любимые женщины известных словенцев – судьбам возлюбленных С. Грегорчича, Ф. Прешерна и К. Дестовника-Каюха посвящены произведения Сивеца «Горная роза» (2004), «Юлия из “Венка сонетов”» (2006), «Моей единственной, моей любимой» (2008).

Многие авторы показывают, как прошлое (и его ключевые эпизоды, и малоизвестные события) преломляется в отдельной человеческой судьбе или в судьбе целого рода, семьи. Элементы семейной хроники есть в романе М. Микелна «Великий поезд» (1992), повествующем о двух ветвях одного словенского рода, разделенных двумя мировыми войнами, и в книге К. Ковича «Путь в Трент» (1994), в центре которой история жизни Франца М., дядюшки автора, свидетеля и участника Первой мировой войны. Особое место в этом ряду занимает «словенская сага» Б. Новака «Липа зеленела» (1990–2000), серия из двенадцати книг, посвященных истории двух генеалогических линий одной словенской семьи, девять книг этого цикла обращены к национальному прошлому. Люблянское землетрясение 14 апреля 1895 г. легло в основу исторического романа Я. Вирка «1895, землетрясение: хроника нечаянной любви» (1995), в центре которого любовный сюжет. Атмосферу конца века создают в нем исторические реалии: гимназическое общество «Задруга», созданное поэтами модерна, образ художника-импрессиониста Р. Якопича. В историческом жанре работают старейшина цеха А. Ребула (р. 1924) – «Маранатха или 999 год» (1996), В. Кавчич – «Сумерки» (1996), Д. Мерц – «Люстра Галилея» (1996), И. Шкамперле – «Дочь короля» (1997), С. Вуга – «На спине золотой рыбки» (1999), Д. Янчар – «Скрежет в голове» (1998) и «Катарина, павлин и иезуит» (2000), Л. Детела – «Три звезды» (2008).

С точки зрения литературы, ориентированной на читателя подготовленного и эрудированного, интересен опыт Янчара, в настоящее время самого известного в мире словенского прозаика, который включил в свой роман «Скрежет в голове» о восстании заключенных югославской тюрьмы Ливада в середине 1970-х годов эпизоды осады иудейской крепости Масада римлянами в I в. н.э. Этот художественный прием – соединение в произведениях временных пластов прошлого и настоящего дает возможность «осветить главные вопросы бытия из универсальной перспективы» [8. S. 106]. В романе «Скрежет в голове» композиция построена по принципу обратной хронологии: в 1995 г., спустя двадцать лет после отбывания срока, автор записывает рассказ своего бывшего сокамерника Кебера о тюремном бунте, участником которого Кебер был (деталь автобиографическая: Янчар, действительно, в середине 1970-х несколько месяцев провел в тюрьме). В этот рассказ, в свою очередь, вплетено повествование о трагедии древнееврейской крепости Масада, самом драматическом эпизоде Первой иудейской войны или Великого восстания, произошедшего в 66–73 гг. в Иудее.

В 66–67 гг. н.э. в крепости Масада, построенной царем Иродом на северо-западе страны неподалеку от Мертвого моря, по-видимому, размещался римский гарнизон. В 66 г., с начала Иудейской войны, Менахем, сын Иехуды Галилеянина, во главе отряда zelотов захватил крепость. Затем восстание возглавил племянник Менахема, Элеазар бен Яир. После падения Иерусалима его защитники бежали в крепость, где продержались еще три года. В общей сложности шесть лет она служила убежищем для всех, кому угрожала опасность быть схваченным римлянами. В 72 г. цитадель Масада осталась единственным очагом восстания в стране. Когда стало ясно, что осадные орудия десятого легиона римлян быстро пробьют укрепления, лидер обороняющихся Элеазар бен Яир решил, что все защитники крепости должны покончить с собой. Он призвал оставшихся в живых мужчин убить своих жен и детей, а затем лишиться жизни и себя, чтобы не попасть в руки римлян. Когда мужчины убили женщин и детей, они по жребию избрали 10 человек, чтобы те убили остальных. В свою очередь, эти десять человек, как сказано в

«Иудейской войне» Иосифа Флавия, на том же условии метали жребий между собой, чтобы кто-нибудь один лишил жизни остальных девятерых, а вслед за ними поразил и самого себя. И вот девять человек подставили горло под удары, а последний осмотрел многочисленные тела павших: он хотел удостовериться, не уцелел ли среди этого всеобщего избиения кто-нибудь, кому нужна его рука. Видя, что все мертвы, он поджег дворец, собрал все силы, по рукоять вонзил в себя меч и пал возле своих родных. В итоге 960 мужчин, женщин и детей добровольно расстались с жизнью, чтобы не стать рабами. Этот эпизод вошел в мировую историю как пример национального героизма. В романе он представлен в довольно вольной интерпретации главного героя, человека сильного, склонного к авантюризму (в прошлом торговый моряк, сидит за грабеж), авторитета в зоне и неформальному лидеру тюремного бунта, который вызван запретом на просмотр товарищеского матча по баскетболу с участием команд СФРЮ и США. И хотя прочитанное у Иосифа Флавия (во время долгих морских рейсов герой пристрастился к чтению) произвело на Кебера настолько сильное впечатление, что он, выйдя на свободу, даже посещает Масаду как турист, в его сознании исторический сюжет максимально «осовременился». В книге нет исторических сносок, подразумевается, что читатель знает не только, кто такие Менахем и Элезар, но и чем завершилась осада крепости: «иудейская» линия сюжета заканчивается внутренним монологом Элезара, ждущего смерти от надвигающихся со всех сторон римских легионеров.

Сопоставляя события древней иудейской истории и недавнего югославского прошлого, автор романа «Скрежет в голове» вновь, как и в ранних своих романах («Галерник» и «Северное сияние»), ищет точки пересечения мироощущений человека минувших столетий и настоящего, выделяя в духовном мире наших предков черты, соотносимые с мировоззренческими проблемами современности.

В 1990–2000-е годы словенский исторический роман, как и другие литературные жанры, не остается в стороне от проблем «выживания» в условиях рынка, от общей тенденции «облегчения» и «тривиализации» литературной продукции. Литература переключается на производство избыточного количества текстов на любой вкус и «режим» чтения и для любой «целевой группы». «Новизна» продукта, или, наоборот, его испытанность и надежность, становится определяющей в читательских предпочтениях. Еще Б. Пастернак писал, что читатель «без разбору принимает все, что выпускает к его услугам индустрия последних сроков, или же с тем же безразличием отвергает все рыночные новинки из слепого недоверия» [9. С. 122]. И здесь развлекательность, диктуемая консьюмеризмом рынка, становится неотъемлемой частью художественных произведений. Свидетельство тому – романы «Дочь короля» (1997) И. Шкамперле, «Скарабей и весталка, роман о грабителях душ» (1997) и «Я отделю пену от волн» (2003) Ф. Лаиншчка, сочетающие в себе черты нескольких «классических» и «массовых» романских типов: психологического, любовного, авантюрного, исторического, фэнтези, мелодрамы. Особое место в этом ряду занимает «Дочь короля», созданная с привлечением элементов модного сегодня жанра «криптоистории». Криптоисторические произведения представляют собой некий весьма условный компромисс между исторической документалистикой, классическим историческим романом и романом-фэнтези. Основывая сюжеты своих книг на реальных исторических событиях, криптоистики привносят в них фантастико-мистические мотивы. В центре сюжета «Дочери короля» – поиски героями философского камня (в прямом и переносном смысле слова), происходящие параллельно в двух временных пластах: в конце XVI и в конце XX в. Придворный алхимик Рудольфа II Габсбургского (1522–1612) Михаэл Майер и профессор истории средних веков Триестского университета Эрнст Фабиан, каждый в свое время, приезжают в Прагу, где переживают ряд приключений, встречают любовь, оказываются вовлечены в тайные заговоры. При этом первый в чешских горах ищет живое серебро как основу эликсира бес-

смертия для больного сифилисом императора, который, в свою очередь, хочет усовершенствовать этот мир, оздоровив с помощью волшебного снадобья не только человеческое тело, но и душу. Второго тайным письмом приглашают в чешскую столицу, где вербуют в секретную организацию (нечто вроде современной масонской ложи), задача которой – лоббирование интересов славянства в новой Европе. Параллельно развиваются любовные истории героев: Майер очарован молодой чешской вдовой Ериной, впоследствии обвиненной в колдовстве и казненной, Фабиан переживает страстное увлечение женой одного из новоиспеченных «вольных каменщиков» Брайтала Катей, дочь сгинувшего в Афганистане советского солдата, вихрем политических перемен занесенной в Чехию. В итоге каждый из них оказывается перед выбором: личное благополучие или благополучие всего человечества. Профессор предпочитает не вмешиваться в судьбы мира – он мало-душо покидает тайный спиритический сеанс, в ходе которого должно решиться будущее его страны, и отправляется к возлюбленной. Алхимик теряет своего патрона, а с ним и средства к существованию, великий замысел Рудольфа II остается нереализованным. Его преемник Матияш Габсбургский не верит в силу философского камня, врачующего души, мировая гармония недостижима – Европу ждет Битва на Белой Горе и Тридцатилетняя война.

Следует отметить, что подобная интерпретация личности императора Священной Римской империи Рудольфа II – не что иное как криптоисторическая мистификация. Ведь до сих пор этот монарх остается одной из самых загадочных и противоречивых фигур европейской истории: страстный католик, находясь в зависимости от денег местного дворянства, был вынужден в первые годы правления соблюдать «Чешскую конфессию», документ о свободе вероисповедания протестантов, будучи человеком крайне подозрительным, склонным к меланхолии, искал утешения не только в разврате, но и в мещанстве, собрал превосходную коллекцию произведений искусства, впоследствии утерянную. В то же время современный персонаж романа Шкамперле, университетский преподаватель и страстный любовник Эрнст Фабиан – реинкарнация Индианы Джонса, главного эксперта по древностям мирового кино, очевидный римейк знакомого образа. Этот тип героя принципиально вторичен и распространен в современной криптоисторической прозе, в частности появляется, например, в нашумевшем романе Д. Брауна «Код да Винчи» (2003) в образе профессора Лэнгдона. Другим отличительным признаком «массового» в романе Шкамперле является его «андрогинность», т.е. совмещение признаков нескольких различных направлений культуры. Такие произведения можно назвать трансформерами. «Дочь короля» содержит в себе признаки литературного произведения, киносценария и экскурсионного маршрута по Праге. Для полного комплекта не хватает только сюжета для компьютерной игры. Но здесь словенский прозаик оказался менее продвинутым, чем «мама» Гарри Поттера Дж. Ролинг или литературный создатель «Парка Юрского периода» М. Крайтон. Отдельную головоломку представляет собой название романа. Само словосочетание, на первый взгляд броское, сразу привлекает внимание массового читателя. Однако в тексте есть лишь одно упоминание о королевской дочери – после бурной эротической сцены Эрнст и Катя ведут неспешную беседу обо всем на свете: «[...] о деревьях, травах и камнях. О табуне вороных коней, проскакавших мимо. О Милене Есенской. О храме без врат и золотых садах, которые стережет она, дочь короля» [10. S. 257]. Далеко не вся читающая публика в Словении знает, что реальное лицо, носившее это имя, – пражская переводчица и журналистка М. Есенская (1896–1944), возлюбленная и адресат писем Ф. Кафки, жила через четвереста пятьдесят лет после Рудольфа II. Продвинутому читателю после ознакомления с содержанием книги Шкамперле предлагается самому расшифровать ее заглавие. Выбор, сделанный героем в финале романа, в пользу любви, а не политики, видимо, и есть подсказка. Дочь короля – это Женщина, чувство к которой наполняет жизнь мужчины смыслом, и

оно – это чувство – и есть тот самый философский камень, который безуспешно искал алхимик императора Великой Римской империи Михаэл Майер.

Итак, исторический роман в современной словенской прозе ориентирован двояко: с одной стороны, он служит выражением желаний и фантазий читательского большинства, удовлетворяя первичные культурно-психологические потребности и запросы широкой публики, с другой – требует от читателя определенных интеллектуальных и душевных усилий, погружения в материал и работы с ним. Видоизменяя традиционные приемы и формы, вбирая новые, в том числе заимствованные у тривиальной литературы, исторический роман перерабатывает их согласно своей специфике, что сказывается на решении множества «частных» художественных проблем: классический подход к историческому контексту сочетается в книгах современных словенских романистов с альтернативным по отношению к существующим версиям, методам воссоздания исторических событий, с жанровым синкретизмом [11. S. 50], с широким творческим экспериментом. Налицо характерное для современного литературного процесса постепенное «размывание» границы между «массовым» и «элитарным». В первой трети XX в. разрыв между «Улиссом» и криминальным чтивом был максимальным. В 2000-е годы этот разрыв существенно сокращается. Серьезная и массовая литературы все чаще обмениваются мотивами, приемами из своих арсеналов, адаптируя их для своих целей, соревнуясь в эффективности их использования. Взаимопроникновение «высокой» и массовой литератур воспринимается сегодня как естественная и неоспоримая характеристика постмодернистской ситуации [12. С. 8]. И кто знает, быть может, столкновение «элитарной» и массовой литературы придаст книгам новое качество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hladnik M.* Slovenski zgodovinski roman. Ljubljana, 2009.
2. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2005.
3. *Булгарин Ф.В.* Полн. собр. соч. В 7-ми т. СПб., 1844. Т. VI.
4. *Kmecl M.* Vabji mlin slovenske literarne zgodovine. Ljubljana, 1986.
5. *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3-х т. Таллинн, 1993. Т. 3.
6. *Мукаржовский Я.* Эстетическая функция, норма и данность как социальные факты // *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
7. *Мельников Н.Г.* Массовая литература // *Русская словесность.* М., 1998. № 5.
8. *Zupan Sosič A.* Zavetje zgodbe: sodobni slovenski roman ob koncu stoletja. Ljubljana, 2003.
9. *Пастернак Б.* Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М., 1990.
10. *Škamperle I.* Kraljeva hči. Koper, 2002.
11. *Zupan Sosič A.* Robovi mreže, robovi jaza: sodobni slovenski roman. Maribor, 2006.
12. *Асмусин М.* Чем сердце успокоится. Заметки о серьезной и массовой литературе в России на рубеже веков // *Вопросы литературы.* 2009. № 3.

© 2011 г. М.С. ВАЩЕНКО

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА МОНОГРАФИИ
«ХОРВАТЫ И БОРЬБА ИХ С АВСТРИЕЙ»:
К ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДЕ
ХОРВАТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РОССИИ

Статья посвящена проблеме авторства монографии «Хорваты и их борьба с Австрией». Отечественные исследователи считают таковым русского ученого М.М. Филиппова, хорватские же историки – хорватов К. Геруца и М. Дошена, сторонников Партии права, осуществлявших пропаганду хорватской национальной идеи в России.

The article deals with the problem of the authorship of the book «The Croats and their struggle against Austria». Russian historians presume, that it was written by the Russian scholar M.M. Filippov, while the Croatian historians consider that the real authors of book were K. Heruc and M. Doshen – the supporters of the Croatian Party of Right, who spread propaganda of the Croatian national idea in Russia.

Ключевые слова: хорვა́то-росси́йские отношения, Партия права, М.М. Филиппов, К.Ю. Геруц.

В 1890 г. в Санкт-Петербурге была издана книга под названием «Хорваты и борьба их с Австрией». В отличие от предшествующих работ по истории Хорватии, опубликованных в России, эта монография посвящена современному на тот момент положению хорватских земель в составе Австро-Венгерской монархии, их борьбе с монархией Габсбургов и перспективам политического развития хорватского народа. В книге содержались сведения по средневековой истории хорватских земель, давался анализ развития общественной мысли во второй половине XIX в., а в приложении приводились документы хорватского сабора, тексты выступлений лидеров Партии права¹, сведения о наречиях хорватского языка и многое другое. Но основное внимание в монографии было уделено изложению взглядов лидеров Партии права А. Старчевича и Е. Кватерника. Особенно важна именно эта «идеологическая» составляющая данной книги, которая позволяет говорить о том, что монография была издана с целью пропаганды идей Партии права. В таком контексте хорватская тема в русской литературе, как научной, так и публицистической, до этого не звучала.

В качестве автора основного текста указан известный русский ученый, философ, публицист Михаил Михайлович Филиппов, а предисловия и эпилога –

Ващенко Михаил Сергеевич – аспирант ИСл РАН.

¹ Партия права («правашки») – одна из двух партий (наряду с Национал-либеральной), определявших развитие хорватского национального движения во второй половине XIX в. Ее лидеры, Е. Кватерник и А. Старчевич, выступали за воссоединение хорватских земель, за образование суверенного хорватского государства.

М.Д. Билайградский. В отечественной историографии авторство Филиппова никогда не подвергалось сомнению и, в частности, его сын Борис уверенно писал об этом в биографии своего отца [1. С. 40]. Иной позиции придерживаются некоторые хорватские ученые. Вот что пишет М. Гросс: «Первая попытка издать книгу на русском языке, извещающую о хорватах, была предпринята в 1890 г. в Петрограде Крунославом Геруцем и Марко Дошеном под двумя псевдонимами» [2. S. 560]. Гросс отмечает, что Филиппов хотя и отвергает некоторые важные тезисы правашской идеологии, тем не менее, отзывается о Старчевиче и Кватернике в «наилучших выражениях». По ее мнению, хотя Старчевич особенно и не был воодушевлен изданием этой книги, но, тем не менее, был рад тому, что Билайградский впервые в истории ясно изложил правашское учение на русском языке [2. S. 562]. С. Маткович в работе «Чистая партия права 1895–1903 гг.» пишет: «Дошен издал в России книгу “Хорваты и борьба их с Австрией”» [3. S. 292]. В «Хорватской энциклопедии» утверждается, что Дошен издал эту монографию именно в сотрудничестве с Филипповым [4. S. 220; 5. S. 226]. Так или иначе, в хорватской литературе существует точка зрения о причастности Геруца и Дошена не только к изданию этой книги, но и к ее авторству.

Прежде чем обратиться непосредственно к проблеме авторства монографии, хотелось бы привести более подробные сведения обо всех трех предполагаемых авторах.

Филиппов Михаил Михайлович (1858–1903) родился в Киевской губернии. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета, опубликовал ряд работ, посвященных разным сферам деятельности. Известны его труды в области философии, экономики, математики, биологии, антропологии, очерки и статьи о русских писателях. В 1894–1903 гг. Филиппов издавал и редактировал журнал «Научное обозрение», в котором публиковались статьи В.И. Ульянова (Ленина) и Г.В. Плеханова. В круг интересов Филиппова входила и славянская проблематика. В 1889 г. он принимал участие в редактировании «Славянских известий», печатного органа Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. Перу ученого принадлежат несколько работ, имеющих отношение к истории и бытоописанию зарубежных славян [6; 7].

Крунослав Юрьевич Геруц (1859–1928) родился в г. Крижевцы в Западной Славонии. В 1882 г. окончил философский факультет Королевского университета Франца Иосифа I в Загребе, еще в студенческие годы проявил себя как активист Партии права. Он принимал участие в работе редакции газеты «Слобода» (позже – «Хрватска»), печатном органе Партии права. В 1887 г. Геруц перебрался в Россию, в Санкт-Петербург. Через два года он устроился на работу в редакцию журнала «Славянские известия» и открыл «Русско-славянский книжный склад». В «Славянских известиях» Геруц вел отдел библиографии, через него проходила вся информация из хорватских земель, печатавшаяся в журнале, в том числе об А. Старчевиче и Партии права. В дальнейшем Геруц работал заместителем секретаря сельскохозяйственного общества «Русское зерно» и библиотекарем в Государственной думе России в Санкт-Петербурге. До Первой мировой войны он успел опубликовать в России несколько брошюр и статей, где затрагивалась славянская и непосредственно хорватская проблематика [8].

Марко Дошен (1859–1944) родился в селе Мушалук в области Лика, после получения среднего образования занимался торговлей. Еще в юношеские годы, как и Геруц, примкнул к сторонникам Партии права и публиковал свои статьи в правашских газетах. В 1890 г. впервые совершил поездку в Россию, которую с тех пор посещал неоднократно². После 1893 г. занимался торговлей в г. Госпич и в те-

²В статье о Дошене в «Хорватской энциклопедии» утверждается, что он прибыл в 1890 г. в Россию именно по заданию Партии права (с каким именно, не уточняется) [5. S. 226].

чение десяти лет издавал и редактировал еженедельник «Хорват». Перед началом Первой мировой войны сотрудничал с лидером Хорватской крестьянской партии С. Радичем. В 1930-е годы примкнул к движению усташей. Уже после образования Независимого Государства Хорватия, в 1942 г. был избран председателем хорватского сабора.

Теперь обратимся к содержанию самой монографии, точнее, к тем ее страницам, которые посвящены правашской идеологии. Одна из глав книги носит название «Хорватская Партия права». Она состоит из двух частей, в которых рассказывается о лидерах партии, Кватернике и Старчевиче. Причем очерк, посвященный Кватернику, носит в большей степени биографический характер, в то время как в разделе о Старчевиче больше говорится о его политических взглядах. Характерен и патетический тон текста, в котором, в частности, описываются личностные качества лидера Партии права в героических тонах: «Старчевич не ученый, вроде, например, Палацкого. Это человек с кипучей южной натурой, пламенный оратор. Его слог отличается убедительностью и ясностью доказательств. Старчевич беспощадно побивает своих противников; желая прямо высказать истину, он никогда не колеблется и не допускает середины; говорит резко и откровенно, о ком бы ни шла речь – о *русских, поляках или хорватах* (курсив оригинала. – М.В.)» [6. С. 51]. Особый интерес представляют также и приведенные в этом разделе идеи Старчевича по поводу славянского объединения. Причем перед изложением взглядов лидера правашей по этому вопросу авторы книги ссылаются на частное письмо А. Старчевича, «которое автор разрешил предать гласности» [6. С. 66].

В письме Старчевич ставит всем славянским народностям в пример жителей других стран, где есть разные народности, наречия, верования, обычаи, законы и т.д., и что, тем не менее, «обитатели этих земель стремились и стремятся к соединению в области языка и материальных интересов» [6. С. 66–67]. К этому же Старчевич призывает славян, однако он настаивает на том, что не следует пренебрегать отдельными «наречиями» до тех пор, пока не установится общий литературный язык. Таким литературным языком, по мнению авторов рассматриваемой работы, Старчевич считает русский язык. Косвенным подтверждением этого может служить следующая цитата: «Писатели пишут, чтоб их читали люди, а где столько людей, как в России?» [6. С. 66]. Таким образом, можно сделать вывод, что Старчевич вовсе не враг, а, напротив, сторонник объединения единоплеменных народов. Он считает, что такое объединение не может быть достигнуто исключительно политическими, административными или какими-то другими искусственными мерами. Поэтому единственный верный путь к языковому единству единоплеменных народов – путь «постепенного развития». И прежде чем русский станет общелитературным языком, необходимо еще выработать частное литературное единство, например, словенцев с хорватами, словаков с чехами [6. С. 67].

Упомянут авторы и известную брошюру Старчевича под названием «Имя серб». В ней утверждается, что само название «серб» идентично латинскому слову «servus», которое переводится как «раб» [6. С. 67]. Лидер правашей считает, что население, которое считается «сербским», на самом деле хорватского происхождения. Кроме того, в брошюре указывается, что имя «серб» применялось и в отношении цыган, влахов и албанцев, чьи потомки сейчас проживают на хорватских территориях. Хотя авторы анализируемой монографии и осуждают презрительное отношение Старчевича к этнониму «серб», но, как и лидер правашей, считают, что проживающие на хорватских территориях сербы отличаются от хорватов не культурой, а отношением к национальным интересам. «Все без исключения сербские депутаты в хорватском сейме, – пишут авторы, – известны как сторонники либо мадьяр, либо австрийцев... *Удивительно ли поэтому, что*

хорваты и особенно Старчевич, враги сербов подобного рода» (курсив оригинала. – М.В.) [6. С. 70].

Особое место в книге уделено различным «югославянским теориям». В центре внимания авторов – идея сближения на почве «культурной взаимности» сербов и хорватов, а также «обоюдного признания прав, добытых и тем, и другим народом в течение их исторического существования». Но это сближение не может быть достигнуто путем отказа от своей национальной идентичности в угоду югославянским теориям, тем более что эти теории в большинстве случаев являлись лишь орудием, которым пользовалась Австрия в борьбе против хорватской национальной идеи [6. С. 90].

Авторы монографии обратились к славянофильству. При каждом всплеске интереса к славянским народам в русском обществе, которые наблюдались на протяжении всего XIX в., наибольшую активность проявляли именно славянофилы. Они поддерживали связь с первыми русскими учеными-славистами – О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, В.И. Григоровичем и младшим поколением славистов в лице А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского [9. С. 265]. Поэтому становятся понятными причины, по которым авторы анализируемой монографии уделили немало внимания развитию этого направления русской общественной мысли, начиная с 1840-х до 1880-х годов. К «чистому» (раннему) славянофильству и к достижениям «лучших и талантливейших» его представителей авторы относятся с симпатией. Что же касается идей позднего славянофильства (неославянофильства), то подчеркивается, что их появление стало результатом перерождения «чистого» славянофильства, в результате которого были утрачены прежние научно-философские основы. Кроме того, это дает повод авторам монографии приравнять славянофильское направление к «националистическому» и провести черту между славянофильством и непосредственным изучением славянства.

Монография получила отклик в отечественной печати. И уже сразу после ее издания у многих стали возникать сомнения в авторстве Филиппова. Автор одной из рецензий на монографию, опубликованную в «Славянских известиях», И.Н. Половинкин отзывался о книге так: «Написана она чрезвычайно живо, с огнем, и, читая ее, никак не можешь отрешиться от назойливо лезущей в голову мысли, что автор книжки – не русский человек, а хорват, и даже не настоящий хорват, а какой-нибудь прозелит хорватства» [10]. Половинкин даже обращался к Марко Дошену лично, чтобы узнать у него, кто такой этот М.Д. Билайградский, который в тексте самой монографии указан просто как «хорватский публицист». Но, по словам рецензента, Дошен ничего не мог ему ответить на этот вопрос [10].

Изложив основные идейные положения монографии «Хорваты и борьба их с Австрией», обратимся непосредственно к проблеме ее авторства. Документов, свидетельствующих о том, что Геруц и Дошен участвовали в составлении текста монографии, пока не найдено. Поэтому, для того чтобы приблизиться к решению этого вопроса и сделать обоснованные предположения, мы обратимся к основным тезисам некоторых статей и Филиппова и Геруца, попытаемся выявить сходства и различия в выдвигаемых этими авторами идеях и сопоставить их с основными положениями, представленными в монографии о хорватах. Основное наше внимание будет уделено статье «Слово к русским и слово к славянам» К.Ю. Геруца, двум публикациям М.М. Филиппова «Славянская взаимность в настоящем и будущем» и «Еще раз о славянской взаимности», а также некоторым другим их работам.

Вначале обратимся к вопросу о культурном объединении славян, который занимает важное место в работах Филиппова и Геруца³:

³ В приведенных цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой.

М.М. Филиппов	К.Ю. Геруц	Монография «Хорваты и борьба их с Австрией»
<p>Вопрос о славянской взаимности не должен быть смешиваем с теми, частью несбыточными, частью преждевременными, национальными и политическими иллюзиями... Мы не станем [...] рассматривать вопрос об общеславянском литературном языке... гораздо более практичным для ближайшего будущего мы считаем вопрос о распространении изучения всех, или, по крайней мере, некоторых славянских наречий во всех славянских землях [11].</p>	<p>[...] нужно соразмерить программу взаимного сближения и не мечтать об обрусении или об объединении, а только о братском содействии: не ставить во главе славянского вопроса ни религиозное, ни государственное единение, а идти навстречу только культурным стремлениям славян [12].</p>	<p>[...] он (Старчевич. – М.В.) считает ложною мысль, что такое объединение может быть достигнуто политическими, административными и вообще искусственными мерами [6. С. 67].</p>
<p>[...] для ближайшего будущего всякому славянскому деятелю предстоят две главные задачи: первая [...] есть задача чисто культурная, состоящая в умственном, экономическом и нравственном сближении всех славянских народностей [11].</p>	<p>Есть почва, на которой сходятся вполне этические интересы сербов, хорватов и словинцев, всем жизненно и одинаково симпатичная – это почва чистой славянской культуры [12].</p>	<p>[...] воссоединение этих двух разрозненных теперь ветвей славянского племени (сербов и хорватов. – М.В.) возможно лишь на почве культурной взаимности и обоюдного признания прав, добытых тем и другим народов в течение их исторического существования [6. С. 91].</p>

Не менее важна и позиция двух авторов по поводу славянофилов и славянофильской идеологии:

М.М. Филиппов	К.Ю. Геруц	Монография «Хорваты и борьба их с Австрией»
<p>Идеи Скобелева в общем те же, что и у других выдающихся славянофилов новейшего периода. Не соглашаясь с ними ни в их отправных пунктах, ни во многих частных выводах, я полагаю, однако, что, раз турецкая война была затеяна хотя бы и под давлением тех же славянофилов, ее следовало довести до конца (курсив оригинала. – М.В.) [...] Не менее правы были славянофилы и в том отношении, что осуждали редакцию Берлинского трактата, разрезавшего Болгарию надвое, не установившего законного срока для австрийской оккупации в Боснии и вообще лишившего нас – по крайней мере для того времени – всех плодов турецкой войны [13].</p>	<p>Прямо ужас берет, когда читаешь (в 1888 г.) записных славянофилов передовицу, написанную одним из вожаков этой партии: надо, мол, закруглить границу между славянством и германством, отдав чехов на съедение Пруссии [...] Пророческая программа прежних славянофилов отвергается наотрез большинством нынешней интеллигенции, получившей слишком бесцветное и противуславянское образование [12].</p>	<p>Славянофильство, имевшее весьма талантливых представителей, должно было отступить на второй план и частью переродилось [...] утрачивая прежние научно-философские основы [...] слависты и славянофилы нередко шли у нас разными путями [6. С. 3].</p>

Наконец, отношение к Сербии и сербам – еще один общий для работ Филиппова и Геруца вопрос, затрагивавшийся и в монографии:

М.М. Филиппов	К.Ю. Геруц	Монография «Хорваты и борьба их с Австрией»
[...] у сербов проявляются два важных качества, давно известные из их поэтических произведений: <i>отсутствие</i> рабского <i>подражания</i> иностранным образцам и <i>разумный патриотизм</i> [14].	Сербь, <i>стремясь захватить</i> слева и справа побольше у своих соседей, тратят [...] <i>непроизводительно</i> свои силы и <i>остают в культурном и политическом развитии</i> [15].	[...] великосербские притязания на Боснию и Герцеговину не могут быть оставлены без внимания, так как для Сербии путь к Адриатическому морю есть жизненный вопрос [...] Не совсем уверенная в возможности достигнуть Адриатического побережья, Сербия все же фатально стремится к морскому берегу: отсюда ее <i>неосновательные притязания</i> и на всю Македонию, включая Солунь [б. С. 61].
[...] вообще маленькая Сербия, включающая лишь часть великого сербского народа, не посрамила себя на выставке, и все, данное ею, составлено с толком [...] Можно себе представить, <i>как много дала бы Сербия</i> в том случае, <i>если бы она соединила в себе всю сербскую народность</i> , и если бы долговременная эксплуатация со стороны Австро-Венгрии не была помехой ее народной промышленности [14].	<i>Сербь [...] никогда не двигали общеславянские</i> , а лишь свои узкорайонные, местные идеалы. Поэтому становится понятным, почему такие общеславянские энтузиасты, как хорваты, не могут всецело и без оглядки примкнуть к <i>сербам, шедшим</i> , в пределах Хорватии, за последних 50 лет весьма часто <i>с врагами</i> ее, <i>мадьярами и итальянцами</i> [16].	Вся так называемая сербско-хорватская рознь в Хорватском королевстве есть порождение, главным образом, новейшего времени и существует не в народе, но в так называемой интеллигенции, которая порою <i>служит самым лучшим орудием австро-венгерских махинаций</i> [б. С. 69].

Итак, в вопросе о культурном объединении позиции авторов во многом совпадают – оба они выступают против немедленного введения общеславянского литературного языка и «обрусения». В монографии приводятся схожие утверждения, что славяне должны объединяться прежде всего в сфере культуры только путем постепенного развития. С другой стороны, в статье Геруца речь идет в том числе о возможности объединения хорватов с сербами и словенцами. В книге обнаруживается похожая мысль о необходимости «частного литературного единства» именно хорватов и словенцев. У Филиппова же в данном контексте нет упоминаний о каком-либо конкретном славянском народе.

Что касается славянофильской идеологии, то особое внимание стоит обратить на осуждение Геруцем поздних славянофилов, своих современников. Аналогичные высказывания встречаются и в тексте монографии о хорватах, где «чистое» славянофильство отделяется от славянофильства «переродившегося», утратившего прежние ценности, и осуждаются славянофильские «шаблонные суждения» о славянах-католиках. В свою очередь, в пользу авторства Филиппова может свидетельствовать его в целом критическое отношение к славянофильскому течению как таковому, но при этом одобрение деятельности отдельных его представителей.

Отношение к сербам, выраженное в отдельных публикациях и Геруца, и Филиппова, наиболее ярко демонстрирует различие в их позициях. Филиппов восхваля-

ет героические качества, присущие сербскому народу и восхищается Сербией, в то время как Геруц же высказывается по этому поводу скорее как сторонник хорватской государственной идеи, указывая на экспансионистскую политику Сербии и на деструктивную роль сербов, проживающих в Хорватии. Очевидно идейное сходство этих положений Геруца с утверждениями о «великосербских притязаниях» на Боснию и Герцеговину и Македонию, и о сербских депутатах хорватского парламента, встречающиеся в тексте монографии.

Таким образом, основываясь на результатах сравнительного анализа выдержек из статей Филиппова и Геруца, а также текста самой монографии, можно утверждать, что позиция хорватского публициста имеет больше сходства с основными идеями монографии «Хорваты и борьба их с Австрией», нежели позиция русского ученого Филиппова. Мог ли Филиппов, авторство которого кажется очевидным многим отечественным исследователям, быть автором фундаментального труда, если учесть, что в его других произведениях хорватская тема вообще не затрагивается?

Что же касается второго автора монографии, которым, по утверждению М. Гросс, являлся Марко Дошен, то в пользу его авторства свидетельствует хотя бы его псевдоним – как инициалы «М.Д.», так и приставка «Билайградский». Дошен псевдонимом фактически указал на свое происхождение⁴. Косвенно в пользу его причастности к написанию монографии говорят и приводимые в хорватских справочных изданиях сведения о партийном задании, с которым он отправился в Россию. Возможно, одной из целей этого задания и было установление контактов с Геруцем и Филипповым и совместное написание и издание такой монографии. Судя по всему, именно Крунослав Геруц и Марко Дошен, привлеченные к участию М.М. Филиппова, и являются авторами монографии. Об этом, как было показано, свидетельствуют следующие факты:

1) Геруц и Дошен были активистами Партии права, и во многих работах Геруца затрагивается тематика, присутствующая и в монографии, тогда как в работах Филиппова ее нет;

2) цитаты из частного письма Старчевича и тексты выступлений лидеров Партии права, приведенные в монографии «Хорваты и борьба их с Австрией», подтверждают, что авторы книги имеют отношение к правашскому движению;

3) в текстах Геруца и в тексте монографии прослеживается одинаково позитивное отношение к деятельности Партии права и ее лидеров;

4) позиция Геруца по отношению к сербскому народу, в отличие от позиции Филиппова, совпадает с той, что представлена в монографии.

Возникает вопрос – с какой целью было осуществлено издание этой монографии, в которой сведения научно-исторического характера тесно переплетены с пропагандистско-публицистическими? Следует учесть, что Партия права и ее лидеры в последней трети XIX в., особенно после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., стали рассматривать Россию как возможную союзницу в борьбе с монархией Габсбургов. К 1886 г. относятся слова депутата от Партии права Э. Барчича, воскликнувшего на заседании сабора, что свобода Хорватии и остальных славян настанет после того, как «копыто казачьего коня процокает по венской мостовой» [18. С. 199]. С другой стороны, русско-австрийские отношения, и раньше никогда не отличавшиеся бесконфликтностью, именно в середине 1880-х годов резко обострились из-за разногласий на Балканах. Можно предположить, что правашская верхушка попыталась воспользоваться сложившейся ситуацией и с помощью

⁴Билай (Bilaj или Bilaj-grad, т.е. «город Билай») – небольшое поселение в Лике, ныне часть г. Госпич, центра хорватской жупании Лика-Сень. Фамилия «Дошен» весьма распространена в этой области, бывшей тогда частью Военной Границы. Известно о полном тезке и однофамильце коллеги Геруца, генерале Марко Дошене Билайградском, воевавшем в 1848–1849 гг. в Италии и Венгрии, и о нескольких граничарских офицерах, носивших фамилию Дошен Билайградский – Лавославе и Антуне [17].

своих доверенных лиц в России издать монографию, которая могла бы ознакомить русского читателя с идеями Партии права, представленных в самом позитивном свете и, таким образом, вызвать у русского читателя симпатию по отношению к правашским идеям. Видимо, и Геруц, и Дошен не хотели афишировать свое авторство, возможно, по требованию кого-то из правашских лидеров, дабы никто не заподозрил их в пропагандистских намерениях (именно поэтому Дошен «ничего не мог ответить» Половинкину на вопрос о том, кто такой Билайградский), и скрылись под псевдонимами. Вероятно, расчет делался и на то, что в образованных кругах России все воспримут как должное выход этой монографии именно под именем Филиппова, к тому времени известного как разносторонний автор, опубликовавший множество работ на самые разные темы, в том числе и касающиеся истории и культуры славян.

Но вне зависимости от того, с какой целью была издана монография и кто стал ее подлинными авторами, нет сомнения, что «Хорваты и борьба их с Австрией» – талантливое произведение, во многом оказавшее влияние и на развитие отечественной кroatистики, а определение ее авторства есть, по сути, определение места этой книги в истории хорватско-русских связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филиппов Б.М.* Тернистый путь. Жизнь и деятельность русского ученого и литератора М.М. Филиппова. М., 1969.
2. *Gross M.* Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000.
3. *Matković St.* Čista stranka prava 1895–1903. Zagreb, 2001.
4. Hrvatska enciklopedija. Zagreb, 1945. Sv. 5.
5. Hrvatska enciklopedija. Zagreb, 2001. Sv. 3.
6. *Филиппов М.М.* Хорваты и борьба их с Австрией. Пг. (здесь и далее так на титуле), 1890.
7. *Филиппов М.М.* Славянская взаимность в настоящем и будущем // Славянские известия, 1889. № 1–2; *Филиппов М.М.* Греко-болгарский церковный вопрос // Славянские известия. 1889. № 18; *Филиппов М.М.* Чешский народный театр (у западных славян) // Славянские известия. 1889. № 27; *Филиппов М.М.* Славянское искусство и славянская промышленность на Парижской выставке // Славянские известия. 1889. № 29; *Филиппов М.М.* Ян Гус. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1891.
8. *Геруц К.Ю.* Червоная Хорватия // Славянские известия. 1891. № 7; *Геруц К.Ю.* Слово к русским и слово к славянам // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 25 I (7 II); *Геруц К.Ю.* Две беседы о «Русском Зерне» – обществе для содействия подъему народного хозяйства. Пг., 1909; *Геруц К.Ю.* О Думской библиотеке. Несколько слов о задачах и об устройстве библиотеки Государственной Думы. Пг., 1909; *Геруц К.Ю.* Всеславянство и Хорватия. Пг., 1914.
9. *Дудзинская Е.А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.
10. Славянские известия. 1890. № 26.
11. *Филиппов М.М.* Славянская взаимность в настоящем и будущем // Славянские известия. 1889. № 1–2.
12. *Геруц К.* Слово к русским и слово к славянам // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 25 I (7 II).
13. *Филиппов М.М.* Скобелев. СПб., 1894.
14. *Филиппов М.М.* Славянское искусство и славянская промышленность на Парижской выставке // Славянские известия. 1889. № 29.
15. *Геруц К.* Червоная Хорватия // Славянские известия. 1891. № 7.
16. *Геруц К.* Всеславянство и Хорватия. Пг., 1914.
17. *Visoki oficiri Ličani.* Lički zbornik 1940. Godina 81–86. Gospić, 1939.
18. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб., 2001.

© 2011 г. В.В. МИТРОФАНОВ

ИЗЫСКАНИЯ С.Ф. ПЛАТОНОВА ПО ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКИХ ГОРОДОВ

В статье раскрывается одно из направлений в творчестве С.Ф. Платонова – история древних русских городов. Впервые публикуется неизвестный отзыв С.Ф. Платонова на труды Ф.И. Зубарева, представленный автором в Русское военно-историческое общество для соискания знака общества.

The article explores an important composite part in the legacy of Serguei F. Platonov, namely his research on the history of medieval Russian towns. Combining the written sources, analysed in a comparative perspective, with the archeological ones, the historian came to well-grounded and original conclusions. Platonov's unknown comments on F.I. Zubarev's work, which were nominated for the Russian Military-Historical Society Award, are being published here for the first time.

Ключевые слова: Москва, Новгород, Кола, Старая Русса, Смоленский кремль, летописные источники, археология.

История древних русских городов, политических центров российской государственности, была предметом исследования выдающегося отечественного историка С.Ф. Платонова. Эта сторона его творческого наследия, хотя имеет важное значение для выяснения основных направлений научных предпочтений ученого, до сих пор не нашла своего освещения в литературе.

Рассматривая историю возникновения Новгорода Великого, С.Ф. Платонов, отмечал, что время его возникновения неизвестно, а вопрос этот «очень темен», но в IX в. город «уже достиг большой влиятельности и силы», предположил, что его концы «были отдельными самостоятельными слободами» [1. С. 131]. При этом С.Ф. Платонов утверждал, что название города происходит от слова «новый», т.е. по отношению к своему предшественнику – Старой Руссе.

Важные наблюдения были высказаны С.Ф. Платоновым по вопросу возникновения Москвы в ходе обсуждения известного доклада И. Е. Забелина на VIII Археологическом съезде, проходившем в Москве (1890). Выступая в прениях, С.Ф. Платонов показал себя прекрасным знатоком древних летописей, просил докладчика разъяснить, как он выразился, два недоразумения. «Во-первых, И.Е. Забелин, приводя первое летописное известие о Москве (за 1147 г.), употребляет форму “Москова”, между тем только в основном списке Ипатьевской летописи читаем “в Москву”, и то поправлено “в Москов”, в остальных имеется последняя форма. Не есть ли это прилагательная форма, и в таком случае, не разумеется ли здесь не город, а вотчина княжеская? И что касается города Москвы, основание его следует отодвинуть до 1156 г., до известия Тверской летописи: “Того же лета

Митрофанов Виктор Владимирович – канд. ист. наук, доцент филиала Южно-Уральского государственного университета (г. Нижневартовск).

князь Юрий Володимирич заложил град Москву на ... ниже Неглинны, выше реки Ауза”», – так рассуждал заинтересованный исследователь. По второму «недоразумению» С.Ф. Платонов просил И.Е. Забелина высказать свое мнение относительно степени достоверности последнего известия [2. С. 50]. Вопросы, поднятые во время обсуждения доклада московского историка, продолжали волновать С.Ф. Платонова и после окончания съезда. Вскоре он изложил свои мысли по этому вопросу в специальной работе [3. С. 57–63]. Кроме того, о летописных известиях о начале Москвы С.Ф. Платонов выступал в Отделе русской и славянской археологии Русского археологического общества в 1889 г. [4. С. 56], где касался причин возникновения Москвы. Как отмечается в статье, И.Е. Забелин склонен предполагать, что «исторически г. Москва возник, благодаря условиям экономического характера. Создали его торговое движение по речным путям и желание князя наблюдать за ними». С этим аргументом С.Ф. Платонов вполне согласен («трудно спорить против этого довода»). В то же время он обращает внимание на другие летописные известия, из которых И.Е. Забелину известны всего два (по крайней мере, он ссылается только на них). Важно заметить, что С.Ф. Платонов не оспаривает в целом выводы И.Е. Забелина, но, анализируя летописные сведения, приходит «к определенному впечатлению», которое не «согласовывается с выводами» историка Москвы. Кроме экономической причины основания города, он, ссылаясь на письменные источники, указывает на очень существенную – военную составляющую. Исходя из этого, С.Ф. Платонов называет еще одну цель закладки города – обороны с юга [3. С. 58, 63]. Таким образом, анализ известных письменных данных о постройке Москвы раскрывает все причины «начала Москвы».

С.Ф. Платонов подмечал частности, которые необходимы для характеристики отдельно взятого вопроса, например, в отзыве на учебник И.И. Белляринова «Элементарный курс русской истории». Он обратил внимание на то, что автор внес в текст сведения «о топографии древней Москвы», которые выходят за рамки программы. Здесь же указана важная неточность: «На плане Москвы немецкая слобода показана по течению р. Яузы ниже, чем она действительно была расположена» [5. Л. 1, 7].

Обращался С.Ф. Платонов и к проблемам возникновения северных городов. В статье «Начало русских поселений на Мурмане» С.Ф. Платонов писал, что в договорных грамотах новгородцев и тверских князей Кола упомянута «однажды» и то «в редакции несколько сомнительной (“Заволоцье Коло Перемь Тре”» [6. С. 1–10]. И.П. Шаскольский говорил о сомнениях исследователя по поводу отождествления «Колоперемь» с Колой [7. С. 271–272]. Под «Тре» ученый понимал Терский берег. Этим вопросом специально занимался ученик С.Ф. Платонова А.В. Тищенко, выполнивший исследование «К истории Колы и Печенги в XVI в. Несколько слов о роли Колы в торговле Русского Севера в XVI в.» [8. С. 1–42]. «Развитие торговли превратило селение Колу, насчитывавшее три дома, в городок с гостиным двором и “острогом” и “получило известность” под названием Колы-Малмиюса (Malmuss)», – пишет С.Ф. Платонов. Значение Колы быстро менялось: если вначале она находилась «в ведении царских “даньщиков”, живших в Кандалакше», то в 1582 г. туда был послан «воевода Аверкий Иванович Палицын». К его воеводству исследователь относит строительство гостиного двора и установку казенных весов. С новым воеводой М.Ф. Судимантовым, прибывшим в 1583 г., связывается оборудование гавани и строительство острога. В результате Кола превратилась в крупный торговый центр на Мурмане. Однако, вскоре внешнеполитические обстоятельства привели к закрытию торгового центра. «А в Коле-волости государь наш торговым людям некоторых земель никакими большими товара торговати не велел», – объявил воевода Колы Г.Б. Васильчиков датчанам. С.Ф. Платонов отмечает, что «быстро расцветавшее оживление Колы-волости столь же быстро сменилось “захуданием”», с 1590 г. Кола уже лишь пограничная крепость [6. С. 5, 7, 9, 10].

В указанной статье С.Ф. Платонов говорит о возникновении «начальных Мурманских поселений». К ним он относит «сравнительно людные крестьянские волости – Варгуза (с 124 дворами) Умбу, Порья-губу, Кандалакшу». Их появление он относит к XVI в. и связывает с «энергичной колонизационной волной».

Следовательно, ученый одним из первых заинтересовался историей возникновения, расцвета и угасания интереснейшего северного города. Совершенно прав И.П. Шаскольский, когда в начале 1960-х годов называл С.Ф. Платонова «единственным серьезным исследователем» вопроса об основании Колы [7. С. 271–272; 9. С. 32].

Касаясь проблемы происхождения другого древнейшего города на северо-западе Руси – Старой Руссы – С.Ф. Платонов не только поддержал заключение А.А. Шахматова по вопросу его основания, но и подкрепил его «некоторыми дополнительными соображениями», вытекающими из интерпретации одного арабского документа (хотя, по мнению В.Н. Бернадского, это наблюдение «нельзя назвать сколько-нибудь убедительным»). А Иван-погост, упоминаемый в уставной грамоте князя Святослава Ольговича (1138 г.), С.Ф. Платонов связывал с посадом Ивановским [10. С. 135; 9. С. 32].

Таким образом, занимаясь проблемами истории русских городов, С.Ф. Платонов среди основных источников привлекал, прежде всего, летописные.

Готовясь к первому областному Археологическому съезду в г. Ярославле, С.Ф. Платонов подготовил доклад [11. С. 84–87], который «позволяет увидеть в известном историке заинтересованного археолога» [12. С. 42–52] древних русских городов. Анализ писцовых книг и материалов «следственного дела» 1591 г. привел исследователя к «неутешительным результатам»: «Топографию Угличского кремля надо считать потерянной». Вследствие данного обстоятельства С.Ф. Платонов призывал правильно «поставить раскопки» в древнем городе. Для полной ясности проблем истории древнего города исследователь привлекал наряду с письменными и археологические сведения, что было новаторством в его творческой лаборатории.

С.Ф. Платонова заинтересовали документы, принадлежавшие Казанской духовной академии, в частности, копии старинных документов о строительстве Смоленского кремля, которые он рассматривал, как «имеющих несомненный интерес» (два документа из четырех не были опубликованы) и поэтому «заслуживают внимания и издания». «Подлинное дело о строении города Смоленска» С.Ф. Платонов предложил опубликовать в периодическом издании Смоленской губернской ученой архивной комиссии. Исследователем была проведена сверка напечатанных материалов с оригиналом. Отличия были «ничтожными», однако, в своей редакции он посчитал «нужным» сделать «некоторые исправления», о чем говорилось в предисловии к документу [13. С. 21–28].

В настоящее время довольно большая часть творческого наследия С.Ф. Платонова, в частности, многочисленные отзывы и рецензии на книги, учебные пособия, учебники, хрестоматии остается неопубликованной [14. С. 153–157; 15. С. 169–173]. Этот богатый источник для написания объективной научной биографии ученого все чаще привлекает внимание исследователей [16. С. 339–341]. Авторитетный столичный ученый был хорошо известен в отдаленных провинциальных местах через связи с архивными комиссиями и научно-историческими обществами. Важным способом взаимодействия с местными краеведами, историками, археологами было написание отзывов на их труды для оказания протекции, рекомендации их в печать [17. С. 92] (например, С.Ф. Платонов активно поддерживая псковских краеведов, организовал публикацию работ Ф.А. Ушакова в «Записках императорского Русского археологического общества») и приобретения ученическими библиотеками. В конечном итоге книги по местной истории, количество которых было незначительное, должны были способствовать воспитанию патриотических чувств к малой родине и в целом к отечеству.

Известные специальные работы по истории Ярославля и Смоленска сегодня можно дополнить новыми, они представлены в виде отзывов. Мы сошлемся на касающиеся истории небольших российских городов – Старицы и Вязьмы. Судьба их была трагичной, что связано с борьбой московских князей с тверскими и ослаблением Московского государства. Вязьма перешла под владычество сильного соседа – Литвы. Один отзыв находится в письме Д.А. Скалону [18. С. 108]. По его просьбе С.Ф. Платонов дал оценку «археологическим и историческим трудам» Ф.И. Зубарева («Город Старица и Вознесенский монастырь», «Русские городища и города», «Деревянные, кирпичные и глинобитные сооружения в Старицком кремле»), представленных на соискание знака Русского военно-исторического общества (заметим, что история древних монастырей г. Старицы остается в центре внимания и современных исследователей, свидетельством этому является доклад Е.Л. Хворостовой, А.Н. Хохлова и А.Б. Сиволаповой «Успенский монастырь в г. Старице на Верхней Волге по данным археологических исследований 2004–2007 гг.», представленный на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде, проходившем в Суздале 20–25 октября 2008 г.). Военный министр, признавая важность патриотической и научной работы общества, учредил знак общества двух степеней достоинства (золотой и серебряный). Золотой знак ручной работы стоил 80 руб., штампованный – 60 руб., бронзовый золоченый – 12 руб.

Второй отзыв был написан по заданию Ученого комитета и опубликован без подписи [19. С. 206].

Следовательно, история политических и культурных центров древнерусских земель, городов, оставивших заметный след в нашей истории, является для С.Ф. Платонова важным направлением исследовательского поиска. Ему принадлежат исследования по этим вопросам, их он касался в монографических трудах, специальных работах, а также в ряде отзывов, написанных на книги. Следует отметить, что С.Ф. Платонов при изучении истории древних городов, привлекая многочисленные письменные источники, склонен был видеть в археологических изысканиях важное средство получения достоверной информации. Системный анализ письменных известий, подкрепленных археологическими данными, способствовал получению достоверных выводов и оригинальных научно обоснованных умозаключений. Отзывы важны для иллюстрации направлений исследовательской деятельности ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. В 2-х ч. СПб., 1994. Ч.1.
2. Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890. М., 1897. Т. 4.
3. Платонов С.Ф. О начале Москвы (заметки по поводу доклада И.Е. Забелина на VIII Археологическом съезде в Москве) // Библиограф. 1890. № 5–6.
4. Императорское русское археологическое общество к 1 января 1890 года: Отчет секретаря В.Г. Дружинина // Журнал Министерства Народного просвещения. 1891. № 8.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1379. Л. 1, 7.
6. Платонов С.Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. М., 1923.
7. Шаскольский И.П. О возникновении города Колы // Исторические записки. М., 1962. Т. 71.
8. Тищенко А.В. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.
9. Платонов С.Ф., Андреев А.И. Очерк «Новгородская колонизация Севера» // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922.
10. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.
11. Платонов С. Ф. О топографии Угличского «Кремля» в XVI–XVII вв. // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902.
12. Митрофанов В.В. О роли С. Ф. Платонова в организации областных Археологических съездов // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2007. Вып. X.
13. Платонов С.Ф. Подлинное дело о строении города Смоленска // Смоленская старина. 1911. Вып. 1. Ч. II.

14. *Митрофанов В.В.* Об одной неопубликованной работе С.Ф. Платонова по истории Великого Новгорода // Региональные модели исторического общего и профессионального образования: Восьмые всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2004. Ч. 1.
15. *Митрофанов В.В.* Отзыв С.Ф. Платонова о книге по истории Казани // Социально-экономические проблемы регионального развития в условиях глобализации / Доклады и сообщения региональной научно-практической конференции (Нижевартовск, 16 мая 2007 года). Нижевартовск, 2008.
16. *Платонов С.Ф.* Об историках: Приветствие А.Я. Ефименко (1910), Отзыв о научной работе М.И. Смирнова / Публ., подг. и вступ. слово С.О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995.
17. *Митрофанов В.В.* Научно-краеведческая и просветительская деятельность С.Ф. Платонова в Псковском крае // Россия в XVI–XX вв.: проблемы истории, историографии, источниковедения: Материалы всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 28 февраля 2007 года). Нижевартовск, 2008.
18. *Митрофанов В.В.* Формы сотрудничества С.Ф. Платонова с Русским военно-историческим обществом // Наука, экономика, право в регионах России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижевартовск, 24 апреля 2008 г.). Нижевартовск, 2008.
19. *Платонов С.Ф.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII века (включительно). М., 1890 // Журнал Министерства Народного просвещения. 1891. № 5–6. С. 206. (Не указана в списках трудов С.Ф. Платонова).

С.Ф. Платонов Д.А. Скалону¹. 1915 г.

Милостивый государь, Дмитрий Антонович! Прошу великодушно извинить меня в том, что я вследствие служебных дел, а в апреле и вследствие серьезной болезни невольно задержал ответ на Ваше письмо от 14 марта с. г.

Я ознакомился с возвращаемыми при сем археологическими и историческими трудами Ф.И. Зубарева²: а) «Город Старица и Вознесенский монастырь» (1914); б) «Русские городища и города» (1914); в) «Деревянные, кирпичные и глинобитные сооружения в Старицком кремле» (рукопись) и г) «Опыт исторического исследования законов развития специально колющего оружия» (1900). Из этих трудов лишь первые три согласно письму Вашему надлежит почитать представленными для соискания знака Императорского Военно-исторического общества³.

Посему четвертого труда г. Зубарева я в дальнейшем касаться не буду, хотя по характеру темы, обширности материала и широты исполнения он далеко превосходит прочие труды.

Три труда г. Зубарева, подлежащие оценке, относятся к истории города Старицы и его укреплений. Они представляют собою попытку связать историко-археологическое изучение одного военного пункта нашей русской территории с общей историей древнерусских строений и, осветив смысл частного явления общей схемой, в то же время в самом частном случае найти поясняющую иллюстрацию для общей схемы. Именно это стремление к высотам научного обобщения и выделяют этюды г. Зубарева о Старице [из] определенного ряда простых археологических описаний старых городов и монастырей.

Что касается до обычного археологически-описательного элемента в трудах г. Зубарева, то он исполнен хорошо: старательно и толково с любопытными пояснительными чертежами и рисунками и с привлечением архивного материала, собранного и впервые изданного автором. Объяснения городских Старицких укреплений, даваемые военным специалистом, приобретают всю силу убедительности и наглядности. Имея в руках книжку «Город Старица» можно отлично усвоить себе все, что необходимо археологу и туристу знать о данной местности. Иначе несколько следует относиться к попыткам автора от изучения Старицкого района выходить немедленно же к построениям по истории древнерусской стратегии. «Высокий городок» Старица «от единых малых град» (как называли его люди XVII века) – явно переоценивается автором с точки зрения военно-исторической. Для нашей военной истории сделано вообще очень мало и в этой области надлежит посему быть очень осторожным, иначе можно счесть известным неизвестное и поверить невероятному. Вот такой-то осторожности и нет у г. Зубарева, он решается определенно говорить об «элементах древней стратегии», о которой мы не знаем пока ничего точно: г. Зубареву нравится как стратег Дмитрий Донской, но вескими данными для скольконибудь вероятной характеристики его стратегии по видимому автор не располагает (стр. 91–92).

г. Зубарев опорочивает новгородские походы Ивана III⁶, но, по-видимому, похода 1471 он вовсе не понимает (стр. 93); г. Зубарев считает «г. Дмитров на Яхроме»⁷ лишенным стратегического значения (стр. 94), но, по-видимому, не учитывает его важного значения в 1608–1610 годах⁸. И таковых решительных, но сомнительных мнений и оценок насчитано довольно в трудах г. Зубарева. Поэтому вся его попытка дать «древнерусскую стратегию в связи с историко-архитектурным очерком» есть только остроумный опыт произвольной комбинации малых оснований для большого вывода. Главная же мысль этого опыта является простым парадоксом («русского городища», стр. 52), кто серьезно будет о Древней Руси доказывать, что «общественная жизнь того времени была подобно городу поделенному на части: царь и его двор (кремль); бояре и весь служилый класс со всеми их вотчинами, а равно и церковные люди (средний город) и, наконец, люди тяглые, черные (посады)»? Найдя в Старице «кремль», «средний город» и «посад» автор готов находить их повсюду в нашей древности. Даже там где топографических терминов и быть не может. Так мало методической строгости в его мышлении!

Однако, не увлекаясь бойкостью авторитетных обобщений можно от души похвалить его внимание к деталям предмета и усердие в деле его изучения – Старица изучена очень хорошо и описана интересно. Автор, во всяком случае мог выступить со своими трудами на соискание знака Императорского Военно-исторического общества. Я не могу только судить о том, по какому параграфу Положения (2-му или 4-му) надлежит присудить г. Зубареву этот знак. Примите уверение в совершенном почтении и отличной преданности.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1901. Л. 1–4.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скалон Дмитрий Антонович (1840–1918) – генерал-лейтенант, председатель совета, председатель третьего разряда полковых и корабельных историй Русского военно-исторического общества.

² Зубарев Ф.И. – старицкий краевед, член Русского военно-исторического общества.

³ Город Старица основан в 1297 г. как крепость Новый городок (также Городок на Старице, Высокий Городок).

⁴ Вознесенский монастырь в г. Старице по преданию был основан Иваном Грозным.

⁵ Императорское Русское военно-историческое общество функционировало в 1907–1914 гг.

⁶ Иван III совершил походы в Новгород в 1471 и 1478 гг.

⁷ Город Дмитров основан в 1154 г. Юрием Долгоруким, назван по второму (христианскому) имени сына Дмитрия (будущего князя Всеволода Большое Гнездо).

⁸ Во время Смуты под Дмитровым, Торжком и Тверью М.В. Скопин-Шуйский в 1606 г. разбил тушинские отряды, что способствовало освобождению поволжских городов и снятию осады с Москвы и Троице-Сергеевой лавры.

21–23 сентября 2010 г. в Институте славяноведения РАН прошла Международная научная конференция «Концепт вещи в славянской культуре», организованная отделом истории культуры славянских народов (Грант РФФИ № 08-06-00246а). Представляем сообщения участников конференции, посвященные некоторым аспектам взаимодействия визуального и вербального нарратива в тексте славянской культуры.

© 2011 г. Н.В. ЗЛЫДНЕВА

РАССКАЗ ВЕЩЕЙ В КАРТИНЕ ГЕОРГИЯ РУБЛЕВА «ПИСЬМО ИЗ КИЕВА»

В позднем советском авангарде конца 1920-х годов возникают скрытые планы повествования, требующие многослойного анализа текста. Таков натюрморт Георгия Рублева «Письмо из Киева» (1930, ГТГ, масло/холст).

Композиция загадочна и напоминает пиктограмму: ножницы, катушка красных ниток, чашка, три лимона, печатная брошюра под заголовком «Политдоклад Сталина 27 июня 1930» и письмо с адресом «Москва Егору Рублеву из Киева» разложены на круглом столе подобно экспонатам в музейной витрине. Начало непрерывности (иероглифичность) сочетается здесь с дискретным началом (дробный ритм, алфавитное письмо). Эта двойственность референции определяет и двоение смыслов представленного на картине.

Набор разнородных вещей образует несколько парадигм. Рука (ножницы и моток ниток), рот (чашка), глаза (письмо), голос (доклад), пищеварение (фрукты) отсылают к антропологическому началу. Сочетание телесного и ментального создает энантиоморфное изображение, в котором знаки материальной телесности одновременно отмечают и противоположный им символический план. Так, парадигма *ножницы + письмо* реализует не только утилитарное значение (письмо разрезают ножницами), но выступает и как знак утраты и тоски по ушедшему. Дата лежащего на столе политдоклада совпадает с реальным историческим событием – XVI съездом ВКП(б), одновременным со временем создания картины, чем все повествование помещается в режим реального времени и акцентируется как сугубо актуальное и патетически позитивное. Между тем в связке *ножницы + доклад* метафорически представлена генеральная линия партии, направленная на перекройку страны и мира: речь Сталина на съезде коллективизации построена на жестких противопоставлениях (*мы – они* как *рост и прогресс versus упадок и стагнация*) и соответствует суровому развороту истории.

Рукописные фрагменты описывают полноту пространственно-временных координат: два значимых топонима (Киев, Москва), точечное время (27 июня 1930 г.) и два имени собственных, из которых одно – имя вождя, т.е. нарицательное. Киев, наряду со сниженным Егор, является указанием на речевую природу этой картины как изобразительного «высказывания» (ср. использование Киева в просторечных фразеологизмах). Изображение можно уподобить устной речи и по признаку примитивистского стиля композиции: в эти годы Г. Рублев был увлечен творчеством «наивного» грузинского художника Нико Пиросмани.

Вынесенное в название картины письмо адресовано автору, оно является знаком акта автокоммуникации. Это центральный «персонаж», от лица которого ведется повествование. Все изображение целиком представляет собой рассказ от первого лица (Ich-Erzählung), нечто вроде сказа в литературе, выраженного средствами фигуративной живописи. Автоадресованность письма – наряду с актуальностью доклада – знак присутствия рассказчика.

Выстроенность композиции как речи и акцентированность субъекта повествования позволяют рассмотреть данный визуальный нарратив как иллюкутивный акт, приобщающий зрителя к событию, одновременному рассказу. Но хотя в рассказе акцентировано настоящее, коммуникативный жест направлен в прошлое и будущее, отмеченное модальностью призыва. Между тем гротескно-зловещая стилистика изображения не соответствует семантике представленного и требует прочтения этого послания за пределами полотна и с учетом авторского контекста. Последний находим в картине Рублева «Сталин, читающий газету Правда» (1933, ГТГ, холст/масло): в гротескно выделяющихся на красном фоне полотна черных бровях, глазах и усах главного персонажа можно усмотреть сходство с конфигурацией ножниц в натюрморте. В натюрморте перед нами анаграмма портрета Сталина.

Соединение колюще-режущего инструмента с именем-лицом Сталина трансформирует послание: иллюкутивный акт эго-текста повествователя становится одновременно и актом перлюкутивным – актом-предостережением. Тем самым настоящее оказывается черной дырой – знаком катастрофы, сам рассказ – инверсированным автопортретом времени, а анаграмма – эго-документом, обращенным автором к самому себе.

© 2011 г. *М.В. ЛЕСКИНЕН*

МАТЕРИАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одним из первых масштабных научных проектов, представивших европейской и российской элите этнокультурное разнообразие России, стал труд И.Г. Георги «Описание народов Империи» (первое издание – 1776–1780 гг.) с гравюрами Нюрнбергского художника Х. Рота, работавшего в России. Эти изображения племен и народов были так называемыми костюмами. На первом месте в вербальном и визуальном нарративах находились одежда и те предметы, которые непосредственно относились к костюму – например украшения. На рисунках помещались еще и атрибуты, призванные обозначить виды хозяйственной деятельности – но только в изображениях мужчин, женщины представляли лишь одяние. Антропологические различия были нивелированы: в ту эпоху их как бы «не видели»; отсутствует на них и фон – нет даже условного обозначения природного ландшафта, жилища и т.п. Материальные атрибуты в гравюрах занимают первое место, поскольку передать другие отличительные особенности этноса (такие, как язык, характер) можно было лишь словесно. Одежда – наиболее архаичный и самый устойчивый признак идентификации человека, его социальной роли и этноязыковой принадлежности, прежде всего занимала потенциальных читателей и зрителей Георги.

Новым этапом визуальных этнографических репрезентаций стал альбом «Народы России» (Париж, 1812–1813 гг.) К. Рехберга, для которого делал рисунки и гравюры русский художник Е. Корнеев во время своих путешествий по стране. На них представлены разных народов изображены по-новому: во-первых, даны элементы культурного и природного ландшафта; во-вторых, персонажи имеют индивидуальные черты и являются участниками жанровых сценок, призванных продемонстрировать повседневный быт и обряды. Помимо детально выписанной одежды, на картинках присутствуют предметы утвари, домашней обстановки,

фрагменты жилища. Важной особенностью является очевидный сегодня диссонанс между относительно реалистичным изображением неславянских народов и более чем условными образами великорусов. Именно в них этнографическая точность во многом утрачена: персонажи многофигурных картин выглядят как актеры театральной постановки на античную тему. Это было обусловлено не только отсутствием традиции визуализации русских, но и принципиальной нерешенностью вопроса о сущности «русскости» как таковой, ведь интерес к этим проблемам возникает лишь в 1820–1830-е годы.

В 1840–1850-е годы в русской беллетристике под французским влиянием весьма популярным становится жанр так называемых физиологий или типов, задачей которых было изображение быта и нравов разных сословий и профессиональных групп, осуществляемое непременно «с натуры». В связи с ним возникают теоретические проблемы: а) способов воплощения в литературе типов и типичного и б) различия методов натурализма и реализма, повлиявшие на этнографические концепции того времени. В иллюстрациях к «физиологиям» вопрос о способах и процедуре типизации также занял важное место. Так, рисунки и гравюры, созданные под руководством российского художника В. Тимма для сборника «Наши, списанные с натуры русскими» (под ред. Н. Некрасова. СПб., 1843), демонстрируют общее с текстом стремление представить не конкретный, а обобщенный социальный образ – реже этнический (когда, например, профессиональная специализация совпадала с этнической принадлежностью). Важным требованием стала узнаваемость. Тиммовские типы создавались в соответствии с популярными в конце XVIII – первой половине XIX в. идеями физиогномики, восходящими еще к трудам Лафатера. Распространяя ее принципы на образы конкретных представителей общностей, писатели и художники обнаруживали в выражении лица, фигурах, позах и жестах характерные социальные и этнические отличия. На первом месте находились приметы социальности, потому одежда, как правило, выбиралась не праздничная, а повседневная; а на рисунке помещались главные вещественные атрибуты профессии или специализации, домашняя утварь не интересовала типистов. Будучи перенесенным на изображение типов, прямолинейно трактуемый принцип изоморфности делал ненужными дополнительные детали: достаточно было тщательно прорисовать особенности лица, позы и одежды, акцентируя цветовую гамму, и указать на главные приметы хозяйственной деятельности, но не домашнего обихода. В подписи к иллюстрации обязательной стала точная фиксация региона, губернии и рода занятий.

В 1862 г. в Санкт-Петербурге издан роскошный альбом Г.Т. Паули «Этнографическое описание народов России» (с комментариями на трех языках). Все рисунки для него были сделаны с натуры, а тексты писали ученые-этнографы. В этом фолианте нашли отражение характерные черты и принципы российского этнографического описания 1860-х годов, которые сложились в связи с разработкой категории «народность». Особенности заключались, во-первых, в преобладании исследовательского интереса к так называемой духовной культуре, общественному и нравственному быту (т.е. к языку, фольклору, обычному праву, институту общины и т.д.) – в ущерб изучению материальной культуры. Во-вторых, наличие идеализации носителя этничности: крестьянство объявлялось обладателем не только типичных свойств своего этноса, но и хранителем архаических форм культуры, «чистых» физических черт, а также неизменных патриархальных и христианских добродетелей. Поэтому в книге Паули больше, чем ранее, изображений русских (т.е. восточных славян). Жанровые сцены уже мало интересуют художника – зрительское внимание обращается к одухотворенным и идеализированным лицам, а в одежде и весьма малочисленных вещественных атрибутах заметна тенденция к представлению типично-обобщенного как конструкта. Поэтому великорус центральных губерний облачен в красную рубаху навыпуск и держит балалайку, финн «получает» неизменную и далее трубку, поляк – конфеде-

ратку. Но без подписи трудно определить этническую принадлежность объекта. Несмотря на некоторую условность, в рисунках Паули заметно совмещение прежних принципов изображения социальных типов с новым стремлением передать антропологические особенности лиц.

Теоретическая разработка концепции типа воплотилась, таким образом, и в способах визуального конструирования этнического. Материальные приметы, приписываемые до того многим народам, теперь «закрепляются» за одним или несколькими, они связаны не с конкретно-реалистическими, а обобщенно-собирательными образами-типами этносов и их региональных вариаций; однако вещественные атрибуты, как и редкие элементы пейзажа, постройки и одежда, являются результатом конструирования. Оно работает на складывание узнаваемого образа, и потому каждая вещь и деталь одежды призваны стать *знаком* этноса. Научный статус предмета как признака и маркера этничности совершенно не совпадает и может быть никак не связан с его ролью, ценностью и значением в традиционной культуре. Так в ходе установления методов идентификации вещь лишается своей утилитарной функции, приобретая черты знака. Будучи лишь следствием одной из интерпретаций образа «другого», данная кодификация присваивает себе не только «объективно научную» истину, но и вторгается в область представлений о «другом» в традиционной картине мира.

В полном смысле слова «научные» этнографические изображения этносов Империи были созданы к Первой этнографической выставке 1867 г. в Москве (более 300 экспонатов-манекенов, выполненных по фотографиям, рисункам и скульптурам реальных людей). 1860-е годы – начало формирования антропологии, поиски расового типа и полемика о научных методах определения этнической типичного. Одежда остается главным признаком и приметой этнической принадлежности, но теперь становится важным не обобщенный образ, а, напротив, все вариации обще-этнического: региональное, сословное, профессиональное и географическое разнообразие каждой этнической группы. На выставке впервые отчетливо был сформулирован в качестве научного принцип «реализма», понимаемый как аутентичность, узнаваемость и опознаваемость, как важнейшее средство «объективной» этнической идентификации и главная прагматическая функция этнографического знания.

Таким образом, с эволюционированием представлений об иерархии этнических признаков значимость предметных объектов в процессе идентификации и репрезентации этносов Империи меняется. Главной отличительной приметой остаются одежда и атрибуты хозяйственной деятельности; материальный мир этнической культуры интерпретируется в категории традиции, потому наделяется свойствами такой же неизменности, как и врожденные качества этноса. В своем символическом значении материальные объекты утрачивали первичные значения, конкретно-бытовую и фактографическую точность, становясь конструктом. Наделяя материальный атрибут функцией знака, а затем и символа, механизм научной типизации в конце XIX в. апеллировал не к готовым образцам (как в XVIII в.), не к опыту и впечатлениям наблюдателя (как в первой половине XIX ст.), а к обновленным стандартам этничности и к идее нации.

© 2011 г. *Н.М. ФИЛАТОВА*

КОРОНА В ПОЛЬСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ: РЕАЛИИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

Стать символом может любая вещь, но существуют особые группы вещей, изначально наделяемые мощным символическим значением. К ним относятся символы власти, в том числе королевские регалии – корона, скипетр, держава, а также различные знаки отличия – гербы, ордена и т.д. Все эти вещи впитывают в себя

множество историко-культурных смыслов и активизируют идентификационные механизмы. Настоящее сообщение посвящено одному из эпизодов польской истории, когда корона – основной символ власти в европейской культуре – была мощно задействована в механизмах политической и национальной идентификации, разделении своей и чужой власти, что проявилось на разных уровнях культуры – в обряде, в официальной правительственной риторике, дискурсе власти, в общественном и художественном сознании.

Сначала об обряде. При создании в 1815 г. конституционного Королевства Польского под российским скипетром в польской конституции было записано (§ 45): «Все наши наследники по престолу Царства Польского обязаны короноваться Царями Польскими в столице согласно обряду, который будет нами установлен, и приносить следующую клятву: “Обещаюсь и клянусь перед Богом и Евангелием, что буду сохранять и требовать соблюдения Конституционной Хартии всею Моею властью”» [1. С. 367].

Александр I, придававший большое значение своему статусу польского конституционного короля, отличного от статуса самодержавного российского императора, тем не менее, уклонился от обряда коронации. Однако архивные материалы показывают, что в начале 1820-х годов рассматривалась возможность коронации Александра I в соответствии с польским церемониалом (последней такой коронацией была коронация Станислава Августа Понятовского). По поручению правительственной Комиссии внутренних дел Королевства Польского среди государственных актов Речи Посполитой искали описание церемониала коронации польских королей – однако такой текст не был найден. Тогда же правительство заинтересовалось и судьбами польских корон, хранившихся в сокровищнице на Вавеле. Но эти короны не сохранились, якобы вывезенные пруссаками.

Счел необходимым выполнить этот параграф польской конституции, как ни странно, Николай I. Главным при обсуждении деталей этой церемонии стал вопрос о короне. Некоторые историки считают, что польское правительство просто было материально не в состоянии изготовить новую корону. Тем не менее решающей стала воля самого императора, который проявил в этом вопросе настойчивость: корона в империи и Королевстве Польском должна быть одна и та же в знак вечного соединения королевства с империей. Император ссылаясь при этом на то, что «Королевство Польское навсегда присоединено к Российской империи: в этом основа существующего ныне положения вещей. Монарх один, а потому символ его власти должен быть один для обеих стран. Монарх, пересекая границу, считается королем: корона с прибытием в эту страну, является короной короля; принадлежа империи, она тем самым принадлежит и королевству, поскольку тот, кто говорит об одном из этих объектов, автоматически подразумевает и другой [...] Если бы корона существовала, без сомнения ей должно было бы воспользоваться, но ее не существует» [2. С. 335–336].

12 (24) мая 1829 г. в Королевском замке Варшавы состоялась коронация. Во время этого церемониала была использована корона царицы Анны Иоанновны, которую специально из России вез церемониймейстер польского королевского двора Жабоклицкий. Церемонию освящал примас (глава католического духовенства) Королевства Польского Ян Павел Воронич. Он, прочитав молитву, подал царю порфиру, которую Николай I сам надел на себя, затем, благословив корону, подал ее императору, который и ее надел на себя сам (этот жест будет потом предметом комментариев).

На страницах русской прессы фигурирование в церемониале российской короны специально подчеркивалось. «Спешу сообщить вам описание события важного, коего я был свидетелем, – говорилось в статье “О коронации его императорского величества”, подписанной инициалами Н.Б., – события, достойного Истории не только отечественной, но и всемирной; а ваши Отечественные записки, как зеркало всего достойного пера Летописца, должны содержать подроб-

ности о *Короновании Царя Польского в стенах Варшавских Короною Российской*, – сим священным символом соединения навеки неразрывным узлом дружбы и согласия двух соплеменных, славных народов (здесь и далее выделено мною. – Н.Ф.)» [3. С. 418].

Интересно замечание присутствовавшего при коронации поэта В.А. Жуковско-го, записавшего в дневнике: «День коронации, место между нунциями [...] Чтение молитвы. *Неприличие благословения короны*» [4. С. 308]. Очевидно, у аполгета российского самодержавия и воспитателя наследника престола вызвало неприятие благословения короны православных императоров – по сути православной святыни – католическим священнослужителем.

Реакция поляков на происшедшее была разнородна. С одной стороны, как верно пишет М. Гетка-Кениг, коронация, как и сейм 1830 г., была последним свидетельством «независимости единственного островка польской государственности после трагедии разделов» [5. S. 25]. Подобное восприятие коронации как свидетельства сохранения польской государственности и даже открытия ее новой страницы порой позволяло не заметить и самой главной детали церемонии. В сочиненных по случаю торжественного события стихах символически фигурировала корона польских королей. Например, официозный автор Л. Дмушевский украсил свой балкон стихами, в которых говорилось, что Николай I:

Zasiadł na Piastów i Jagiełłów tronie
W polskiej koronie. (Цит. по [6. S. 82]).

С другой стороны, использование российской короны все же осталось камнем преткновения. То, что корона русских царей испортила-таки польские впечатления о коронации, становится ясно из повстанческой и эмигрантской прессы. О том, какую роль в сознании польских современников играло чужое происхождение короны, использованной во время обряда, свидетельствует, например, следующая цитата из анонимной брошюры, изданной во время восстания 1830 г.: «Какой бы энтузиазм возбудил бы он (Николай I. – Н.Ф.), если бы надел не императорскую, а настоящую польскую корону, этот памятник Болеслава Храброго, Батория и Августов [...]» [7. S. 13].

В глазах патриотов, вспоминавших о коронации, решение Николая I короноваться русской короной дискредитировало акт коронации, который означал уже не обретение Польшей «своего», принимающего польские «правила игры» правителя, а подчинение ее враждебной самодержавной династии. О том, что Николай I «возложил на свою голову непольскую корону и посмел уравнивать скипетр прекраснейшего славянского племени с астраханским и сибирским», писал участник заговора подхорунжих А. Лаский. «Когда монарх, возложив на голову императорскую корону, провозгласил себя коронованным польским королем, ни одно сердце не забилося сильнее, ни одна слеза не пролилась; весь этот обряд казался холодным театральным зрелищем, спектаклем, но не реальностью», – вспоминал впоследствии А. Козьян [8. S. 138–139].

Окончательно закрепила образ русской короны как символа чужой власти польская художественная литература. Коронация Николая I как польского короля в Варшаве в 1829 г. удостоилась в драме Ю. Словацкого «Кордиан» отдельной художественной интерпретации. Этот сакральный акт в драме десакрализован. Особое значение имеет четкое следование Словацкого историческим деталям: на церемонии, освященной архиепископом Вороничем, император сам возлагает на себя корону, что выглядит как акт самодержавного властителя, но не конституционного короля. Коронация российской короной становится для Словацкого знаковой, ибо сама эта корона также фигурирует в «Кордиане». Заговорщик Кордиан, входящий в царские покои после состоявшейся коронации императора для того, чтобы убить его, встречает на своем пути «треножник, искусно сделанный из золота; на нем лежит царская корона». Эта корона, запятнанная, по мнению

Словацкого, преступлениями, привораживает главного героя. Он слышит слова призрака:

Носил корону царь!
Из той короны кровь
Ивана, кровь Петров
Льет на пол, как из чар.
И польский наш паркет я чищу много лет,
Но смыть кровавый след
Удастся разве только через век [9. Т. 1. S. 650–651].

Таким образом, в глазах поэта и его героя, российская корона чернит и порочит польскую историю.

Несомненна и более завуалированная связь между историческими реалиями Королевства Польского и мотивом короны в другом произведении Ю. Словацкого – драме «Балладина». В ней особую роль играет мотив утраченной «короны Леха», ассоциируемой с мифическим счастливым прошлым давней Польши, в которой правильные, «свои» инсигнии освящали исконно польскую, патриархальную традицию власти. Тема утраченной короны, в которой таился залог счастья народа, имеет здесь, как показал М. Инглот, с одной стороны, народное сказочное происхождение, а с другой – тесно связана с историческими фактами, всплывшими в связи с коронацией 1829 г., – а именно, с утратой в результате разделов собственно польских королевских инсигний [10]. Не случайно несчастья Польши в «Балладине» связаны не только с узурпацией власти жестоким Попелем IV, но и с тем, что его голову венчает фальшивая корона. Для нас важен симптоматичный мотив фальшивого, неосвященного национальной традицией символа власти, который явно ассоциируется с «чужой» короной, символизовавшей правление императора Николая I в Польше.

Таким образом, корона означала в сознании современников не только внешний символ власти, но и была равнозначной самой этой власти. Поляки в чужой короне усмотрели ущемление национального достоинства, неуважение к польским обычаям, а главное – экспансионистские стремления самодержавия. А у русских – наоборот вызвал неудовольствие манипуляции со своей короной, помещение ее в чужой религиозный и историко-культурный контекст. Таким образом, вещь, символизированная вдвойне, – как королевская регалия и как атрибут своего/чужого, сыграла свою отрицательную роль в формировании исторической памяти об отношениях России и Польши.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кизеветтер А.А.* Император Николай I как конституционный монарх // *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 2006.
2. Переписка Императора Николая Павловича с Великим Князем Цесаревичем Константином Павловичем // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1910. Т. 131.
3. *Н.Б.* О коронации Его Императорского Величества // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110.
4. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем. М., 2004. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. М., 2004.
5. *Getka-Kenig M.* Ostatnia «polska» koronacja // *Mówią wieki.* 2009. № 10 (597).
6. *Zajewski W.* Uwagi historyka nad monografią o Kordianie // *Przegląd Humanistyczny.* 1963. № 6.
7. *Rozmowa między dwoma obywatelami o powroźeniu i skutkach dzisiejszej rewolucji.* Warszawa, 1830.
8. *Koźmian A.E.* Wspomnienia. Poznań, 1867. Т. 2.
9. *Словацкий Ю.* Избр. соч. в 2-х т. М., 1960.
10. *Inglot M.* O motywie korony w «Balladynie» // *Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Opolu. Historia Literatury.* 1968. № 5.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.С. БУДИЛОВИЧА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ (1881–1892 гг.)

В статье рассматривается деятельность крупного филолога-слависта А.С. Будиловича в Царстве Польском в 80-е годы XIX в. На основе архивных материалов (прежде всего переписки), публицистики и мемуарной литературы характеризуются особенности его политической позиции, а также анализируются работы о поляках и польском образовании, многоплановая деятельность в Варшавском университете, участие в «холмском деле».

The article deals with the life and work of the renowned philologist-slavist A.S. Budilovich in the 1880s in the Kingdom of Poland. It considers his political stance on the basis of the archival materials (first and foremost correspondence), political literature and memoirs, and analyses his work on the Poles and the Polish educational system, his diverse activities at the Warsaw University, as well as his participation in resolving of the Kholm issue.

Ключевые слова: Окраинный университет, польские образовательные традиции, русификация, классификация славянских языков, холмский вопрос.

Видный славист, ученик В.И. Ламанского, Антон Семенович Будилович родился 24 мая 1846 г. в белорусском селе Комотово Гродненской губернии в семье сельского священника. Его дед по отцу – униатский священник, в 1839 г. перешедший в православие. Еще в первой половине XIX в. фамилия звучала как *Будзиллович*, переименованная на польский лад фамилию *Будило*.

Знакомство А.С. Будиловича с Польшей началось в детские годы, что было обусловлено многонациональным составом Гродненской губернии. Важным моментом в становлении его мировоззрения стало польское восстание 1863–1864 гг. В это время он учился в духовной семинарии. От имени повстанческих властей отец А.С. Будиловича был извещен о том, что «как слишком русский» приговорен к смертной казни, угрожали и семье. Семен Будилович с сыновьями, приехавшими на каникулы, скрывался от преследователей [1. С. 104]. Так будущий ученый оказался вовлеченным в русско-польское противостояние.

1 июля 1881 г., после шестилетнего периода преподавания в Нежинском историко-филологическом институте, Будилович был утвержден в должности ординарного профессора Варшавского университета по кафедре русского и церковнославянского языков и истории русской литературы. Начиная с 4 октября 1881 г. он также некоторое время исполнял обязанности секретаря историко-фи-

лологического факультета. В Варшавском университете Будилович проработал до 1892 г. [2. Ф. 402. Оп. 3. Д. 195. Л. 96, 98]. Поскольку университет заведовал училищами Министерства народного просвещения на территории Варшавского учебного округа через особый Ученый комитет и Совет попечителей, Будилович принимал участие в руководстве образовательной системой целого региона.

В 60–70-е годы XIX в. правительственные мероприятия в Царстве Польском имели целью формирование политической лояльности, тогда как с началом контрреформ на первый план выдвинулась задача «перевоспитания» поляков в русских [3. С. 349]. Меры, проводившиеся учебной администрацией польских губерний до начала 1880-х годов, были признаны недостаточно решительными. Ректору Варшавского университета Н.М. Благовещенскому, по мнению его критиков, не хватало настойчивости в насаждении русского языка в Польше. Будилович писал: «Перемены желаю в видах укрепления здесь русского дела, которое много пострадало от его (Благовещенского. – *О.Н.*) бестактности, непоследовательности и генеральских причуд и, между прочим, от неустанного препирательства с А.Л. Апухтиным». В результате происходило «разделение всего служебного персонала на партии [...] Все это до того ослабляет русский элемент [...] в университете, что он все еще занимает тут подчиненное положение, несмотря на численный перевес». Будилович упоминал и о «наших дезертирах» – русских преподавателях, поддерживавших польскую профессию [4. С. 1114–1115].

Сторонники русификаторского курса в Царстве Польском группировались вокруг назначенного в 1879 г. попечителем Варшавского учебного округа А.Л. Апухтина, служившего ранее под началом М.Н. Муравьева. При подборе кадров новый попечитель в первую очередь обращал внимание на готовность преподавателей отстаивать русский характер университета [5]. «Мне [...] до вашей учености дела мало, а русского направления я от всех буду требовать», – заявил он одному из них [6. С. 158–159].

Этому требованию Будилович полностью соответствовал. После смерти М.А. Колосова, преподававшего на кафедре русского и церковнославянского языков, на вакантное место претендовал профессор Казанского университета И.А. Бодуэн де Куртенэ. Однако Апухтин в представлении Министерству народного просвещения настоял на кандидатуре Будиловича, аргументируя это тем, что в обязанности профессора кафедры входило преподавание истории русской словесности до XVIII в., тесно связанной с православием. Данный курс следовало доверить православному, а не «католику и притом в Варшавском университете». Благовещенский поддержал Будиловича как «пользующегося общей известностью ученого, весьма авторитетного и замечательного преподавателя [...] по той кафедре, которая наиболее нуждается в таком представителе» [7. Ф. 733. Оп. 149. Д. 519. Л. 64–74, 80–81, 101–103].

Приход Апухтина еще не означал решительного усиления курса на русификацию Царства Польского. Большой популярностью в польском обществе пользовался тогдашний генерал-губернатор П.П. Альбединский – сторонник примирения с поляками. 22 февраля 1881 г. он добился разрешения министра народного просвещения А.П. Николаи учредить на историко-филологическом факультете Варшавского университета должность профессора польского языка и словесности. На ее замещение был выдвинут поляк П. Хмелевский [8. С. 248].

В это самое время, 10 сентября 1881 г., прибывший в Варшаву Будилович читал свою вступительную лекцию «О значении церковнославянского и русского языков и истории русской литературы в системе историко-филологических наук вообще и русско-славянских в частности» [9]. В письме В.И. Ламанскому Будилович сообщал, что после «шиканья студентов на вступительной лекции» появились слухи о студенческой сходке с требованиями его отстранения, назначения Хмелевского и замены в университете русского языка преподавания на польский. Будиловича удивила готовность администрации к силовому подавлению

нию студенческих выступлений, которых, по его мнению, не было оснований ожидать. «Думаю, что и меня не уволят из университета, и польского языка не сделают преподавательным, а разве пана Хмелевского произведут в профессора», – прогнозировал Будилович. Тем не менее, ему посоветовали ходить по вечерним улицам с револьвером, поскольку среди студентов распространился слух о том, что он – поляк, участник восстания 1863–1864 гг., принявший впоследствии православие и пользовавшийся за это доверием российских властей. «Впрочем, все это не важно, – заключал Будилович, – течения и вождения в польском обществе будут развиваться до тех пор, пока мы сами будем им потакать и поддерживать своей [...] неуверенной трусливой политикой» [10. Ф. 35. Оп. 1. Д. 267. Л. 79–80об.]. На недовольство поляков профессор реагировал следующим образом: «Быть может, польские змейки пошипят где-нибудь из-за углов; но это [...] не смущает меня» [4. С. 1114].

22 мая 1882 г. Александр III провел совещание с участием вновь назначенных министрами народного просвещения И.Д. Делянова и внутренних дел Д.А. Толстого, а также обер-прокурора Синода и министра юстиции. Преподавание польской словесности сохранялось, но должно было вестись на русском языке. П. Хмелевский отказался читать лекции по-русски, вследствие чего занятия временно проводили Будилович и его единомышленник – преподаватель кафедры славянских наречий В.В. Макушев. Такое положение дел воспринималось поляками как фактическая отмена важной для них уступки [11. С. 2]. В новом учебном году молодой польский ученый Ф. Вержбовский (Т. Вежбовский) согласился вести занятия на русском языке. Будилович и Макушев поддержали его кандидатуру. Вызвав недовольство поляков, Будилович помог Вержбовскому стать экстраординарным профессором [4. С. 1116]. Однако лекции Вержбовского сопровождались беспорядками [7. Ф. 733. Оп. 149. Д. 541. Л. 125, 134–153], спровоцированными, по мнению русской стороны, противостояния, польскими газетами.

По воспоминаниям профессора славянских наречий, друга Будиловича П.А. Кулаковского, не приемля преподавания на польском языке, тот мотивировал свою позицию преобладанием на факультете русских студентов. Кулаковский уточнял, что его коллега не выступал против польского языка и польской литературы как учебных предметов, а лишь хотел придать им научный характер. «Будилович в свое время охранил Варшавский университет от внесения в него начала, противоречащего самому характеру государственной высшей школы в России», – заключал Кулаковский. Позиция Будиловича получила поддержку Апухтина, а также вновь назначенных генерал-губернатора И.В. Гурко и ректора Н.А. Лавровского [1. С. 116–117]. Со своей стороны, Будилович поддерживал кандидатуру Гурко, а в назначении бывшего директора Нежинского института Лавровского принял самое активное участие.

«Оба нежинских ученых [...] со своими взглядами вписались в политику русификации», настаивая на «превосходстве русского языка и культуры» и том, что жители Царства Польского говорят на «западнославянском наречии» [5]. Многие решения ректор Лавровский принимал совместно с Будиловичем, с которым у него установились доверительные отношения.

По свидетельству коллег, Будилович влиял на администрацию Царства Польского в решении вопросов, связанных с проведением политики русификации. Профессор кафедры славянских наречий К.Я. Грот отмечал, что он «пользовался большим весом и влиянием [...] снискал себе общее уважение и в университетской корпорации, и в среде своих слушателей». Будилович «внес в свою деятельность не предвзятость взглядов, не слепую вражду, а трезвое и здоровое понимание задач русской государственности, русской школы и русского языка с точки зрения обоюдной пользы и идеи общеславянского культурного объединения» [4. С. 1110, 1115].

Либерал и западник, профессор кафедры всеобщей истории Варшавского университета Н.И. Кареев, выступавший противником усиления русификаторского курса, сообщал схожую информацию о влиянии Будиловича в Варшаве: «Ректор Лавровский очень его слушался, а у Апухтина Будилович с Никитским и Сониным (преподаватели университета. – *О.Н.*) были свои люди, настоящие его “тайные советники”». В глазах Кареева Будилович – «видный ученый-славист, но в то же время беспощадный обруситель» [6. С. 158, 160, 167].

Будилович рассчитывал, что наступивший в 1883 г. поворот в политике будет способствовать становлению единой славянской школы. Миссией университета, по его мнению, делалось «служение просвещению здешней молодежи не в узко польском, а в общеславянском духе». Поддерживая утвержденный в 1869 г. министром народного просвещения Д.А. Толстым устав Варшавского университета, Будилович акцентировал внимание на цели образовательной политики. Однако если Толстой добивался «постепенного обрусения» поляков, то профессор-славянофил видел необходимость «ославянения [...] воскрешения их племенного славянского сознания» [12. С. 299–300]. Поборник славянских образовательных традиций, Будилович выражал уверенность в том, что «впоследствии и польские историки признают нашу заслугу в медленном, но верном перевоспитании польской интеллигенции и ее освобождении от службы западным идеалам», в соответствии с которыми с XI в. на польских землях сложилась «инородческая латинская школа» для «шляхты и бюргерства» [4. С. 1113; 12. С. 295–296].

Польша в глазах Будиловича являлась оплотом славянства на границе с Западом. В случае роста влияния Германии на Царство Польское заметно ухудшится геополитическое положение России. Между тем «Польша не имела идеалов самобытных, то есть народных славянских», и уступала свои земли немцам [13. С. 152]. Ввиду образования Германской империи, в которой виделась главная угроза, Будилович подчеркивал необходимость скорейшего изменения политического климата в Польше. Поскольку старая польская элита не могла служить опорой российской власти, ставилась задача создания новой интеллигенции – прежде всего, посредством системы образования.

Следует отметить, что при этом политический курс как России, так и Германии, безусловно, носил антипольский характер. Более того, «Берлин и Петербург обменивались заверениями в том, что, несмотря на растущие между ними противоречия, их объединяет общая польская опасность» [14. С. 353–355].

Будилович не считал польский язык самостоятельным. По его мнению, в системе славянских языков он должен определяться лишь как польское наречие (с кашубским поднаречием) наряду с чехоморавским и серболужицким наречиями западной ветви славянства. Он полагал, что возвышение славянских «наречий» до уровня языков – случайное и временное явление, поскольку только русский в состоянии противостоять мировым литературным языкам [15. С. 1, 4; 16. С. 18]. Будилович не признавал самостоятельности польского языка не только исходя из своих лингвистических воззрений, но и в силу политических убеждений. Польский язык выступал конкурентом русского в системе образования западных губерний Российской империи, а также соседней Галиции.

Свои взгляды Будилович проводил на кафедре, имевшей первостепенную роль для окраинного университета, поскольку русский язык и русская история преподавались для всех студентов. В 1887 г. он возглавил историко-филологический факультет. Из числа членов Совета университета именно Будилович замещал ректора в случае его болезни или отъезда [17. С. 71], что придавало декану особый вес.

В Варшавском университете Будилович сосредоточил внимание на преподавании церковнославянского и русского языков, а также славяно-русской древней письменности, с особым акцентом на кирилло-мефодиевском наследии [4. С. 1109]. Таким образом, педагогическая деятельность Будиловича в варшавс-

кий период соответствовала как задачам кафедры, так и научным интересам филолога, выявившимся еще в студенческие годы. Профессор неоднократно упоминал в лекциях имя своего учителя в Петербургском университете И.И. Срезневского [18. Ф. 40/І. К. 6. Д. 32. Л. 1; Д. 29. Л. 4об.].

Особого внимания заслуживает деятельность Будиловича в качестве администратора, организатора учебного процесса в Варшавском университете. Он поддерживал ректора в деле распространения на университет общероссийского устава. Формулируя задачи образовательной политики в национальном регионе, он осознавал глубину различий между российской и польской ситуацией. Отсюда – необходимость в переходном этапе, прохождение которого и Будилович, и Лавровский стремились максимально ускорить.

Кроме того, внутреннее единство университета должно достигаться однородностью преподавательского состава и контингента учащихся. Будилович выступал за устранение русской и польской «партий» среди преподавателей. В ректорство Лавровского, в соответствии со специальным указом от 12 июня 1886 г., в Варшавский университет «в виде опыта» было разрешено принимать выпускников православных духовных семинарий [19. С. 193–195; 20. С. 83; 21. С. 12]. Будилович оценивал эту меру как одну из наиболее удачных в деятельности ректора, хотя сам профессор в свое время после Литовской духовной семинарии окончил гимназию. Семинарское образование признавалось недостаточным для поступления в светское высшее учебное заведение, однако в данном случае приоритетным было изменение национального состава окраинных вузов [22. С. 61–70; 23. С. 8].

Обратившись к гимназическим учебным планам, Будилович рекомендовал увеличить преподавание русского языка на четыре часа в неделю за счет уроков древних языков в классических гимназиях и новых языков в реальных гимназиях, поскольку русский язык, по его мнению, служит ключом к изучению иностранных языков, в особенности славянских. Выступая с таким предложением, он руководствовался, прежде всего, стремлением создать базу для славянского единения. Будилович – автор увидевшего свет в Варшаве в 1883 г. учебника церковнославянской грамматики. Издание было одобрено Ученым комитетом Министерства народного просвещения как пособие для гимназий и прогимназий.

Интерес Будиловича к средним учебным заведениям определялся не только его учебно-научной деятельностью, но также сотрудничеством со старшим братом Александром – священником, писателем и педагогом. Очень близкие по возрасту, братья вместе посещали городское училище, а впоследствии продолжили образование в Петербурге: Антон – в университете, Александр – в духовной академии. Профессиональная деятельность привела братьев в Польшу, где Александр состоял учителем закона Божьего в Варшавском духовном училище, а позже преподавал в Холмской гимназии.

С 1888 г. Антон Будилович стал привлекаться руководством Варшавского учебного округа к постановке среднего образования. В частности, он работал в комиссии, оценивавшей письменные работы учащихся средних учебных заведений, участвовал в обсуждении вопросов о преподавании в них польского языка и учебнике по истории римско-католической церкви в гимназиях [24. С. 15–16; 18. Ф. 40/І. К. 6. Д. 33. Л. 1об.]. Вразрез с мнением Совета попечителей Варшавского учебного округа, санкционировавшего второе издание этого учебника, Будилович, указав на предвзятость автора, выступил против его использования в гимназиях [18. Ф. 40/І. К. 9. Д. 13. Л. 2об.–3].

Помимо системы просвещения важнейшим каналом противодействия польскому влиянию на украинских, белорусских и литовских землях являлась профессиональная политика [25. С. 69–82]. В первом же письме из Варшавы Ламанскому следующей по важности задачей после принятия решительных мер в Варшавском университете Будилович называл решение «холмского дела».

Он считал «абсолютно необходимым скорейшее примирение трех враждующих партий в среде местного духовенства: туземного, галицкого и древлеправославного (старобрядческого. – *О.Н.*)). Предлагался ряд изменений административно-территориального характера. «Прекрасной мерой» считал Будилович перенос высшего епархиального управления из Варшавы в Холм. Он проектировал также отделение Седлецкой и Люблинской губерний «в состав северо-западного края и Литовской епархии. Тогда окончательно исчезнет мечта поляков о границе Буга» [10. Ф. 35. Оп. 1. Д. 267. Л. 80об.].

Положением униатов Будилович интересовался, общаясь с братом [18. Ф. 40/ П. К. 9. Д. 41. Л. 14–14об.]. Профессор принял участие в храмовом празднике Холмского православного собора, в рамках которого состоялось собрание основанного в 1879 г. Холмского православного Свято-Богородицкого братства. В присутствии Апухтина, люблинского губернатора, архиепископа Холмского и Варшавского Будилович произнес торжественную речь, назвав Холм «нашим западным Кремлем», что было «с восторгом встречено всеми слушателями» [26. С. 4].

Будилович входил в состав комиссии по рассмотрению предложенных седлецким и люблинским губернаторами вариантов переименования «в русском духе» городов с русским населением [27. С. 7]. Следует отметить, что восточнославянских жителей Холмщины братья Будиловичи считали русскими [28. Р. 128].

В Варшавском университете и, шире, в образовательной системе Царства Польского конца XIX в. фигура Будиловича видится весьма типичной. Многие из университетских преподавателей того времени были уроженцами Западного края (Кулаковский, Макушев, Е.Ф. Карский и др.), нередко происходя из семей православных священников. Подобно Будиловичу Грот и Макушев получили образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где их взгляды формировались под сильным влиянием Ламанского [29. С. 245]. Будилович и Грот имели опыт работы в Нежине, состояли в Петербургском отделении Славянского благотворительного общества [30. С. 86, 117]. Профессура славянофильского направления проявила себя также на редакторском поприще. Кулаковский был редактором-издателем газеты «Варшавский дневник», в которой публиковались статьи братьев Будиловичей. Профессор Будилович в 1885 г. редактировал «Мефодиевский юбилейный сборник», а в течение 1892 г. – журнал «Славянское обозрение».

В варшавский период деятельности Будиловича у него появились ученики. Таковыми себя считали Карский (будущий ректор Варшавского университета) и, в известной степени, Грот. Хорошие отношения сложились у Будиловича с О.О. Первольфом, чехом по происхождению, и Макушевым, хотя отец последнего происходил из известного польского шляхетского рода. Макушев, по оценке Будиловича, был ориентирован на славянские ценности. Будилович демонстрировал готовность сотрудничать со всеми, кто не выказывал недовольства политикой обрусения. Он небезуспешно стремился сплотить преподавателей-славянофилов.

Будилович считал необходимым бороться с противодействием, оказываемым враждебной «местной средой», под которой он понимал, прежде всего, шляхту, католическое духовенство и проводников немецкого влияния. Противовес этим элементам профессор видел во всеобщности образования, ориентированного на польское крестьянство. В конце 1880-х годов, несмотря на то что существовало «немало элементов беспокорных» и «единичные уклонения подчас», Будилович констатировал устойчивость окраинного университета и «пущенные им твердые корни» в Царстве Польском [31. С. 4–5].

Научно-педагогическая и политическая деятельность Будиловича тесно взаимосвязаны. Сразу же после приезда в Царство Польское он начал настаивать на решительных действиях по утверждению на западных рубежах империи русско-

го направления, понимаемого в славянофильском – антигерманском и антикатолическом – духе. При этом Будилович настойчиво подчеркивал неспособность поляков к самостоятельному культурному развитию, что, в частности, выразилось в заимствовании ими чуждой образовательной системы и бесперспективности польского «наречия». Однако у Будиловича не было боязни и ненависти по отношению к полякам, на которые указывали польские современники и историки, а также русские либералы. Он верил в необходимость и возможность «перевоспитания» поляков, которые «забывают, что лишь в лоне славянства могут [...] найти спасение от немцев» [4. С. 1114].

«Перевоспитание» это в противовес онемечиванию и обрусению представлялось ему неким «ославянением». В отличие от многих имперских чиновников, Будилович выступал за конструирование славянской идентичности поляков и в этом смысле не вполне разделял прямолинейного русификаторского курса. В то же время славянскую культурную общность народов, с его точки зрения, безальтернативно предстояло создавать на фундаменте русского языка. Поэтому в практической плоскости Будилович явился одним из наиболее видных проводников курса царствования Александра III на национальных окраинах – сначала в Царстве Польском, а затем в Прибалтике.

Оптимистические прогнозы Будиловича не оправдались. Русификация Польши вызвала в начале XX в. упорное сопротивление учащейся молодежи, приведшее к временному закрытию Варшавского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулаковский П.А. А.С. Будилович (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1909.
2. Эстонский исторический архив.
3. *Chwalba A.* Historia Polski. 1795–1918. Kraków, 2000.
4. Грот К.Я. Памяти Антона Семеновича Будиловича // Исторический вестник. 1909. № 3.
5. *Gawkowski R.* Poczet Rektorów Uniwersytetu Warszawskiego. Rektor, brat Rektora Ławrowski Nikołaj Aleksiejewicz // Uniwersytet Warszawski. 2007. № 1.
6. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990.
7. Российский государственный исторический архив.
8. Очередные вопросы в Царстве Польском. Этюды и исследования. СПб., 1902. Т. 1.
9. *Будилович А.С.* Вступительная лекция, прочитанная в Варшавском университете // Русь. 1881. № 17.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
11. *Wiadomości polityczne.* Ziemia polskie // Gazeta Toruńska. 1882. № 237.
12. *Будилович А.С.* Из переписки князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина. Реформа учебной части в Царстве Польском // Славянское обозрение. 1892. № 7–8.
13. *Будилович А.С.* Несколько замечаний о польском вопросе, с точки зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6.
14. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004.
15. *Будилович А.С.* Начертание церковнославянской грамматики, применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава, 1883.
16. *Будилович А.С.* Статистические таблицы распределения славян по государствам и народностям; по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям) с объяснительной запиской. СПб., 1875.
17. Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008.
18. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
19. *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
20. *Будилович А.С.* Памяти Н.А. Лавровского // Сборник Учено-литературного общества при императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1900. Т. 3.
21. *Askenazy Sz.* Uniwersytet Warszawski. Kraków, 1905.
22. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999.
23. *Дубровский Н.* Официальная наука в Царстве Польском. СПб., 1908.
24. *Будилович А.С.* Отчет по рассмотрению письменных работ учеников среднеевропейских заведений Варшавского учебного округа. Приложение к циркуляру 1888 г. // Протокол заседания Совета попечителей Варшавского учебного округа. Варшава, 1888.

25. *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. Пг., 1915.
26. *Кулаковский П.А.* Из Холма (Речь, произнесенная А.С. Будиловичем в г. Холм 8 сент. 1887 г.) // Варшавский дневник. 1887. № 200.
27. *Konarski K.* Chrzczyciele Chełmszczyzny // Ziemia. Dwutygodnik krajoznawczy ilustrowany. 1926. № 22.
28. *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier. 1863–1914. Illinois, 1996.
29. *Лантвева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
30. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.
31. Приветственная речь и.д. ректора Императорского Варшавского университета А.С. Будиловича, произнесенная на торжественном акте 30 авг. 1889 г. // Варшавские университетские известия. 1889. № 6.

Е.П. КУДРЯВЦЕВА. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. 348 с.

Монография Е.П. Кудрявцевой является серьезным вкладом в отечественную балканистику. Хронологические рамки исследования охватывают важнейший этап развития балканских народов и одновременно деградации Османской империи, ими владевшей и их угнетавшей. Ось европейской политики располагалась тогда на полуострове, здесь развертывалась ее «большая игра», как тогда называлось более чем полувековое соперничество России и Великобритании за место под балканским солнцем, которое именовалось также противостоянием Кита и слона или акулы и волка, образ медведя в сравнениях почему-то не фигурировал. В отличие от прочих исследований на тему, имя коим легион, в центре монографии Елены Петровны – не политика дворов и правительств, а деятельность основного дипломатического звена в регионе, российской миссии в Константинополе, и подведомственных ей генеральных консульств, консульств, вице-консульств и рано появившейся в Афинах самостоятельной миссии. О скрупулезности произведенного исследования можно судить даже по названиям глав: «Строительство российского посольского дома в Константинополе»; «Почтовое сообщение Константинополь – Санкт-Петербург»; «Основные функции и обязанности коммерческой Канцелярии»; «Центр надзора за Черноморским бассейном»; «Штабы Российского посольства в Константинополе в первой половине XIX века»; «Консульская сеть России на территории Османской империи»; «Особенности турецкой дипломатии». Материал этих глав почерпнут большей частью из архивов и является подлинным кладезем сведений о повседневной деятельности

дипломатической службы, к которым будет прибегать не одно поколение студентов, научных и практических работников и просто читателей.

На странице 197 издания появляется глава «Основные направления деятельности российской дипломатии на Ближнем Востоке». И тут у рецензента появляется соблазн сделать первое замечание: а не логично было бы с точки зрения структуры начинать исследование с обобщающей главы, ибо и миссия в Константинополе, и сонм консульств различного ранга строили всю свою деятельность ради воплощения в жизнь поступавших из Петербурга указаний в рамках общего внешнеполитического курса империи?

Книга населена не абстрактными политическими фигурами, а живыми людьми. Даны портреты всех посланников в Константинополе на протяжении полувека – А.Я. Италинского, Г.А. Строганова, А.И. Рибоьера, А.П. Бутенева, В.П. Титова и многих лиц рангом ниже, в том числе К.М. Базили, константинопольского грека по рождению, одноклассника Н.В. Гоголя в Нежинской гимназии, в дальнейшем всю свою жизнь подвизавшегося на разных ролях на Балканах и Ближнем Востоке. Читать книгу Е.П. Кудрявцевой не только поучительно, но и интересно. Разумеется, масштабная и многоплановая работа предоставляет возможность подискутировать с ее автором по некоторым вопросам. Несколько страниц в монографии уделено общей характеристике «онемеченной» российской дипломатии (которая, действительно, кишела прибалтийскими фонами и баронами). Е.П. Кудрявцева справедливо пишет: «Неверно было бы характеризовать деятельность

российских государственных деятелей, разделив их на иностранцев и русских. Среди первых было немало людей, считавших Россию своей родиной и стоявших на защите ее интересов». И тут же говорится, что «нередко именно дипломаты-иностранцы пренебрегали своими прямыми обязанностями, что вело к непоправимым последствиям» (с. 109). Представляется, что с самим термином «иностранец» надо обходиться осторожно и не наделять им людей, у которых предки переселились в Россию. Иначе нам придется именовать иностранцами недавно скончавшегося патриарха Московского и всея Руси Алексия или крупнейшего государственного деятеля Сергея Юльевича Витте, потерявшего отца еще во младенчестве, выросшего в материнской семье Фаддеевых, православного по вероисповеданию и писавшего свои мемуары по-русски.

В качестве иностранца, пренебрегавшего интересами России, автор представила Ф.И. Бруннова, долгие годы занимавшего пост посла в Лондоне. «Именно из-за дипломатической оплошности Бруннова в начале 40-х годов XIX века были ликвидированы те политические преимущества, которыми Россия обладала в Османской империи» (с. 220). На самом деле преимущества были утрачены не из-за провалов или хотя бы оплошностей дипломатии, а по причине системной отсталости России. (Об этом ниже.) Что касается Бруннова, то он был вторым делегатом на Парижской мирной конференции 1856 г., которую отечественная дипломатия провела достойно. Ему же в 1871 г. пришлось заниматься трудным делом – добиваться международной санкции на принятое Александром II решение – отменить запрет на содержание военного флота на Черном море, введенный после Крымской войны. Одна Пруссия была готова поддержать решение царя, Великобритания, Франция, Австро-Венгрия и Италия выступали против. Бруннов на Лондонской конференции добился признания отмены. Можно, конечно, вспомнить, что сам Филипп Иванович жестоко трусил, рекомендовал созвать для решения вопроса конгресс с участием первых лиц держав. Князь А.М. Горчаков поставил его на место: не надо поднимать шума, без него западным державам будет легче сдать свои позиции, что и произошло.

Нелестно отзываясь автор и о французех на русской службе (в действительности корсиканец и яром враге другого корсиканца, Наполеона Бонапарта), К.О. Поццо ди Борго, занимавшем пост посла в Пари-

же. Деятельность его оценивается положительно отечественной историографией (опытный дипломат, настороженно относившийся к политике Австрии в Европе) [1. С. 170].

Интересно, что критический настрой исчезает у автора, когда она обращается к балканским сюжетам и причастным к ним лицам. Она приводит отрывок из письма директора Азиатского департамента МИДа К.К. Родофиникина (грека) посланнику в Стамбуле А.Я. Италиному: «Не чиновник к министру, но сын Отечества к сыну Отечества пишет» (с. 203). Преданность России, своей родине, отличала служителей отечественной дипломатии независимо от их национальной принадлежности и места аккредитации.

Дипломатический корпус в смысле дисциплины и единоначалия сравним разве что с армией. Власть исходила от императора. Указания с царской пометой «Быть по сему» выполнялись беспрекословно. Из всей плеяды министров иностранных дел лишь князь А.М. Горчаков руководил не только ведомством, но и внешней политикой страны, потому что убеждал Александра II в правомерности отстаиваемого курса. Фигурирующий на страницах книги К.В. Нессельроде не обладал и намеком на то, что именуется творческим умом, и был исполнителем в высоком чиновничьем ранге. Но ни Александр, ни его брат Николай I в менторе по внешней политике не нуждались, они его с увлечением занимались. Они ценили служебное рвение Карла Васильевича, отстаиваемый им принцип легитимизма. В этом секрет его долголетнего пребывания в должности. Так что Е.П. Кудрявцева зря, хотя и вскользь, упоминает о политике Нессельроде. Таковой не существовало.

Коснемся периода после наполеоновских войн. Для Османской империи наступила пора великих потрясений – восстания в Сербии и Валахии, греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. С Балкан раздавались призывы о поддержке, встречавшие горячий отклик не только у российской общественности, но и среди власти имущих. Страна раскололась на два лагеря – сторонников решительных действий, чреватых войной с Турцией (к ним примыкали статс-секретарь по иностранным делам, грек с Ионических островов И.А. Каподистрия и посланник Г.А. Строганов), и возглавляемых императором умеренных, стремившихся избежать военных действий.

В книге справедливо говорится о приверженности Александра I доктринам Священного союза (еще бы, сам их вырабатывал!) как причине его умеренности и осмотрительности. Но существовало и нечто другое, побуждавшее его к осторожности. Страна нуждалась в мире, и об этом настойчиво твердил царь: «Всем нужен мир», «Довольно воевать на Дунае» надо добиться «вплотнения в жизнь Бухарестского договора 1812 года», «извлечь из него всю возможную пользу» [2. С. 212].

Более десяти лет Россия провела почти в непрерывных войнах. Рекрутские наборы следовали один за другим, военные расходы поглощали более половины поступлений в казну. В 1812 г. армия двенадцати языков как саранча прошла по стране, разорению подверглись земли Белоруссии и Литвы, западные российские губернии, сгорела первопрестольная столица.

В царском манифесте по случаю окончания войны говорилось: «Крестьяне, верный наш народ, получают мзду от Бога» [3. С. 121]. Правда, кое-что перепало им и от властей, но совсем немного. Страна была измучена и измотана военным лихолетьем, лишь в 1824 г. удалось расквитаться с долгами. Вступать в дипломатически совершенно не подготовленную новую войну значило противопоставить себя всей Европе, сокрушить систему международных отношений, учрежденную Венским конгрессом с целью утверждения на континенте безопасности, свести царя с пьедестала миротворца, рассорить Россию с союзниками и превратить ее в политического изгоя. Так что Александр «не решился начать военные действия против Турции в начале 20-х годов» (С. 216) по веским государственным причинам.

При описании временной миссии М.Я. Минчаки по заключению Аккерманской конвенции, содержавшей благоприятные для России условия урегулирования Восточного вопроса (с. 217–221), было бы уместно упомянуть о том, что в том же 1826 г. султан распустил янычарское войско, что сопровождалось массовым избиением янычар и сильно подорвало военный потенциал Высокой Порты и способствовало ее уступчивости в переговорах с Россией.

Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. автор оценивает в традиционном духе как «пик политических успехов России на Переднем Востоке на протяжении всего периода российско-турецких дипломатических отношений» (с. 241). Он предоставлял России право вводить свои военные кораб-

ли в Босфорский пролив в качестве союзника Турции в случае нависшей над нею опасности (с. 244). Дарданеллы объявлялись закрытыми для всех иностранных военных судов.

Договор вызвал бурный протест с англо-французской стороны. Министр парижского правительства Ф. Гизо утверждал: «Петербургский кабинет сделал из Турции официального своего подчиненного, а из Черного моря – русское озеро» [4. С. 138–139]. Т. Аттвуд закончил свое выступление в британской Палате общин на истерической ноте: «Пришло время объявить России войну, подняв против нее Персию, с одной стороны, Турцию – с другой, Польша не останется в стороне, и Россия рассыплется как глиняный горшок» [5. Д. 119. Л. 208–209]. Создается впечатление, что назойливые утверждения недругов об оглушительном российском успехе в Ункяр-Искелеси привели к несколько завышенной оценке достигнутого в отечественной историографии.

Официальная реакция на заключение договора выглядела взвешенно. Вице-канцлер К.В. Нессельроде писал князю А.Ф. Орлову, руководившему всей операцией: надо, чтобы Порты связала себя «официальным соглашением», которое обезопасило бы южные провинции (России), граничащие с Черным морем, что и было осуществлено. Что касается Дарданелл, то у самодержавия отсутствовали какие-либо побуждения форсировать их и врываться навстречу пушкам средиземноморской британской армады. Кудрявцева как один из авторов труда о Черноморских проливах, давая высокую оценку ункяр-искелесийской договоренности, сопроводила ее замечанием: «Все это явилось крупным политическим достижением России, впрочем, очень скоро утраченным» [4. С. 114].

В этом «впрочем» суть дела.

Великобритания немедленно перешла в наступление. Американский исследователь Д. Голдфрэнк один из разделов своей книги о Крымской войне озаглавил «Англия. Рынок вперед. 1833–1841» [6. С. 46–48]. Ее дипломатия опиралась тогда на безбрежные экономические и финансовые ресурсы, морскую мощь, конституционный потенциал, привлекательный для турецких реформаторов во главе с Мустафой Рашид-пашой. Российская дипломатия металась в поисках средств для отпора растущему британскому влиянию и не находила их. Крепостническая система, самодержавный государственный строй, ничтожный товарообмен, и никакой точ-

ки опоры. На Балканах и Ближнем Востоке состязались соперники разной весовой категории – один феодальной, другой капиталистической, и Турция уплывала из зоны российского влияния без каких-либо провалов и даже крупных оплошностей со стороны ее дипломатии. В 1838 г. произошло подписание англо-турецкой торговой конвенции, распахнувшей двери для вторжения британских товаров на рынки Османской империи. Тот же год ознаменовался совместными маневрами британского и турецкого флотов в Средиземном море, а у черноморского побережья Малой Азии в полном одиночестве крейсировали корабли под Андреевским флагом. Под сенью Ункяр-Искелесийского договора самодержавие утратило свои прежние позиции в Османской империи. В 1839 г. произошла новая ее война с правителем Египта Мухаммедом Али. Султанские войска потерпели поражение, капудан-паша пошел на прямую измену и увел флот в Александрию. Но призыва о поддержке в Петербург не последовало. Британская эскадра с помощью нескольких австрийских кораблей прервала морские коммуникации египетской армии с родиной, очень своевременно восстали жители Ливана и вместе с турецкой армией одолели силы Мухаммеда Али. Просьбы об привлечении российского флота не последовало. Укрощение египетского владыки произошло при решающем британском участии.

В 1840 г. истек срок действия Ункяр-Искелесийского договора. Россия – в незавидном положении изоляции. Естественно, ее дипломатия и сам император Николай участвовали в процессе урегулирования режима Черноморских проливов. В Лондоне в 1840 и 1841 гг. были подписаны конвенции, запрещающие проход военным судам всех стран через Босфор и Дарданеллы. Это решение в отечественной историографии традиционно оценивалось как поражение России. В рецензируемой книге автор придерживается той же позиции, хотя она и осторожна в выражениях: «не вполне удачное для России внешнеполитическое решение» (с. 252). Е.П. Кудрявцева упоминает и о наличии иного мнения по вопросу: его сторонники считают, что конвенции отразили реально сложившуюся ситуацию [4. С. 136–139]. Я солидарен с подобной оценкой. Следует иметь в виду, что позиция России в Восточном

вопросе определилась вполне четко и была зафиксирована в трех международных актах: в англо-русском протоколе (апрель 1826 г.), в договоре Великобритании, Франции и России (июль 1827 г.) и в так называемом протоколе о бескорыстии трех держав (декабрь того же года). Все три документа содержали отказ их участников от каких-либо территориальных поползновений на Балканах. Наличие этого обязательства делало прорыв российского флота через Босфор и Дарданеллы навстречу собственной гибели бессмысленным. Шаг российского правительства был вынужденным и необходимым. Никакой надежды на то, что ситуация изменится к лучшему, не существовало [4. С. 138–139]. А в плане обеспечения безопасности южных морских рубежей конвенции, подписанные представителями одна пяти, а другая шести ведущих держав, являлись более надежными, нежели никем не признанная ункяр-искелесийская договоренность.

В первой половине XIX столетия действовала своего рода табель о рангах дипломатических представительств, введенная Венским конгрессом в 1815 г. В соответствии с ней Россия держала послов только в Париже, Лондоне и Вене. Елена Петровна упоминает об этом, но сама не всегда придерживается данной градации и миссию в Константинополе именует посольством даже в подзаголовке книги.

Завершается фундаментальный труд Е.П. Кудрявцевой содержательными главами о деятельности российской дипломатии в Святой земле и ее борьбе за расширение и укрепление прав православного населения Балкан.

© 2011 г. В.Н. Виноградов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внешняя политика России. Первая половина XIX века. М., 1995.
2. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1858. Вып. 3.
3. Блюх И.С. Финансы России в XIX веке. СПб., 1882. Т. 1.
4. Россия и Черноморские проливы. М., 1999.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1833.
6. Goldfrank D. The Origins of the Crimean War. New York, 1994.

Г. МАТВЕЕВ. Пилсудский. М., 2008. 474 с.

Юзеф Пилсудский – в польской истории фигура, несомненно, исключительная. Почему? По крайней мере, по нескольким причинам. Во-первых, это человек, прочно закрепившийся в пантеоне польских национальных героев. Даже в ПНР, несмотря на монополию в сфере информации, интенсивные пропагандистские усилия и помощь соответствующей группы исследователей, властям не удалось дискредитировать память о маршале. Об этом однозначно свидетельствуют проводившиеся социологами под руководством Барбары Шацкой исследования по проблемам исторического сознания. Культ Пилсудского укреплялся как бы вопреки и наперекор властям уже в 1970-е годы. Маршал стал наиважнейшей фигурой в истории Польши, а современные студенты называли его в анкетах чаще, чем те, кто помнил его по довоенным годам. И сейчас Пилсудский занимает высокое место в иерархии национальных героев. Осенью 2004 г. в ответах на вопрос о поляках, которыми мы гордимся, он занял второе место (23% ответов), пропустив вперед Иоанна Павла II (43%) и опередив Леха Валенсу, Тадеуша Костюшко и Николая Коперника (*Gazeta Wyborcza*. 2004. 17 IX).

Во-вторых, Пилсудский как бы персонализирует ключевые для истории Польши XX в. события – польские военные усилия в 1914–1918 гг. (легионы), возрождение польского государства в 1918 г., польско-большевистскую войну и победу в Варшавском сражении, внешнюю политику Второй Речи Посполитой (пакты о ненападении с Германией и Советским Союзом), перемены во внутренней политике (майский государственный переворот).

В-третьих, это живая личность, до сих пор вызывающая споры не только среди историков. К его свершениям мы постоянно обращаемся в публичной дискуссии, хотя бы в вездущем сейчас споре о форме польского патриотизма.

Вышеприведенные замечания являются важным контекстом для книги, ставшей предметом этой рецензии. Российский историк Г.Ф. Матвеев, много лет занимающийся историей Польши, решился на пуб-

ликацию, прямо скажем, оригинальной биографии Ю. Пилсудского. Биография вышла в престижной издательской серии «Жизнь замечательных людей», основанной в конце XIX ст. и возобновленной в 1933 г., в которой публикуются биографии видных людей из мира науки, культуры и истории. Книга Матвеева – это первая серьезная попытка представить российскому читателю судьбу Ю. Пилсудского. И уже в силу этого заслуживает внимания польского историка.

Российский исследователь прекрасно понимает всю сложность задачи, которую он собрался решить. В первом же предложении книги он отмечает: «Написать биографию Юзефа Пилсудского – значит рассказать о судьбе польского народа и государства в конце XIX – первой трети XX столетия» (с. 5). Научно-популярная форма изложения заставила Г.Ф. Матвеева прокомментировать некоторые сюжеты, очевидные для польского читателя, но очень важные для понимания содержания книги российской аудиторией, что дало хороший результат. Благодаря этому личность Пилсудского показана в более широком контексте, а издание может быть хорошим пособием для каждого россиянина, интересующегося историей западного соседа. В силу приведенных выше обстоятельств в работе отсутствует полный научный аппарат. Сноски были сознательно ограничены и помещены в конце книги. Иногда их дополняют отмеченные звездочкой авторские комментарии. Труд снабжен краткой библиографией, в которую включены важнейшие позиции из обширной литературы, в частности биографии пера Анджея Гарлицкого и Владзимежа Сулеи, воспоминания, а также довоенное издание сочинений маршала. Удачным решением было также приведение краткой хронологии жизни и деятельности Пилсудского, важной с точки зрения зарубежного читателя.

Монография Матвеева построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из восьми разделов. Уже сами их названия позволяют читателю легко сориентироваться в непростой биографии маршала. Например: «Товарищ Виктор»

(о деятельности Пилсудского в Польской социалистической партии»); «Начальник государства» (деятельность Пилсудского в первые годы независимости); «Возвращение во власть» (генезис и майский государственный переворот); «Диктатор» (период «санации» до смерти героя в 1935 г.). Такая структура работы представляется обоснованной, она позволяет автору выделить и охарактеризовать ключевые моменты в биографии своего героя. Для польского читателя, трудно сказать в какой степени для российского, важны также пропорции между отдельными этапами жизни маршала. Более трех четвертей книги (344 страницы) посвящены периоду до государственного переворота 1926 г. На последние годы жизни Пилсудского приходится немногим более ста страниц. Случайность это или сознательное решение? К сожалению, автор этого не объясняет. С этой точки зрения книга своим содержанием напоминает, скорее, биографию упомянутого В. Сулеи, чем А. Гарлицкого.

Таким образом, Матвеев пошел по пути тех исследователей, которые не преуменьшают связи Пилсудского с социализмом и Польской социалистической партией. Они стараются найти в биографии маршала действительное увлечение социалистическими идеями, а не только конъюнктурное использование их в текущей политической борьбе (например, с. 22). Но при этом российский историк отмечает, что Пилсудский не был марксистом, так сказать, в ленинском смысле. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к партии, рассматриваемой им не как «высшая ценность», а как полезный инструмент в политической борьбе (с. 69–70). У поляков популярно высказывание: «Пилсудский вышел из красного трамвая на остановке “Независимость”». Матвеев убедительно показал эволюцию взглядов будущего начальника государства, изменение его политической стратегии, нарастающее разочарование в демократической идее.

Автор относится с симпатией к герою, что для российского историка скорее исключение из правил (достаточно вспомнить тенденциозные оценки Пилсудского в советской историографии), стремится понять и объяснить сопутствующие ему дилеммы, иногда открыто удивляется его политическим талантам (следует отметить, что Пилсудский в основном нелегально характеризуется в англоаксонской и французской историографии). Но все это не означает, что Матвеев некритичес-

ки смотрит на личность первого маршала Польши.

Это особенно заметно в разделах, посвященных периоду, предшествующему Первой мировой войне, а также первым месяцам разразившегося конфликта. Российский исследователь не замалчивает провалы будущего начальника государства в политической деятельности. Я имею в виду, в частности, его неудачный визит в Токио, а также поражение плана восстания в Царстве Польском в августе 1914 г. В последнем случае Матвеев обратил внимание на пережитый Пилсудским кризис, цитируя сообщение Вацлава Шимановского из Кельце. Не избегает Матвеев и цитирования критических в отношении Пилсудского мнений других политиков, например губернатора Ганса фон Безеле-ра (с. 225).

Автор видит в Пилсудском умелого политика, иногда государственного мужа, но прежде всего сильного человека и яркую индивидуальность (например, с. 70). В завершение раздела, посвященного деятельности Пилсудского на посту «начальника государства», российский историк отметил: «Пилсудский уходил, но не писать мемуары, как это делают американские президенты, а готовить почву для новой схватки за власть. Он в очередной уже раз оказался в достаточно привычной для себя ситуации проигранного сражения, но не войны. Как уже отмечалось, Пилсудский обладал очень важным для политика качеством – умением держать удар, не поддаваться, а анализировать положение, перегруппировывать силы и средства и снова идти в бой. А пока он почти на три года уходил из публичной политики в частную жизнь, для непосвященных ограниченную пределами виллы “Милюсин” в Сулеювке. Пилсудского так и называли в эти годы – отшельник из Сулеювека» (с. 310).

Иногда Г.Ф. Матвеев полемизирует с польскими историками. Приведу несколько примеров. По моему убеждению, автор явно переоценивает достоверность выводов Рышарда Свентека, содержащихся в его работе «Ледяная стена. Секреты политики Юзефа Пилсудского. 1904–1918». Она посвящена сотрудничеству будущего маршала с разведками Японии, Австро-Венгрии и Германии. По мнению польских исследователей (в частности В. Сулеи), это книга, полная авторских домыслов, слабо или недостаточно документированных утверждений, иногда откровенно тяготеющая к категории работ сторонников теории заговора в политике. Во многих

местах она напоминает опубликованную в эмиграции двухтомную биографию Пилсудского одного из ведущих эндековских публицистов, пишущих на исторические темы – Енджея Гертыха (Józef Piłsudski. Londyn, 1979–1982). А российский историк, как кажется, воспринимает утверждения Свентека не критично, приводит их в качестве аргументации, изредка, как в случае рассказа об акции под Безданами, сопровождая их авторским комментарием (с. 118). Кстати, вопреки содержащемуся в книге утверждению, Безданы находятся не в нынешней Белоруссии, а в Литве (с. 116).

Еще один пример относится к названию конфликта между Польшей и советской Россией в 1919–1921 гг., завершившегося подписанием Рижского договора. По мнению Г.Ф. Матвеева, следует использовать термин «польско-советская» или «советско-польская война» (с. 271). Российский историк не согласен с распространенным в Польше с 1990-х годов названием «польско-большевистская война» (кстати, ранее использовавшимся польскими историками в эмиграции). По его мнению, оно искажает суть конфликта, который не имел идеологического характера, а был прежде всего войной за территории. С этой интерпретацией трудно согласиться: конфликт с большевистской Россией был не только столкновением двух армий, но главным образом конфликтом двух представлений об общественных отношениях, различных систем ценностей. Планы руководства большевистской партии были направлены на то, чтобы пронести пламя революции (по трупам буржуазной Польши) на Запад, вызвать революцию в Германии, и тем самым поддержать идею общеевропейской коммунистической революции.

Но я согласен с Г.Ф. Матвеевым в общей оценке этого конфликта. Он прав, когда пишет, вопреки мнению, например, Анджея Новака, автора работы «Польша и три России: исследование восточной политики Юзефа Пилсудского до апреля 1920 г.», что Пилсудский стал «невольной жертвой» своей восточной политики, направленной на создание на границе с большевистской Россией системы государств, состоящих в федеративной связи с Польшей и гарантирующих ее от возможного конфликта в последующие годы (с. 295).

Наконец, еще один пример, на этот раз относящийся к проблеме политической терминологии. Российский историк, говоря о планах самого Пилсудского и его сторонников до Первой мировой войны и в 1914–1918 гг., использует термин Царство Польское, указывая, что надежды поляков на независимость касались только этой провинции, созданной по решению Венского конгресса в 1815 г. На самом деле для большинства национально мыслящих поляков, даже если согласиться с тем, что это было уже тогда совершенно нереальным, форма будущего государства ассоциировалась с границами Речи Посполитой обоих народов (это название, если не ошибаюсь, за одним исключением (с. 228) вообще не встречается в работе Матвеева) до разделов, т.е. до 1772 г. Тактический союз Пилсудского с Австро-Венгрией предусматривал отторжение от России максимально большой части земель давней Речи Посполитой и вовсе не ограничивался линией Буга. В этом контексте позиция российского исследователя, хочет он того или нет, не соответствует обоснованию границы между Польской Народной Республикой и Советским Союзом после 1945 г., а сейчас между Польшей и бывшими советскими республиками, ставшими независимыми государствами – Литвой, Белоруссией и Украиной.

Приведенные выше полемические замечания ни в коем случае не преуменьшают ценности книги российского исследователя. Они, скорее, показывают, как на взглядах каждого из историков и раньше, и сейчас отражается определенная историографическая традиция, господствующие в ней интерпретации и понятийный аппарат. Традиция создает рамки «возможного» и «невозможного» видения мира, в том числе и истории. И, тем не менее, я глубоко убежден, что в эпоху заметного сближения наших народов и являющегося его интегральной частью историографического польско-российского диалога, книга Г.Ф. Матвеева является важным трудом, преодолевающим господствующие по обе стороны стереотипы, способствующие лучшему пониманию трудной истории обоих народов в первой половине XX в.

© 2011 г. *Р. Стобецкий*

IX. sjezd českých historiků. Pardubice 6.–8. září 2006. Sv. III. Pardubice; Praha; Ústí nad Labem, 2008. 396 s.

IX съезд чешских историков. Пардубице, 6–8 сентября 2006 г. Т. III

Исследование истории другой страны, другого народа неизбежно предполагает оптику, отличную от национальной историографии. Она обусловлена не только и не столько сложностями, связанными с доступностью источниковой базы, сколько проблемами интерпретационно-концептуального характера, проистекающими из традиций, идеологием, актуального состояния другой историографии, иностранной, внешней по отношению к данной исторической общности. «Взгляд извне» имеет как свои недостатки, так и свои достоинства. Он не укоренен в национальной историографической традиции, поэтому позволяет свежим глазом, без устоявшихся клише рассматривать вопросы чужой истории, что придает их изучению новые импульсы и аспекты. Поэтому такой взгляд всегда интересен и полезен, прежде всего для историографии той страны, о которой пишут зарубежные исследователи.

Национальные историографии с большим интересом следят за освещением истории их страны в зарубежной для них исторической науке. Зарубежным же историкам крайне важно знать, как оцениваются их труды в той стране, о которой они пишут. Сопоставление интерпретаций истории «изнутри» и «извне», безусловно, дополняет историческую оптику, ставит новые проблемы, формирует новые вызовы и цели исследования.

Учитывая все эти соображения, обратим внимание на то, как современные чешские историки оценивают состояние исторической богемистики в России на рубеже XX–XXI вв. Этой теме посвящено специальное издание «Чешская история в современной зарубежной историографии», входящее в серию публикаций материалов IX съезда чешских историков, состоявшегося в Пардубице в 2006 г.

Книга, написанная коллективом историков под руководством Ярослава Панека – многолетнего председателя Союза чешских историков и заместителя председателя Академии наук Чешской Рес-

публики, состоит из нескольких разделов. Разделы I и VI представляют собой тексты выступлений Я. Панека, ставящие проблему изучения и подводящие общие итоги анализа зарубежной исторической богемистики. В разделе II даны обзоры чешской истории в освещении зарубежных исследователей в соответствии с хронологией исторических периодов (от Средневековья до современности). В разделе III рассматриваются зарубежные для чехов национальные историографии, уделяющие внимание чешским проблемам. В разделе IV выделены две значимые исторические личности – Я.А. Коменский и Т.Г. Масарик, привлекающие наибольшее внимание современных зарубежных исследователей. Раздел V составляют статьи зарубежных авторов, оценивающих состояние исторической богемистики в своей стране (Словакия, Польша, Германия, Франция, Великобритания). К сожалению, российская самооценка отсутствует.

Сразу необходимо отметить, что российским исследователям по истории Чехии от Средневековья до Пражской весны 1968 г. в сборнике уделено значительное место. Упомянуты все активно работающие российские историки-богемисты, их основные работы. Подход чешских коллег иногда чисто библиографический, иногда аналитический. Даются оценки вклада того или иного историка в изучение чешской истории, причем такие оценки в статьях разных авторов неизменно позитивны. В обобщающей таблице мировой исторической богемистики Россия занимает пятое место (38 историков, 8,1% от общего числа историков-богемистов в мире), уступая лишь Германии, США, Словакии и Польше (s. 371). Такое положение, учитываемая современное тяжелое состояние российской гуманитарной науки, должно нас радовать. К сожалению, таблица не охватывает количество научных публикаций, что, несомненно, скорректировало бы состояние мировой богемистики.

Российские историки-богемисты сосредоточены в двух учреждениях Москвы – Институте славяноведения РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова, поэтому, естественно, именно их работы находятся в центре внимания чешских коллег. Посмотрим более конкретно, как видят чешские историки нашу научную продукцию.

Автор статьи «Чешские земли в заграничной медиэвистике» Й. Жемличка, к сожалению, даже не упомянул многочисленные источниковедческие и концептуально значимые коллективные труды отдела истории Средних веков Института славяноведения, а также статьи профессора МГУ Л.П. Лаптевой, чем нарушил общий принцип презентации зарубежных историографий, принятый в анализируемом сборнике. Напротив, в статье М. Поливки «Гуситство в зарубежной литературе двух последних десятилетий» новейшей российской гуситологии уделено значительное внимание. Это прежде всего работы Л.П. Лаптевой о гусизме в оценке русской историографии XIX в., ряд ее работ по проблемам собственно гусизма, а также работы о Пражском университете ее ученика А.В. Рандина, ныне живущего в Братиславе. Все эти тексты обогащают мировую гуситологию новыми сведениями и исследовательскими импульсами (с. 40–41).

И. Микулец среди наших исследователей раннего Нового времени выделяет Г.П. Мельникова и его работы по истории чешской культуры и религиозных отношений XVI–XVII вв. (с. 55). М. Штайнер подчеркивает интерес русских и грузинских исследователей (Д.О. Лоркипандзе, Г.Н. Джубладзе, А.И. Пискунова, М.Н. Кузьмина, в последнее время Г.П. Мельникова) к наследию Я.А. Коменского, которое рассматривается ими в тесной связи с развитием чешской комениологии (с. 285–286).

Из российских исследователей чешской истории XIX–XX вв. выделяются книга Е.П. Серапионовой «Карел Крамарж и Россия» (с. 69), книги и статьи В.В. Марьиной, внесшей большой вклад в изучение Чехословакии первой половины XX в., синтетический труд коллектива авторов «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории», а также работы Г.П. Мурашко, Э.Г. Задорожнюк и Г.П. Мельникова. С сожалением констатируется отсутствие молодого поколения богемистов, что объясняется «спецификой русских условий» (с. 75, 93).

Говоря о послевоенном периоде (с 1945 г.), О. Тума отмечает, что в нашей науке мало работ по этой тематике, хотя именно СССР оказывал сильнейшее влияние на ход чехословацкой истории, а российские историки имеют преимущественный доступ к важнейшим источникам этого периода – архивным материалам. Из московских авторов он выделяет таких, как Р.Г. Пихоя и М.В. Латыш (с. 98).

Более подробно российская историческая богемистика рассмотрена в специально посвященных ей статьях Р. Влчека и Э. Ворачека, в которых отмечается большой вклад русских ученых в изучение прежде всего русско-чешских отношений и связей. Р. Влчек подчеркивает значение кафедр истории южных и западных славян исторического факультета МГУ в деле подготовки будущих специалистов, а также общую направленность ее работ, сформулированную заведующим кафедрой профессором Г.Ф. Матвеевым. Это широкий контекст, учитывающий специфику развития Центральной и Восточной Европы, интегрированность событий чешской истории в мировую. Далее отмечается, что начиная с 1990-х годов резко снижается интерес российской исторической науки к истории славянства и межславянских связей, в которых ранее чешская проблематика занимала особое положение. Однако исследования в этой важной области продолжают. Здесь на первом месте остается деятельность Л.П. Лаптевой. Особо отмечается конференция, состоявшаяся в МГУ в 2006 г. в честь ее 80-летия и показавшая значительный интерес к чешской истории и культуре. Автор статьи считает, что Л.П. Лаптева заслуживает признательности прежде всего потому, что тематический охват ее работ включает почти все направления исследования чешской истории и чешско-русских отношений. Отрадно, что многие ее ученики продолжают заниматься чешской историей. Ближе всего к Л.П. Лаптевой стоит М.Ю. Досталь, интенсивно занимающаяся чешско-русскими и словацко-русскими связями в XIX в., в основном в сфере науки, культуры, а также русской эмиграцией в Чехословакии и судьбами славянской идеи.

Р. Влчек упоминает очень многих российских историков-богемистов, что придает его публикации фундированный характер, а нашу богемистику представляет как солидную научную дисциплину, изучающую почти все аспекты чешской истории.

На кафедре в МГУ чешскими проблемами XIX–XX вв. плодотворно занимают-

ся З.С. Ненашева и Е.Ф. Фирсов. Особо отмечается участие З.С. Ненашевой в проектах чешских исследователей, ее работы о проблемах славянской взаимности и формирования национального самосознания, о чехах в России. Подробно разбирая работы Е.Ф. Фирсова, Р. Влчек подчеркивает его интерес к Масарику и политической истории межвоенного периода, а также его тесные связи с чешскими историками.

Говоря о медиэвистических штудиях (А.В. Ярашева, В.Н. Ковалев, А.В. Левченков), Р. Влчек отмечает их некоторую фрагментарность, отсутствие работ синтезного характера в отличие от работ Б.Н. Флори, имеющих очень большое значение. «Наиболее значительной фигурой богемистических исследований, обращенных к раннему Новому времени» Р. Влчек считает Г.П. Мельникова, чьи научные интересы очень широки. Отмечая, что «в отличие от других историков он интересуется проблемой идентичности и формирования синтетического подхода к культурному развитию Чехии от Средневековья до XX в.», автор статьи отмечает, что такая направленность исследований является новой характерной чертой, сформировавшейся за последние 10–15 лет, что это «очень важный фактор, в существенной мере определяющий современное объективное изучение проблематики связей». В работах Г.П. Мельникова и А.В. Рандина о гусизме привлекают те стороны, которые определяют его специфику по сравнению с реформационными движениями в Западной Европе. Широтой подхода к чешско-славянской проблематике отличаются последние работы А.С. Мыльникова. И.Г. Попова, отталкиваясь от традиционного анализа славянофильства и русофильства деятелей чешского национального возрождения, создала целостный образ культурной политики в чешско-австрийском обществе XIX в. Ее работы служат еще одним примером развития русской историографии от «великих всеславянских идей» к конкретной картине проявлений славянской взаимности.

Р. Влчек подчеркивает сохранение интереса к славянофильству, русофильству, панславизму в современной российской науке, что в особенности демонстрируют различного рода юбилеи и праздники. К сожалению, на международных съездах славистов историческая славистика все более отодвигается на задний план, хотя ее тематика остается актуальной, в том числе потому, что она формирует общий подход к языку и литературе и непосред-

ственно связана с проблемой национальной идентичности. В этом ключе позитивное значение имеют работы О.А. Хоревой и А.С. Стыкалина.

Р. Влчек особо останавливается на работах о чешской культуре, где кроме синтетических текстов Г.П. Мельникова он выделяет монографические исследования литературоведов О.М. Малевича, С.В. Никольского, И.В. Иванова, И.М. Порочкиной, театроведа Л.Н. Титовой, музыковеда В.Н. Егоровой, искусствоведов Л.И. Тананаевой и Е.К. Виноградовой. При этом подчеркивается их общая культурологическая направленность, связь с общими проблемами историко-культурного развития. Высоко оценивается публикация «Чехи в Санкт-Петербурге». Из историков, занимающихся новейшей историей, Р. Влчек выделяет Е.П. Серапионову и Э.Г. Задорожнюк.

Центральными темами современной русской исторической богемистики автор считает русскую эмиграцию в Чехословакии, трактуемую в широком историческом контексте, учитывающим чешско-русские связи до 1918 г., чешское и русское политическое мышление, а также отношение Масарика к России, развитие чешского общества в раннее Новое время, его специфику, историю чешской культуры в широком культурологическом контексте. По сравнению с предшествующим периодом российская наука значительно меньше интересуется формированием современных наций. Автор с сожалением отмечает, что история собственно Чехии и чешско-русских отношений не относится к числу научных приоритетов в России, по сравнению, например, с польской тематикой. Интерес к чешской истории падает. Произошла, в связи с падением коммунизма, смена тематики исследований. На первый план вышли ранее запретные темы, прежде всего русская эмиграция в Чехословакии. Тема влияния русской революции сменилась темой негативного воздействия сталинизма. Важно отметить, что в современной российской науке много зависит от личных связей ученого с чешскими коллегами и институтами, так как это дает возможность проводить исследования в самой Чехии. Чешские историки, прежде всего медиэвисты и историки раннего Нового времени, существенно влияют на тематику работ своих русских коллег.

С конца XX в. перед российскими историками перманентно стоит вопрос, зачем российскому обществу нужно знание чешской истории. До 1989 г. богемистика

была частью более широкого понимания мира, интерес к ней был обусловлен политизацией истории. После 1989 г. и особенно 1992 г. эта политическая мотивация была утрачена. Сейчас в России господствует политический подход, для которого характерно традиционное разделение на историю Российской империи, историю «близкого зарубежья» и историю «оппонентов», т.е. Запада. Чехия теперь относится к третьей категории, однако по сравнению с «великими» державами занимает в ней второстепенное положение.

Общий вывод сформулирован Влчком следующим образом: «Позитивным, однако, является то, что некоторые традиционные темы, касающиеся славистики, в рамках которой чешскому обществу все еще принадлежит важное место, сохраняют интерес. Изменилась некогда окостеневшая методика. Например, в исследованиях так называемого славизма отошли от старого понимания “великих идеологий”, исследование перешло к анализу отдельных личностей или событий, их сравнению, выявлению философских основ и профессионализации науки». Лидерами российской богемистики остаются Москва и Санкт-Петербург (s. 195–211).

В проблемно построенном историографическом анализе Э. Ворачека, посвященном периоду 1918–1948 гг., нашим историкам уделено значительное место. Их работы (26 названий) составляют четверть всех исследований. Особо отмечаются публикации архивных документов, а также значение такого исследовательского центра, как Институт славяноведения РАН. К сожалению, и здесь существует проблема с молодыми кадрами. Э. Ворачек подробно останавливается на деятельности Института славяноведения, его достижениях и проблемах, в частности на отсутствии собственной библиотеки, на сферах деятельности его подразделений. Он подчеркивает, что Институт благодаря своему коллективу богемистов остается, после коллапса западных структур советологического профиля, единственным в мире научным учреждением, систематически и результативно занимающимся новейшей чешской историей.

Оценивая коллективный труд «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории», автор подчеркивает отсутствие методического единства отдельных глав, которые выглядят как самостоятельные, несколько изолированные исследования, что не позволяет оценить труд в целом как синтетический. В нем есть энциклопедический

подход (обилие фактического материала), но отсутствует анализ историографии. Ворачек подробно анализирует главы, написанные В.В. Марьиной, Е.П. Серапионовой, Э.Г. Задорожнюк, В.Л. Мусатовым и другими авторами, выявляя особенности подхода каждого из них. В целом книга оценивается весьма позитивно, подчеркивается ее уникальность в мировой богемистике, где развитие страны за весь XX век еще не было синтетически разработано.

Автор обращает внимание на то, что только после распада СССР стал возможен критический подход к проблематике, связанной с политикой СССР, с тоталитаризмом в СССР и странах советского блока. Таким подходом характеризуются труды В.В. Марьиной, внесшей значительный вклад в изучение советско-чешских отношений и политики 1930–1940-х годов. Сборники, издаваемые Институтом славяноведения, характеризуются широким подходом, в определенной мере также компаративистской методикой. Особенно выделяется по своей целостности и методологии совместный труд Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой, Т.А. Покивайловой «Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов нового типа. 1949–1953». Концепция книги соответствует новым тенденциям российской историографии в оценке создания «новых режимов» в послевоенной Европе. Работу отличает источниковедческая фундированность. В интерпретации заметна тенденция объяснить, упрощенно говоря защитить, советскую политику рубежа 1940–1950-х годов, что вызвало резкую критику со стороны некоторых историков. Абстрагируясь от этой полемики Э. Ворачек отмечает широту подхода авторов, считает, что их интерпретация советской политики противостоит модным западным тенденциям.

Из трудов отдельных исследователей позитивно оцениваются работы З.С. Ненашевой о чешском славянстве, Масарике, Крамарже и Штефанике, издание на русском языке сочинений Масарика включая такой важный, как «Россия и Европа», а также антологию масариковских текстов (научный редактор Е.Ф. Фирсов). Масариковедческие работы Е.Ф. Фирсова, Э.Г. Задорожнюк, О.М. Малевича, И.В. Иванова, а также монография Е.П. Серапионовой «Карел Крамарж и Россия» ставятся очень высоко, как и работы о русской эмиграции в Чехословакии (Е.П. Серапионова, Е.Ф. Фирсов, М.Ю. Досталь). Межвоен-

ным политическим развитием Чехословакии среди русских ученых систематически занимается, по мнению Ворачека, только Е.Ф. Фирсов. Проблема Подкарпатской Руси лишь недавно, в силу старых запретов, стала привлекать российских исследователей, но уже и здесь появились значимые работы (А.П. Пушкаш, В.В. Марьина, бывший сотрудник Института славяноведения И.И. Поп, ныне живущий в Чехии). В заключение автор отмечает, что до сих пор в России не издан сборник документов о событиях 1968 г. (s. 215, 218, 219, 222, 249).

В заключительной, итоговой статье анализируемого издания, принадлежащей перу Я. Панака, отмечается общая специфика российской исторической богемистики, отличающая ее от других историографий. Помимо уже упомянутых выше особенностей, он отмечает, что «открытость русской историографии зарубежным влияниям и осуществление широкого компаративного подхода к чешской тематике как к части центрально-европейского и общеевропейского развития приносит противоречивые результаты. С одной стороны, больше обращается внимания на реальный контекст чешской истории, однако, с другой стороны, мы видим падение удельного веса чешской тематики по сравнению с периодом, когда подчеркивались славянские, т.е. близкие русским, черты чешской истории. Однако, это не означает уменьшения русского интереса к чешской истории. Во-первых, потому, что Россия, восстанавливая свое положение крупной

державы, не может прерывать научных контактов с Центральной Европой. Во-вторых, потому, что именно в современной Чехии возник новый русский анклав. Хотя в начале XXI в. русская иммиграция имеет принципиально иную мотивацию по сравнению с антикоммунистическим интеллектуальным изгнанием, несмотря на это она приносит новые политические, экономические и культурные импульсы, из которых в перспективе могут родиться сейчас даже не предполагаемые темы для изучения проблематики взаимных связей» (s. 379–380).

В свою очередь, давая оценку анализу новейшей российской исторической богемистики чешскими историками необходимо констатировать его объективный характер, заинтересованность и очень хорошую, почти полную осведомленность о нашей историографии. Последнее стало возможным во многом благодаря библиографическому изданию пражского Института истории, посвященного зарубежной исторической богемистике («Scholars of Bohemian, Czech and Czechoslovak History Studies / Ed. J. Pánek, S. Raková, V. Horčáková. Prague, 2005. Т. I–III). Конечно, в докладах IX съезда чешских историков было невозможно отразить все стороны нашей богемистики, рассмотреть все работы, но то, что сделано чешскими коллегами, со всей объективностью показывает весьма весомый вклад наших ученых в мировую богемистику.

© 2011 г. А.В. Деньщикова

Славяноведение, № 3

P. JANOUŠEK a kol. Dějiny české literatury 1945–1989. Praha, 2007–2008. D. I. 1945–1948. 432 s.; D. II. 1948–1958. 552 s.; D. III. 1958–1969. 692 s.; D. IV. 1969–1989. 980 s.)

П. ЯНОУШЕК и др. История чешской литературы 1945–1989 годов. Т. I–IV.

Так называемая «бархатная революция» в ноябре 1989 г. ознаменовала конец определенного периода в истории чешского общества и чешской литературы. С тех пор прошло 20 лет, в течение которых

в Чехии было предпринято несколько попыток осмыслить литературный процесс этого периода в целом (см. [1]). Однако наиболее значительной из них можно считать четырехтомный коллективный труд «История чешской литературы 1945–1989

годов», подготовленный Институтом чешской литературы Академии наук Чешской Республики.

Хотя среди старшего поколения сотрудников Института чешской литературы было немало сторонников структурализма, учеников Яна Мукаржовского и Феликса Водички, считавших, что история литературы должна заниматься исключительно явлениями эстетического и литературного характера, инициаторы издания исходили из убеждения, что в указанный период литература настолько зависела от тоталитарного режима, что развитие ее нельзя абстрагировать от общественных условий. Тем самым рассматриваемый нами труд по своему типу приблизился к четырехтомной «Истории чешской литературы», подготовленной в том же институте в 1959–1969 гг. под редакцией академика Я. Мукаржовского. Первые тома этого издания создавались на марксистской основе, в последнем же, четвертом, возникшем в канун «пражской весны», но тогда так и не вышедшем из-за ее разгрома, в большей мере сказался структуралистский подход (см. [2]). Связь между двумя изданиями подчеркивает и хронология (труд под редакцией Яна Мукаржовского завершился 1945 г., труд под редакцией нынешнего директора института Павла Яноушека этой датой начинается), и композиция томов (общие вводные разделы, раскрывающие исторические предпосылки литературного развития и характеризующие так называемый литературный быт, и разделы, посвященные отдельным жанрам – поэзии, прозе, драматургии), и, хотя бы отчасти, состав авторов. Однако есть и существенные изменения. Исчезли большие монографические разделы о самых значительных писателях. Прибавились самостоятельные разделы, посвященные размышлениям о литературе, фактографической литературе, популярной литературе, литературе для детей и юношества (такой раздел появился уже в четвертом томе предыдущего издания), литературе в кино, на радио и телевидении. Во втором и последующих томах есть специальные подразделы о литературной жизни и продукции отдельных родов литературы в эмиграции. К сожалению, в последнем издании нет не только хотя бы кратких биографических справок, но даже не указаны даты рождения и смерти писателей. В конце 2–4 томов издания под редакцией Я. Мукаржовского публиковался «Список писателей с биографическими и библиографическими данными». Теперь же читатель вынуж-

ден обращаться к двухтомному «Словарию чешских писателей с 1945 года» (см. [3]).

Два четырехтомных труда Института чешской литературы вполне сопоставимы и по объему: в первом – 2546 страниц, во втором – 2656. Возникает вопрос: правомерен ли такой большой объем второго издания?

Ведь в одном случае рассматривается тысячелетняя история национальной литературы, в другом – временной отрезок менее полстолетия. Но в истории Чехии это было время исключительной важности, ибо речь шла об уникальном социальном эксперименте (попытка построения социализма в относительно развитой европейской стране с короткой, но устойчивой демократической традицией). К тому же проблематика этого периода сохраняет жгучую актуальность и в настоящее время.

Инициаторы издания прекрасно понимали, что сама история литературы и повествование о ней неизбежно будут различаться. Например, истории литературы рассматриваемого периода, рассказанные приверженцем сталинизма, коммунистом-реформатором и диссидентом или политическим эмигрантом, окажутся очень мало похожими друг на друга. Тем не менее П. Яноушек и его коллеги стремились к максимальной объективности, обращаясь к общенациональному адресату.

Однако рассматриваемый труд значительно более политизирован, чем четвертый том «Истории чешской литературы» под редакцией Я. Мукаржовского.

В предисловии к изданию мы читаем: «[...] литературу этой эпохи нельзя понять и интерпретировать, не принимая во внимание способы, с помощью которых специфический общественный контекст коммунистической политической системы Чехословакии формировал литературное творчество и литературную жизнь – не зависимо от того, шла ли речь о тех, кто находился в “солнечных лучах” благоклонной власти, или о тех, кто был в оппозиции или изгнании. На практике это означает также необходимость задать себе вопрос о степени участия чешской литературы и отдельных ее ветвей в зарождении, повседневной практике и разложении этой системы» (т. I, s. 15).

Критерием оценки становятся не чисто литературные качества того или иного произведения, а то, поддерживало оно или разрушало не столько даже коммунистическую доктрину, сколько вообще веру в возможность и успех целеустремленной

деятельности по усовершенствованию человеческого общества. Другим критерием оценки, столь четко не продекларированным, но последовательно проводившимся, было требование обязательной новизны, как содержательной, так и формальной. Правда, представителей католической и вообще религиозно окрашенной литературы этот принцип слишком уж строго не затрагивал.

Полемизируя в предисловии к изданию с деконструктивистскими и постмодернистскими представлениями о том, что прошлое есть лишь груда взаимно независимых фактов, что настал конец традиционной историографии и возможна лишь произвольная смена дискурсов, П. Яноушек отстаивает сочетание дедукции и индукции в методологии истории литературы. Но дедуктивный тезис, согласно которому все, что было связано с коммунистическим и вообще социалистическим или даже просто левым движением, фактически подготавливало рождение тоталитарной системы, приходит в противоречие с данными индуктивного исследования, показывающими, что в Чехии был возможен иной, свой собственный, демократический путь развития.

Эта неполная адекватность подхода к историческому материалу по-разному проявилась в разных томах анализируемого издания.

Первый его том посвящен периоду 1945–1948 гг. – от майского пражского восстания до февральского коммунистического переворота. Рассматривая политическую и культурную обстановку этих лет, авторы соответствующего раздела убедительно показывают, что большая часть чешского общества (включая и президента Бенеша, и такого сторонника демократии западного образца, как Фердинанд Пероутка, и принципиального защитника индивидуальной свободы Вацлава Черного) была не удовлетворена социальной структурой межвоенной Чехословакии, поддерживала идеи народной демократии и социализма. И хотя в эти достаточно расплывчатые понятия вкладывался разный смысл, в обществе сохранялись возможности для достижения разумных компромиссов и консенсуса. К руководству культурой были привлечены сами деятели культуры. В области культуры представители всех левых партий выступали в сущности единым фронтом. Никто не покушался на свободу творчества. Народная демократия была демократией ограниченной. В политической жизни не участвовали партии, актив-

но поддерживавшие политику гитлеровской Германии. Были весьма умеренно наказаны (исключением на определенный срок из Синдиката чешских писателей, лишением на определенный срок права занимать выборные должности в этой профессиональной организации или просто вынесением выговора) два десятка литераторов, сотрудничавших с гитлеровским режимом или поддерживавших его идеологию (вплоть до открытого антисемитизма). Уже возникли моменты государственного регулирования, но они в основном были направлены против бульварной литературы и поддерживались объединениями издателей и книготорговцев.

В разделах, непосредственно посвященных различным родам (поэзия, проза, драматургия) и жанрам литературы, рассматривается весь спектр существовавших в это время явлений и тенденций. Например, в поэтическом разделе представлены и поэзия жертв войны, и так называемая поэзия баррикад, и лирика христианской ориентации, и «миф обыденной жизни – творческий импульс Группы 42», и новые подобию сюрреализма, и разные направления исканий молодой поэзии.

В прозаическом разделе самостоятельные главы отведены и «Репортажу с петлей на шее» Юлиуса Фучика, и творчеству Иржи Мухи, Эгона Гостовского и Иржи Вайля. Ставшие позднее эталонными роман Марии Пуймановой «Игра с огнем» и сборник рассказов Яна Дрды «Немая баррикада» подвергнуты строгому анализу, но полемика прежде всего ведется против глорификации и канонизации этих произведений позднейшей критикой. Сохранили, по мнению авторов тома, художественную ценность и комедия Я. Дрды «Игра с чертом», шедшая и на советской сцене, и ранее замалчиваемая драма Ф. Пероутки «Облако и вальс».

В целом же в томе существует явная диспропорция между удельным весом разделов, посвященных главным художественным явлениям этого периода, и разделов, посвященных литературной жизни и фактографической, популярной и детской литературе, а также литературе в масс-медиа. Частично это объясняется характерной для этого времени диспропорцией между литературными установками и литературной борьбой, с одной стороны, и реальной художественной продукцией – с другой, что отмечено и самими авторами тома.

Второй том охватывает 1948–1958 гг. Для него характерна та же диспропорция,

но объясняется она не количеством, а качеством реальной художественной продукции. Издано или поставлено на сцене было много, но очень немного из написанного или поставленного сохранило свою художественную ценность.

1948–1953 гг. – одно из самых драматических в истории Чехии пятилетий. Если проводить параллель с нашей историей, за этот короткий срок в Чехии произошло все то, что у нас в период 1917–1922, 1929–1933 и 1937–1938 гг., т.е. смена общественного строя и связанные с ней репрессии. Надежда на особый путь Чехии к социализму была похоронена. О масштабах событий и числе недовольных можно судить по количеству эмигрантов, которое приводится в рассматриваемом нами издании. В 1948–1950 гг. Чехию покинули 60 000 человек, в 1948–1968 гг. – свыше 250 000. Возникла литература эмиграции, о которой авторам издания приходится говорить особо. Возникает параллельная культура (андерграунд), о чем также говорится уже в этом томе. Массовые репрессии в стране коснулись и писателей. Среди деятелей культуры прокатилась волна самоубийств. Некоторое смягчение наступает после смерти Сталина и Готвальда. Но последствия XX съезда КПСС сказываются в Чехии с опозданием – в 1957–1958 гг., чем и объясняются хронологические рамки тома.

Раздел «Поэзия» открывается в этом томе подразделом «Поэзия как выражение официальной идеологии». Но первая же персональная глава называется «Символ отвергнутой поэзии и призыв к сохранению собственного характера: Франтишек Галас». В томе упоминается так называемое завещание Галаса, автором которого скорее всего был Индржих Халупецкий, но ничего не сказано о стихотворении Галаса «Анна Ахматова», написанном еще в 1947 г. в Ленинграде как явный протест против осуждения поэтессы Ждановым. Еще одна персональная глава – «Сейферт и его поэтическое тяготение к интимности». Между ними помещена глава «Путь к компромиссу: Незвал, Библ, Завада». Все это были поэты левой ориентации. Адептами схематичной, упрощенной, декларативной поэзии по преимуществу оказывались наивные и честолюбивые юнцы (к примеру, внук автора «Красных напевов» С.К. Немана – Станислав Нейман). Под непосредственным влиянием современной советской поэзии (Исаковский, Щипачев) начинал свою литературную деятельность Павел Когоут. Таким образом, решающи-

ми были не социальные симпатии того или иного автора, а его отношение к принципам демократии и свободы творчества, отрицаемым коммунистической диктатурой.

Вместе с тем авторы тома наглядно демонстрируют кризис поэтического творчества, порожденный культом личности Сталина (в Чехии точно так же насаждался культ личности Готвальда) и упрощенным подходом к задачам литературы, а затем пути, по которым шла чешская поэзия, освобождаясь от догматического панциря (уход во внутреннюю эмиграцию – Владимир Голан, в детскую поэзию – Франтишек Грубин, в мир интимных переживаний; возобновление сюрреалистических исканий; объединение поэтики Группы 42 на поэтов, объединившихся вокруг журнала «Květen» («Май»).

В каждом из последующих разделов тома сначала характеризуется установочный канон эпохи (социалистический реализм, классовость, партийность) и говорится о произведениях, в наибольшей мере ему соответствующих. Таким, например, был роман Вацлава Ржезача «Наступление». Тем не менее авторы раздела о прозе признают профессионализм писателя. В дальнейшем рассказывается о том, как установленный после 1948 г. догматический канон разрушался. В сущности повторяется то, что уже было отмечено критикой «золотых шестидесятых». Разве только вместо романа Яна Отченашека «Гражданин Брех» на первый план выдвигается менее идеологизированный роман прозаика старшего поколения Эдуарда Валенты «Иду за зеленым светом» (в обоих произведениях главный герой – интеллигент, ищущий свое место в жизни). Со знаком плюс оцениваются еще несколько авторов и произведений, которые современной им критикой оценивались со знаком минус (например, первые два романа Адольфа Бранальда «Северный вокзал» и «Санитарный поезд»). Говорится о перемещении внимания писателей к средним и малым прозаическим жанрам, о проникновении в прозу фантазии и лиризма (Людвик Ашкенazi). В исторической прозе наиболее высоко оценивается творчество Владимира Неффа (многие его романы были переведены и на русский язык). Специальная глава отведена раскрытию нового взгляда на эпоху войны («Год рождения двадцать первый» К. Птачника, «Картотека живых» Н. Фрида, рассказы Э.Ф. Буриана). В драматургии наибольшее внимание уделяется П. Когоуту, пьеса которого «Такая любовь» стала культовой во всем

социалистическом лагере и даже проникла за его пределы. Новым по сравнению с критикой и литературоведением 1960-х годов является в этом томе разговор о литературе эмиграции: внешней (Ян Чеп, Зденек Немечек, Эгон Гостовский) и внутренней (Иржи Колар, Ян Ганч, Ян Забрана, Эгон Бонди, Богумил Грабал, Йозеф Шкворецкий).

Хотят ли того или не хотят авторы издания, подчас в их изложении выходит, что всякое выражение радости, оптимизма, положительного и деятельного отношения к жизни неизбежно ведет к художественному упадку, а скепсис и разочарование, разложение и распад, акцентирование низменного (вплоть до порнографии) и безобразного обеспечивают высокое художественное качество. По этому поводу хочется процитировать слова Вилема Завады, которые приводятся в том же издании: «Художник не приукрашивает и не покрывает позолотой. Не поэтизирует и не идеализирует, но также не очерняет. У великого художника и по его отрицанию можно судить о силе его позитивного мироощущения» (т. III, с. 187).

«Золотые шестидесятые» походили в Чехии на «большой взрыв». Это был гигантский выброс накопленной за многие годы творческой энергии цивилизованного народа, созревшего для свободы и желавшего стать свободным. Многовековая мечта о самостоятельном историческом творчестве в этом десятилетии вновь прорвалась наружу и выплеснулась в литературу, как это уже раз было на рубеже 10-х и 20-х годов XX в. Два публичных выступления в концентрированной форме выразили две концепции происходящего. Одну сформулировал ставший впоследствии эмигрантом и великим скептиком Милан Кундера. В статье «Чешский удел» он писал, что, сделав попытку осуществить «социализм без засилия тайной политики, со свободой письменного и устного слова» и единодушно выступив против иностранного вмешательства в свою судьбу, чешский народ оправдал свое право на самостоятельное бытие и оказался в центре мировой истории. Другую точку зрения высказал ставший впоследствии народным героем и президентом Вацлав Гавел, который в статье «Чешский удел?» утверждал, что в 1968 г. речь шла не о каком-то особом историческом пути чешского народа, а о восстановлении нормально государственного функционирования, и говорил об иллюзорности представления о национальном единстве в обстановке, ког-

да политическое руководство страны постепенно сдает завоеванные ранее позиции. Тут впервые был поставлен вопрос, к чему должно вести дальнейшее развитие – к утверждению новой формы социализма или к простому возврату в прошлое? В томе прослеживаются перипетии идеологической борьбы, которая в конце концов привела к «пражской весне». Авторам тома, посвященного этому десятилетию (1959–1969), с трудом удается хотя бы только бегло перечислить и кратко охарактеризовать индивидуальности, составлявшие тогдашний многоголосый хор. Если же говорить о критическом отношении к нему, то оценки тут почти не изменились. Переоценка всех ценностей была произведена чешской критикой уже на протяжении самого этого десятилетия.

Собственно единственно приемлемой авторской позицией признается экзистенциалистская. Парадоксальным образом критикуются за несоответствие ей политические антиподы – Ян Отченашек как автор повести «Ромео, Джульетта и тьма» и романа «Хромой Орфей» и Ян Бенеш как автор повести «Второе дыхание», которую англо-американская критика сравнивала с «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицына.

Последний том издания, посвященный 1969–1989 гг., – самый объемистый (978 страниц). В нем кардинально изменено само построение, сам принцип изложения материала. Если ранее главным руслем развития литературы считалось все же то, что происходило в Чехии, а рассказ о внешней и внутренней литературной эмиграции имел подчиненное значение, то теперь каждый раздел, в котором рассматривается развитие того или иного рода литературы, начинается с изложения процессов, проходивших во внешней эмиграции и андерграунде, рассматриваемых как общающиеся сосуды. Это вполне оправдано ситуацией, сложившейся после разгрома «пражской весны», похоронившего надежды чехов на собственный исторический выбор. После февральского коммунистического переворота 1948 г. Чехию покинули сотни политиков и журналистов, но очень немногие значительные поэты и прозаики. Теперь во внутреннюю или внешнюю эмиграцию ушли писатели, составлявшие костяк чешской литературы 1960-х годов.

Литература внешней и внутренней эмиграции впервые предстает перед читателем и в своей организационной структуре, и в многообразии течений и полемичес-

ких столкновений, и в своем формальном и содержательном богатстве. Особенно это касается андерграунда. При этом названы десятки имен весьма не равноценного творческого потенциала. Никаких тематико-идеологических критериев в этих подразделах и главах не прослеживается. Другой подход присутствует в подразделе «Поэзия на службе режима». Живой классик Вилем Завада оказался в нем только потому, что вступил в новый Союз чешских писателей. Сами же авторы подраздела убедительно показывают, что творчество маститого поэта не имело ничего общего с установками «нормализаторов». Одноименной тематикой оказывается даже осуждение Пиночета или колониальной войны во Вьетнаме. Бездарность критикуется не потому, что она бездарность, а по тематико-идеологическому принципу. В результате оценка творчества Мирослава Флориана, на мой взгляд, не вполне объективна. И уж вовсе выпал из поля зрения авторов тома погибший в борьбе с фашизмом Индржих Вихра, стихи которого были опубликованы только в 1970-е годы. Преобладание тематического, а не личностного принципа привело к тому, что совсем затерялась «неофициальная» поэзия Вацлава Грабе.

В прозе внешней и внутренней эмиграции задавали тон авторы, продолжавшие традиции 1960-х годов, из которых, несомненно, самыми значительными были Милан Кундера и Йозеф Шкворецкий. Ряд молодых прозаиков талантливо дебютировал уже в эмиграции. Именно проза некоторых молодых эмигрантов с позиций последовательного нонконформизма отвергала эстеблишмент как на Востоке, так и на Западе, отвергая деление мира на империю зла и добра.

По собственному признанию авторов издания, проза чешского андерграунда не богата.

В главе «Общественно-исторический роман как выражение преданности социализму» весьма критически рассматриваются книги издававшихся у нас в 1970–1980-е годы Я. Коларовой, К. Мисаржа, З. Плугаржа. В. Адловой. Но при разборе романа Плугаржа «В шесть вечера в “Астории”» наряду с дидактическими моментами отмечается и его привлекательность для читателей.

Наибольший интерес представляют главы подраздела «Авторы шестидесятых годов и их компромисс с нормализацией», посвященные творчеству таких талантливых писателей, как Ота Павел, Ладислав Фукс, Владимир Парал и Богумил Грабал.

Книги О. Павла стали настоящим открытием для читателей начала 1970-х годов. Никакого компромисса с существующим режимом О. Павел не заключал. Но когда стало ясно, что задуманный им автобиографический роман в новых условиях выйти не может, он издал его «осколки» в виде циклов рассказов, которые тоже не были гарантированы от произвольных изъятий. В. Парал, как показывают авторы раздела, и без изменения общественной ситуации в силу самой логики своего творчества (вслед за «черным» циклом романов задумывался «розовый») вынужден был обратиться к поискам положительных героев. Наиболее мучительным нащупывание нового пути оказалось для Л. Фукса, который после обращения к различным жанрам популярной литературы и двух книг с требуемой режимом тематикой создает монументальный роман о смене эпох «Герцогиня и кухарка». Протеистическая натура Б. Грабала позволяла ему без особого насилия над собой создавать новые варианты своих произведений и даже соединять два произведения в одном по принципу коллажа (книга «Клубы поэзии», в которой нечетные главы воспроизводили текст мемуарной повести «Нежный варвар», а четные – повести «Шумное одиночество»).

В изложении авторов тома чешская проза распадается на основные пласты: прозу эмиграции и андеграунда, с одной стороны, и подцензурную прозу – с другой. Как мне кажется, нередко тенденции были общими. К примеру, раскрытие великого в малом и выбор в качестве героя маленького человека, как бы вышедшего из традиции плутовского романа, объединяет самиздатовский роман Я. Путика «Человек с бритвой» и рассказы О. Павла, романы Б. Грабала «Я обслуживал английского короля» и И. Марека «Мой дядюшка Одиссей».

Особенностью драматургии данного периода было то, что часто это была драматургия без театра. Пьесы представителей андерграунда и диссидентского движения в лучшем случае ставились на любительской сцене («Опера нищих») В. Гавела в провинциальном любительском «Театре на сквозняке»), или в квартирных условиях («квартирный» театр известной актрисы Власты Храмовой; сам этот театр становится объектом изображения и темой пьесы Когоута «Мария борется с ангелами»). Пьесы драматургов эмиграции или вообще не получали сценического воплощения, или ставились зарубежными теат-

рами в переводе на иностранные языки. Самыми успешными на зарубежной сцене драматургами стали П. Когоут и В. Гавел. Большой популярностью на Западе пользовались так называемые ваньковки (главным действующим лицом в них был писатель-диссидент Фердинанд Ванек, в разных ситуациях сталкивающийся с властями предрержащими). Помимо Гавела и Когоута, черты которых этот сценический образ в себя вобрал, пьесы с этим действующим лицом написали П. Ландовский и И. Динстбир. Пьесы Й. Тополя («Прощай, Сократ!», «Переселение душ», «Голоса птиц») долгое время находились под запретом и выходили в самиздате, так же как и пьесы многих других авторов, не покинувших родину, но ставших на Западе.

В Чехии многие театры, творческие руководители которых были в скрытой оппозиции режиму, предпочитали на сцене возможность обходиться без слов. «Большую драматургию» в них заменяли ревью и текст-эпилы (один из самых талантливых авторов таких текстов для чтения со сцены Иван Выскочил даже называл свои выступления «Неттеатром»). В этих жанрах завоевали широкую популярность Иржи Сухи (основной автор и художественный руководитель театра «Семафор») и создатели «Театра Ярды Циммермана» (вымышленный персонаж) З. Сверак и Л. Смоляк.

Так же как и в предыдущих разделах, авторы официальной сцены делятся в этом томе на три идеологические (или скорее даже политические) категории: сторонники «реального социализма», авторы, пишущие в рамках дозволенного, и авторы, по своей творческой сути оппозиционные. Порой одни и те же авторы оказываются в разных идеологических разрядах. Дело еще осложняется тем, что многие официально признанные драматурги шли на риск и разрешали выступать под своими фамилиями опальным авторам. Советская доперестроечная и перестроечная драматургия способствовала смягчению цензурного климата в Чехии, и некоторые пьесы чешских драматургов в конце 1980-х годов то запрещались, то в конце концов разрешались.

Раздел четвертого тома, посвященный драматургии, особенно богат мало известным материалом, написан легким и доступным для читателя языком. Но в нем и более отчетливо, чем в других разделах, проявляется композиционная неупорядоченность: авторы его полностью отказываются от попытки проследить творческий путь того или иного драматурга (редкие исключения – Й. Тополь и К. Штейгервальд)

и руководствуются исключительно идеологическими, тематическими и жанровыми принципами классификации. Причем зрительский успех, в сущности, не считается показателем художественного качества.

В условиях идеологического диктата свыше естественными были попытки уйти от современности в прошлое. Пьесам с исторической или мифологической в широком понимании этого термина тематикой посвящены два подраздела – «Драма исторических аллегорий» и «Другие подобия драмы-модели». Критерии, определяющие этот водораздел, недостаточно четки. Было бы, вероятно, более логичным дать авторские портреты наиболее значительных драматургов – О. Данека, И. Шотолы, Й. Боучека, Д. Фишеровой.

В результате множественности, разнохарактерности и нечеткости критериев классификации и излишней раздробленности изложения одни и те же авторы многократно попадают то в одну, то в другую рубрику. В целом же индуктивный анализ литературного материала подводит нас к выводу, что не существовало столь уж великого водораздела между официально признаваемой и отвергаемой режимом драматургией. Для всей чешской драматургии этого периода был характерен отход от «картин жизни» к пьесам, представляющим собой литературные модели действительности, и от этической к социально-политической, публицистической критике. В этом разделе вовсе не ставится проблема индивидуального таланта и поэтому, может быть, теряется главное.

Все четыре тома интересно иллюстрированы и снабжены обширной комментированной библиографией.

Я не сказал о многих сторонах анализируемого фундаментального издания, которое, на мой взгляд, не лишено недочетов, но представляет собой итог огромного и добросовестного коллективного труда.

© 2011 г. О.М. Малевич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Holý J.* Česká literatura IV. Od roku 1945 do současnosti (2. Polovina 20. století). Praha, 1996; *Machala L., Petrů E.* Panorama české literatury. Literární dějiny od počátků do současnosti. Olomouc, 1994; *Kožmín Z., Travníček J.* Na tvrdém loži z psiho vína. Česká poezie od 40. Let do současnosti. Brno, 1998.
2. *Dějiny české literatury.* Praha, 1959–1961. D. I–III; Praha, 1995. D. IV.
3. *Slovník českých spisovatelů od roku 1945.* Praha, 1998. D. I. A–L.; D. 2. M–Ž.

Из Югославии в СССР, или Непридуманнные истории из жизни одного поколения / сост. Г.И. Бутурович, Е.Л. Куликовская-Касалица, А.Р. Тогунац. СПб, 2009. 333 с.

«В этой книге собраны истории жизни сербов и хорватов, боснийцев и словенцев, македонцев и черногорцев, тех, кто родился и жил в Югославии в первой половине прошлого века и после Второй мировой войны волею судьбы оказался в СССР. Лучшие из лучших, победители в войне с нацизмом и фашизмом, молодые и жизнерадостные – они были выбраны страной для получения высшего образования в СССР. Эти молодые люди не были политиками. Их объединяло желание жить и работать в лучшем мире, без войн и несправедливости. Обычное человеческое желание», – пишут авторы-составители в коротком предисловии к этому уникальному изданию.

Его уникальность обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, это рассказ от первого лица о времени, которое в нынешних умах строителей очередного нового мира не иначе как застоём, тоталитаризмом, совком и прочими нелюбимыми словами не называется. Впрочем, в книге нет политики или почти нет, есть война с фашизмом за освобождение своей Югославии, а потом и сама «младая жизнь» в СССР, которую никак нельзя ассоциировать с застоём. Шло строительство самого мощного в мире социалистического государства и себя.

Во-вторых, в исследованиях историков связи народов Югославии и России, прежде всего России и Сербии, рассматривались в основном на протяжении XVIII – начала XX в. Послевоенное время и фактический разрыв отношений с Республикой Югославией в конце 1940-х годов, преодолённый в середине следующего десятилетия, в исторической литературе освещался исключительно на политическом поле. Поэтому столь важно появление этой книги воспоминаний тех, кто воевал за свободу, кто связал свою судьбу с судьбой принявшей их страны и участвовавших в ее строительстве. Один из них, Миодраг Крстич, писал своему дяде: «Пришел самый радостный день в моей жизни – 16. 02. 1946 г., когда нам сообщили, что до 1. 03. 1946 г. мы должны быть в СССР, ты есть когда начинается обучение. Дядя, ты не можешь себе представить эту радость, когда после 5 ме-

сяцев ожидания вдруг, как гром среди ясно-го неба, приходит эта весть из Генерального штаба ЮА (Югославской армии. – В.К.). Сейчас как раз собираюсь в путь [...] Меня переполняет какая-то душевная радость, и я с трудом ожидаю, когда сяду в поезд и как можно скорее отправлюсь в любимую нами страну Советский Союз» (с. 187).

В-третьих, нет ничего ценнее свидетельств самих людей о времени, в котором они боролись, учились, работали. Именно этим и уникальна настоящая книга, позволяющая взглянуть на ушедший мир через восприятие людей, живших в нем. Разумеется, их можно упрекнуть в субъективности, но в ответ можно только сказать, что сама жизнь субъективна. И если кто-то ее переделывает, то это историки. И, может быть, издание этой книги поможет читающему ее воспринимать мир в его многоцветье.

Воспоминания помогут воссоздать сложное и грозное время войны югославских борцов с фашизмом, оживить картины освобождения Югославии, боевых встреч с бойцами Красной армии, показать сам дух борьбы югославских народов. Пожалуй, из всего, что я читал о том времени, это одна из лучших книг, в которых повествуется о войне боевых частей И.Б. Тито, об организации сопротивления.

И в то же время эта книга представляет собой свод ярчайших свидетельств о годах учебы в СССР, в основном в военных заведениях, о решении остаться в Советском Союзе во времена Информбюро, о последующей жизни и труде в принявшей их стране, о семьях, равно как и воспоминания родных и друзей о героях этого труда.

И в завершение стихи Анны Ахматовой, которые так любил один из югославских русских, Борислав Иичич: «А у меня – моя Россия... / Моя. До капельки. До дна. / Единственна – как мать для сына / Как сердце и как жизнь – одна».

Завершает книгу история Санкт-Петербургского общества южных славян «Югославия», благодаря стараниям членов которого были собраны представленные в ней рассказы, фотографии, документы, публикации.

© 2010 г. В.И. Косик

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «РУССКИЙ (СОВЕТСКИЙ) СОЛДАТ В ЛИТЕРАТУРНОМ И НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ»

На «круглом столе», организованном Центром истории литератур западных и южных славян в рамках проекта по Программе ОИФН РАН «Роль русско-славянских связей в становлении, развитии, консолидации и дифференциации славянских литератур», предполагалось, как было отмечено его руководителем *Л.Н. Будаговой*, рассмотреть образ русского (советского) солдата в литературном и народном творчестве западных и южных славян периода Второй мировой войны и послевоенных лет. Осмысляя эволюцию этого образа, особое внимание предлагалось уделить произведениям, отразившим самую непосредственную реакцию на события войны и освобождения их свидетелей и участников и еще не скорректированным, как это случилось впоследствии, политической конъюнктурой, потерей памяти или разочарованиями в послевоенной реальности.

Открывая заседание «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2010 г., *Л.Н. Будагова* сказала, что оно выполняет двойную задачу, а точнее, творческую потребность: во-первых, делом откликнуться на 65-летие Великой Победы над фашистской Германией, и, во-вторых, начать реализацию второй темы проекта по русско-славянским связям, поддержанного ОИФН, – «Русский человек в восприятии славян. По материалам художественной, документальной, научной литературы». Работа над первой темой проекта, «Н.В. Гоголь и славянские литературы», в рамках которой состоялась международная одноименная конференция (10–11 ноября 2009 г.), находится на стадии завершения авторской работы над запланированным сборником.

В заседании «круглого стола» приняли активное участие сотрудники Центра современных славянских литератур, а также исторических отделов Института.

В выступлении *А.Ф. Носковой* «Образ советского солдата в Восточной Европе (1945 г.)» говорилось о том, что в настоящее время в научной литературе активно и не всегда исторически корректно воспроизводится роль Красной армии и облик советских солдат, освобождавших страны Восточной Европы от фашизма. На основе конкретных документальных материалов докладчица, признавая не только позитивные облик и отношение советских военнослужащих к местному населению, доказала, что в страны Европы пришли не оккупанты, а солдаты, спасшие многие народы от неминуемой национальной и физической гибели.

Л.Н. Будагова посвятила свой доклад «Владимир Голан. “Красноармейцы”» анализу поэтического цикла чешского автора. Она отметила, что в чешской поэзии, обратившейся к названной теме сразу после войны (Ф. Галас, В. Завада, Ф. Грубин, Я. Сейферт, М. Пуйманова, Ф. Шрабек, В. Незвал), присутствовал образ Красной армии как освободительницы. Цикл «Красноармейцы» (1946, опубл. 1947), по мнению Будаговой, относится к тому лучшему, что написано в мировой поэзии о русских солдатах Второй мировой войны. В нем создано 19 словесных портретов красноармейцев. Голан упрощает свою поэтику, его цикл отличают предельная конкретика и будничность стиля, в отличие от его раннего творчества. Докладчица поставила вопрос, изменилось ли отношение автора к циклу в связи с переоценкой восприятия Советского Союза в негативную сторону. Будагова считает, что утверждения о том, будто Голан отказался от цикла, не соответствуют

действительности. О значимости этого произведения свидетельствуют и недавние исследования чешских литературоведов.

С.А. Шерлаимова в своем выступлении, озаглавленном «Эволюция образа или смена стереотипов?», показала, что чешская литература первых лет после освобождения пронизана мотивами благодарности советским воинам-освободителям, прославлением героев антифашистского движения. Начало нового подхода к изображению событий мая 1945 г. обозначил роман *Й. Шкворецкого* «Малодушные» (1958), где с известной ироничностью описаны не только чешские приспособленцы, вывешивавшие соответствующие флаги в зависимости от того, чьи войска вступали в город, но и советский генерал, пугающийся неожиданного выстрела. Роман подвергся резкой критике, в том числе и с точки зрения его свободной формы, но с его выходом в свет можно говорить о новом периоде в раскрытии темы освобождения Чехии Красной армией. После «бархатной революции» эта тема вообще отошла на задний план, а образ советского солдата если и появлялся в произведении, то преимущественно в роли насильника. Это относится к целому ряду романов видного представителя чешского постмодернизма *И. Крадохвила*. Надо, однако, заметить, что по-прежнему сохраняется в целом позитивное отношение к русской культуре.

Противоречиям в восприятии советского солдата был также посвящен доклад *И.А. Герчиковой* «“Майские звезды” или “мороз из Кремля”?», в названии которого использованы знаковые образы чешской литературы.

В докладе *Н.В. Шведовой* «Образ советского солдата в словацкой поэзии 1940–1950-х годов» рассматривался образ русского солдата в послевоенной словацкой поэзии. Как героев, ценою своей жизни спасших жизни словацких братьев, воспевают воины в 1945 г. признанный мэтр словацкой литературы *Я. Есенский*, демократ-антифашист и русофил. Известный прозаик *Ф. Гечко* в сказочно окрашенном сборнике «Славянские стихи» (1946) называет «Ивана-молдца» «старшим братом», который уничтожит смерть, и «братом Медведем», которого он не боится. Интересна эволюция крупнейшего словацкого сюрреалиста *В. Райсела*, который славит солдата-освободителя еще в сборнике «Зеркало и за зеркалом» (1945), созданный в русле названной поэтики, а затем, как и его собратья, резко меняет манеру на традиционную, вписавшуюся в рамки социалистического реализма. В сборниках Райсела «Мир без господ» (1951), «Дóма» (1953), «Любимые любящие» (1954) образы советских солдат выписаны с искренней любовью и благодарностью. И лишь события 1968 г. заставили поэтов (например *Я. Стахо*) воспринять советского солдата негативно («не брат», «не славянин»).

«Образ русского (советского) воина в словацкой прозе после 1945 г.» проанализировала *Л.Ф. Широкова*. В конце 1940-х – начале 1950-х годов наблюдается монументализация, порой схематизация фигур советских партизан, солдат-освободителей, образы здесь часто плакатны, лишены индивидуальных черт и при этом эмоционально окрашены искренним, восторженным отношением автора. В романтическом ключе рисует такие персонажи *Й. Горак*, тяготеющий к течению натурализма (роман «Горы молчат», 1947). Иные по идейному наполнению образы русских партизан в романе приверженца социалистического реализма *П. Илемницкого* «Хроника» (1947), в котором повествуется о сотрудничестве русских и словаков в организации очага антифашистского сопротивления. Отношение к русским партизанам в романе – восхищение и братская благодарность. Будучи, как правило, персонажами второго плана, русские обрисованы чаще всего скупой, пунктирной, хотя и с явной авторской симпатией.

На южнославянском материале тему рассмотрела *Т.И. Чепелевская* («Образ русского солдата в словенской поэзии 1941–1945 гг.»). Поэзия военного времени включает в себя несколько потоков: это достаточно хорошо исследованная в нашей научной литературе партизанская поэзия, или поэзия Сопротивления, произведения, издававшиеся в легальных изданиях в период оккупации Словении, а также сочинения малоизвестных и неизвестных самодельных авторов, созданные в тюрьмах, лагерях, изгнании. Образ России (именно России, а не Советского Союза) становится в стихах военных лет символом единения народов, борющихся против фашизма, олицетворением общеславянской дружбы и залогом победы (*М. Бор*). Образ русского солдата у словенских поэтов то наделялся исключительными чертами героя-освободителя (ода «Освободителям» *О. Жупанчича*, 1945), то воспринимался как образ рядового борца, подобного словенским партизанам. Художественными документами эпохи становятся стихи, воссоздающие реальные встречи словенцев с русскими в партизанском отряде или в немецком лагере.

Ю.А. Созина в докладе «Сполохи прошлого в романе *Й. Сноя* “Господин Пепи, или Ранний поиск имени”» обратилась к автобиографическому роману современного словен-

ского писателя (2000), в котором Вторая мировая война показана как через восприятие ребенка, так и с сегодняшних позиций автора. Русские мотивы появляются здесь эпизодически, но они передают атмосферу, царившую в те далекие годы в Словении. Русские несут в себе идею непобедимого славянского духа, мужества атакующих бойцов, о которых немцы «обломают зубы». С другой стороны, здесь присутствует страх перед великими (по сравнению с самими словенцами) государствами, которые якобы хотя и «пожрать» малый народ. В романе выражена и глубокая любовь к русской культуре.

В работе «круглого стола» участвовали также историк *Н.С. Пилько* («Советские люди в словенских партизанских отрядах») и литературовед *А.Г. Шешкен* («Образ русского солдата в мемуарной прозе М. Бабовича»).

После основных выступлений прошла оживленная дискуссия. *Ю.В. Богданов* отметил, что на восприятие русских солдат у словаков влияло их традиционное русофильство. Это заметно и в прозе (Илемницкий), и в поэзии (Райсел). Богданов продолжил намеченное в докладе Н.В. Шведовой размышление о неоднозначности в оценке творчества Райсела (его принятие действительности после 1968 г.). *Л.Н. Будагова* подчеркнула, что в Словакии пост главного редактора ведущего литературного журнала, в силу более мягких условий «нормализации» 1970-х годов, не свидетельствовал о чисто конъюнктурной деятельности. Важное дополнение к теме сделал *В.А. Хорев*. Опираясь на польский материал, он отметил, что и документы, и художественные произведения свидетельствуют об острой идеологической борьбе по вопросу «освободители или оккупанты?». Необходимо, по его мнению, учитывать и эмигрантскую литературу, фиксировать противоречивость восприятия (творчество М. Домбровской). Хорев также высказал суждение, что проанализированная литература в основном забыта, и забыта заслуженно. Ему возразила *Л.Н. Будагова*, утверждая, что многие были забыты несправедливо, и прошедший «круглый стол» своевременно напомнил об этом. *А.Ф. Носкова*, развивая польскую тему, рассказала об отношении к проблеме «оккупации» современных польских историков, которые готовы считать ее надуманной и видят немало хорошего в послевоенной польской действительности. В целом отношение к советскому солдату – доброе. *А.Г. Шешкен* заметила, что поляки утверждали новые порядки сами.

В заключительном слове *Л.Н. Будагова* констатировала, что сотрудничество с историками оказалось плодотворным. Вопреки некоторым современным подходам, нельзя сбрасывать со счетов культуру послевоенных лет, которая обладает документальной достоверностью. Восприятие советского солдата в литературах западных и южных славян в первые послевоенные годы, при всей неоднозначности, чаще положительное, чем отрицательное.

© 2011 г. *Материал подготовлен Н.В. Шведовой*

Славяноведение, № 3

КОНФЕРЕНЦИЯ «КОНЦЕПТ ВЕЩИ В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ»

С 21 по 23 сентября 2010 г. отделом истории культуры славянских народов была проведена Международная научная конференция «Концепт вещи в славянской культуре». Конференция состоялась в рамках проекта «Повседневные практики и их отражение в аксиологической системе славянских текстов» (Грант РФФИ № 08-06-00246а, рук. – д-р искусств., зав. отделом истории культуры славянских народов ИСл Н.В. Злыднева). Настоящая конференция стала третьей в серии «Концепт еды» – «Концепт одежды» – «Концепт вещи» и продолжила исследования по изучению кодов повседневности в славянской культуре. Эти исследования, в свою очередь, ведутся в контексте изучения ценностных категорий славянской культуры, составляющих ядро научных интересов Отдела на протяжении двух десятилетий. В конференции приняли участие 24 докладчика, из них 9 иностранных славистов из Сербии, Хорватии, Венгрии, Германии.

Первый докладчик *Й. Ужаревич* (Загреб, Хорватия) выступил с сообщением «Порождение вещи», в котором представил свою концепцию соотношения вещи и вещества, вещи и знака, вещи и художественного произведения. По определению *Й. Ужаревича*,

вещь представляет собой свернутую культуру, а художественное произведение – свернутый мир. *М.В. Лескинен* (ИСл) посвятила свой доклад материальным атрибутам этнической идентификации. *О.В. Белова* (ИСл) в докладе «Предметы иудейского культа в поверьях и магических практиках славян» (по материалам экспедиции в Подолию, Северную Бессарабию, Буковину и Галицию 2004–2010 гг.) показала взаимопроникновение славянских и еврейских представлений о культовых артефактах (мезуза, тфилин, талес и др.) и выявила преемственность культурной традиции, связанной с восприятием «мифологии» сакральных предметов в условиях, когда этническое соседство евреев и славян стало фактом истории. О предметности обрядового акта лечения «испуга» сообщил *В.Л. Кляус* (ИМЛИ им. М. Горького, Москва), сопроводив свой рассказ видеопрезентацией, снятой во время экспедиции в различных районах славянского мира; были продемонстрированы совпадения в использовании материалов (свинец, воск) и в ходе проведения обряда, что свидетельствует о его древности и происхождении из общего источника.

Дневное заседание открыл *И. Кукуй* (Мюнхен, Германия) докладом «Вещь как объект словаря и субъект творчества». Опираясь на материал словарей XIX–XX вв., докладчик проанализировал бытование лексемы «вещь» во всем многообразии ее языковых манифестаций, подтверждающих факт энантиосемии. Процесс языкового сдвига от «вещественного» к «идеальному» не только находит свое выражение в русском искусстве времени, близкого к созданию словаря Д. Ушакова, но и непосредственно стимулирует его, таким образом вещь из предмета или участника изображения превращается в объективную двигательную силу творчества. В своем докладе «Полезные, лишние и ложные вещи. Концепция вещи у Л.Н. Толстого» *Х. Гюнтер* (Мюнхен, Германия) показал, что Толстой признает собственную узость в узком смысле только человеческое тело. Чем дальше вещь отдалена от элементарных потребностей телесного антропологического центра, тем большей оказывается степень отчуждения. Таким образом, с точки зрения Толстого, выделяются вещи простые (полезные), лишние и ложные. *Т.В. Цивьян* (ИСл) обратилась к поэме А. Егунова «Беспредметная юность», впервые отметив, что в этом произведении вещь уведит читателя в область несказанного, но сказанного словом, коренящегося в метафизике языка.

В вечернем заседании приняли участие четыре докладчика. *Н.М. Филатова* (ИСл) показала, как реалии и художественный вымысел переплетались в восприятии образа короны в историческом сознании поляков. *Л.А. Чёрная* (МГАХИ им. В.И. Сурикова, Москва) в своем докладе продемонстрировала, как вещь воспринималась в пространстве придворной русской культуры XVII в., когда европеизация развивалась, нарастая, однако касалась прежде всего самого царя Алексея Михайловича. В частности, придворный театр в период царствования первого монарха из династии Романовых воспринимался как исключительно царская забава, а бояре, присутствовавшие на спектаклях, играли роль неодушевленных вещей – кулис, маркёров границ сцены. *С. Бриски* (Загреб-Риека, Хорватия) обратилась к исследованию семиотического концепта предмета в массовой культуре, рассмотрев иерархические системы культурных оппозиций и показав, что они более неприменимы для описания современной культуры и искусства. Современные реалии таковы, что люди хотят обладать вещью не по причине присущих ей свойств и функций, а потому, что она функционирует как бренд, как фиктивный семиотический текст, открыто и независимо существующий в системе коммуникации, эффектов, клише, жанров и кодов массовой культуры. Завершила первый день работы конференции *Ж. Бенчич* (Загреб, Хорватия) докладом «Концепт вещь (мелкие вещи) в прозе Татьяны Толстой». Проанализировав произведения писательницы, Ж. Бенчич выделила вещь как физический предмет, представляющий собой бесполезные и дорогие мелочи, которыми человек окружает себя не ради практической ценности, а скорее ради ценности сентиментальной, и пришла к выводу о том, что мотивный комплекс «мелких вещей», не играя важной фабульной роли, обладает большим символическим потенциалом и ассоциативными возможностями.

Второй день работы конференции открыл своим докладом о предметном мире русской рукописной пародии XVII–XVIII вв. *Л.А. Трахтенберг* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), сопоставивший такие тексты, как «Лечебник для иноземцев», «Роспись о приданом» и «юмористические авизии», показав, что основная особенность предметного мира этих произведений состоит в том, что никаких предметов в них по существу нет. Во всех источниках вещи теряют свой привычный вид; самый принцип предметности расшатывается и разрушается на глазах у читателя. *А.В. Семенова* (ИСл) в докладе «Метафоризация повседневности в современных кашубских проповедях» продемонстрировала, как предметы-символы актуализируются в дискурсе современной проповеди, будучи соположенными другим – современным – предметам, бытовым знакам повседневности. В час-

тности, Библия как Книга может символизировать как конкретного человека, являющего своей жизнью евангельскую истину, так и свод общих для всех христиан нравственных правил. *Н.М. Куренная* (ИСл) изложила свой взгляд на проблему концепта вещи в советской драматургии, в которой отражена повседневная жизнь отдельных социальных страт советского общества в различные периоды его истории. Вещь в этих произведениях выступает в роли социального знака, раскрывает характер героев, репрезентирует историческое время, расширяет, детализирует представление о нем, выступает в роли своеобразных символов соцреалистической эпохи.

Во время дневного заседания *Ч. Шарняи* (Сегед, Венгрия) представил доклад, где исследовал культурные реалии в контексте материальных и духовных метаморфоз в рассказе Е. Замятина «Пещера». Трансформация традиционного культурного топоса Петербурга или перевоплощение самого человека осмысляются в зависимости от многослойных метаморфоз предметного мира и изменения вещественного и духовного статуса культурных реалий. *И. Бази* (Сегед, Венгрия) представила доклад об «овеществленной» мысли в ранних рассказах А. Платонова. Автор доклада приходит к выводу о том, что конкретные «открытия» и «изобретения» героев подтверждают художественно-философскую концепцию писателя, по которой «делающаяся и сделанная вещь» является манифестацией материальных и спиритуальных стремлений творческого человека, проецированием «овеществленной» мысли в еще неизвестные сферы природного макрокосмоса и человеческого «микрокосма». В докладе *Л.А. Софроновой* (ИСл) был проанализирован вещный мир войны, отраженный в записках Яна Хризостома Пасека, для которого, как оказалось, не важны утилитарные или символические свойства вещи, а важно ее перемещение: оно может быть «правильным» и «неправильным» и имеет разную семантическую нагрузку – от символической (*замена*) до бытовой (*оловянная посуда*).

На вечернем заседании *К. Ичин* (Белград, Сербия) обратилась к супрематическим размышлениям Малевича о предметном мире. Поскольку К. Малевич полагал, что творческий акт сближается с ремеслом, а не с настоящим актом творения, то для него в творчестве могла идти речь только о раскрытии сущности в ее бытии. В своей борьбе с «предметниками» Малевич противопоставляет умножению сущностей чистое возбуждение, «ничего», являющееся действием без цели. *Н.В. Злыднева* (ИСл) представила доклад на тему: «Антропология вещи в живописи Георгия Рублева».

Заседание 23 сентября открылось докладом *Т.И. Ченелевской* (ИСл) о вещи из мира массовой культуры, а именно о «магнитах». Автор анализирует ставшее массовым явление – коллекционирование сувенирных «магнитов». Наряду с утилитарной функцией «магниты» начинают играть рекламную, культурно-просветительскую, национально-идентифицирующую, обучающую, игровую и другие роли в обыденной культуре. *Н.А. Фатеева* (ИРЯ, Москва) обратилась к функции вещественных деталей в прозе В. Набокова, в частности, порождению вещи зоны семантических преобразований, в которой предмет становится пародией на самого себя. Однако для Набокова существует и драгоценная вещь – книга, которая сама по себе является сокровищем. Тем не менее, книга становится все «бескнижнее», говоря с автором своим голосом. Таким образом, автор доклада подтверждает тезис самого В. Набокова от том, что в искусстве происходит уменьшение значимости крупных вещей и увеличение весомости малых. *Д.К. Поляков* (РГГУ, Москва) показал в своем докладе структуру культа вещи в чешской литературе 1960–1970-х годов. На материале творчества В. Парела докладчик рассмотрел мир предметов, окружающих героя, и пришел к выводу о том, что вещи, в том числе средства информации, внедряются в сознание героя и формируют его, а текст при этом становится «материальным». *Л.В. Королькова* (ИСл) обратилась к творчеству Момо Капора, проанализировав концепт вещи в книге «Путеводитель по национальному менталитету», в которой автором отведено особое место вещи. Вещи способны выполнять социальные функции, становиться символами эпохи, метафорой памяти и внутреннего состояния человека и обретать черты сакральных предметов. Заседание было завершено докладом *Н. Друбек-Майер* (Берлин, Германия) о вещи в немом кино. Докладчик привлек уникальный материал – фильмы 1913–1940-х годов (Кулешов, Бауэр), где были заново «открыты» приемы, забытые и «изобретенные» вновь после войны. В частности, речь идет о «кино глубинной резкости», позволяющем визуально наделить определенные предметы в кадре большей или меньшей значимостью.

В ходе обсуждения были рассмотрены содержание и функция предметов в различных социальных, национальных и ментальных областях культуры славянского ареала, а также место вещного кода в художественной литературе славян XIX–XX вв. Некоторые материалы помещены в рубрике «Сообщения» этого номера журнала.

© 2011 г. А.В. Семенова

XVIII СЪЕЗД СКАНДИНАВСКИХ СЛАВИСТОВ

Уже стало традицией проводить съезды скандинавских славистов в разных северных странах, чтобы представить друг другу свои изыскания в интересующей славистов проблематике, а также прогнозировать развитие тех или иных перспективных или наименее изученных тем. На этот раз XVIII съезд скандинавских славистов собрался в Тампере и проходил с 18 по 22 августа 2010 г. Организаторами съезда выступили Институт современных языков и переводоведения и Ассоциация финских славистов. Разумеется, ведущей научной силой были слависты из Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии. Кроме того, в работе съезда участвовали специалисты из США, России, Германии, стран Балтии (всего около 100 человек).

По традиции съезд открылся пленарными докладами как в области лингвистики (*Й. Линдстед, Й. Норгард-Серенсен*), так и литературоведения (*Э. Эггеберг, К. Сарсенов*).

Секции по лингвистике и литературоведению были вполне ожидаемыми и обязательными на такого рода съездах. В лингвистической проблематике ученых из Скандинавии интересуют старые и традиционно трудные, дискутируемые проблемы русского глагола и его форм (*Э. Даль, Х. Томмола, Р. Рёнка, Я.И. Бьёрнфлатен, Т. Нессет и Л.А. Янда*), вопросы этимологии (*А. Хюллестед*), языковых свойств советского и постсоветского политического дискурса (*М. Бьёрклунд, Л. Мокробородова, Л. Пёттель*), речевых стратегий речи (*Х. Ринне*), древнерусских текстов и их особенностей (*Н. Михайлов*), лингвистических особенностей писательских текстов (*Г. Гурин, Т. Никифорова*), отдельных синтаксических и морфолого-словообразовательных явлений русского языка (*М. Копотев и А. Никунласси, Г. Свенберг, Й. Виимаранта, А. Циммерлинг*), проблем перевода в электронный вид русских древних текстов (*А. Гранберг и П. Амбросиани*). Докладов о других славянских языках было совсем немного: о языковых и коммуникативных аспектах веб-сайтов чешского и болгарского парламентов (*Й. Маздарова-Брутейг*), о текстах современной социальной коммуникации в южнославянских странах (*М. Паульсен*). Русистика, несомненно, является приоритетной сферой для скандинавских специалистов.

Типологическая лингвистика – традиционно сильная сфера скандинавской славистики, поэтому неудивительно, что эта проблематика была представлена большим количеством докладов и их заинтересованным обсуждением в секции. В докладах затрагивались такие вопросы, как: современный русский вокатив (звательная форма) (*Х. Андерсен*), топонимическая номинация (*Д. Дингли*), русско-финские диалекты Эстонии и Финляндии (*Л. Лейсиё*), отдельные синтаксические свойства русского и датского языков (*Е. Лорентцен*), интонационные структуры (*М. Пост*), концептуальный анализ ключевых слов (*Г. Старикова*).

Новым и чрезвычайно перспективным направлением мировой лингвистики является корпусная лингвистика. У скандинавских лингвистов накоплен неплохой опыт исследования языка на базе таких корпусов. В этой секции были представлены темы: трудности разметки внутри двуязычного (русско-финского) корпуса (*М. Михайлов*), конкретные изыскания с использованием корпусов для решения отдельных грамматических вопросов (*А. Мустайоки, К. Хауге, Л.А. Янда и О. Ляшевская*).

Корпусы помогают также в решении переводоведческих проблем; эта проблематика уже давно обсуждается на съездах скандинавских славистов и, очевидно, останется в центре внимания ученых. Но здесь важно и нужно, конечно, также обсуждение общих вопросов стратегий и тактик работы переводчика, учета национальных переводческих традиций, расширения поля взаимодействия переводчиков разных стран. В этой секции были представлены доклады на разные темы: стратегии перевода разного типа текстов (*Х. Кемтанен, Б.Э. Димитрова, Н. Исолахти, С. Витт*), конкретных переводческих проблем, решаемых переводчиком в тексте (*П. Амбросиани, Б. Лёнквист, К. Ватсон, Н. Зорихина-Нильссон, Г. Денисова*).

Литературоведение было представлено не столько традиционными литературоведческими штудиями, сколько междисциплинарными изысканиями: секции «Литература и

культура», «Гендер и язык, литература и культура», «Природа в славянских литературах и культурах». В секции «Литература и культура» большинство докладов были посвящены литературному процессу и текстам XX в.: от О. Мандельштама (*П.-А. Бодин*), группы «Серационовы братья» (*Б. Хеллман*), текста И. Аксенова (*Л. Клеберг*) до современной литературы (*М. Свенссон, И. Лунде*) и образу России (*П. Песонен*). Несколько докладов было о древних текстах, например, «Четьях Минеях» (*Т. Лёнгрен*) и литературных текстах XIX в. (*И. Карлсон*). В секции «Природа в славянских литературах и культурах» рассматривались темы юродства в современной русской литературе (*М. Кёнёнен*), природных символов у Б. Пильняка (*А. Лобский*) и семантике покорения водных стихий в советском дискурсе (*А. Розенхольм*). В секции «Массовая культура», рассматривавшей актуальные аспекты современной масс-культуры, говорилось о научной фантастике (*В. Чупасов*), андерграундной советской песенной культуре (*Н. Галатская*), современных телевизионных шоу (*Н. Михайлова*), использовании/эксплуатации текстов и имен русской классической литературы (*И. Савкина*), специфике сатиры в творчестве М. Жванецкого (*А. Семененко*).

В рабочей исследовательской группе «Русско-финские культурные связи» интерес и живое обсуждение вызвали доклады Л. Бюклинг о деятельности Русского казенного театра в Хельсинки (1868–1918), *К. Эконен* о Славянской библиотеке в Хельсинки, *Т. Липонена* о постановке пьесы «Дядя Ваня» в Финляндии.

Многоязычие и многокультурность – актуальные и популярные темы для конференций во многих странах со значительным количеством некоренного населения. В секции «Многокультурность и многоязычие» докладчиков объединяло стремление рассказать о разных аспектах языковой политики, культурной семантики и их восприятии людьми: имена святых в славянских языках и культурах (*И. Бугаева*), о Кавказе как «alter ego» литературных героев XIX в. (*Л.Й. Хелле*), русско-саамских связях (*Д. Пинеда*), языковой политике России (*Р. Плюккё*), русифицированных топонимах Хельсинки в живой речи русскоязычных (*А. Репонен*), языке г. Одессы (*Л. Силин* и *М. Ванхала-Анишевски*), лингвокультурные взаимоотношения русских и шведов в региональной истории г. Тампере в XIX – начале XX в., вплоть до признания независимости Финляндии в 1917 г. (*А. Зеленин*), интернет-дискуссиях об именах в независимой Боснии (*Й. Вирккула*).

Все больше и больше выходцев из бывшего СССР и современных России, Украины, Белоруссии, других славянских стран живут в разных регионах мира, вне материнского языка и культуры. Поэтому проблематика сохранения, поддержания, обучения родному языку (пожалуй, впервые на съездах скандинавских славистов) звучала так актуально. И теоретическому осмыслению этого феномена, и новым, неожиданным вызовам для специалистов, и уже практическому опыту, накопленному в некоторых странах были посвящены многие доклады рабочей исследовательской группы «Обучение славянским языкам как наследственным»: русскоязычные в США (*О. Казан*), русскоязычные немцы в Германии (*А. Бергман*), поляки в Сибири (*И. Якубек*), русско-финские дети-билингвы и их обучение (*Е. Протасова, А. Овчинников, В. Петровская, О. Пуссинен, Т. Рюнкянен*), шведско-русский билингвизм (*Н. Рингблом*).

XVIII съезд скандинавских славистов прошел спустя два года после XIV Международного съезда славистов в Охриде (Македония) и показал как некоторые общие темы, свойственные мировой и скандинавской славистике, так и, естественно, различия, обусловленные традициями, сложившимися в Скандинавии на протяжении почти 200 лет, когда славистическая проблематика стала всерьез интересовать скандинавских ученых. Пожелаем же и следующему съезду скандинавских славистов, который пройдет в 2013 г. в Бергене (Норвегия) широты взгляда и новых идей и решений.

© 2011 г. А. Зеленин

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БОГДАНОВА (1932–2010)

Жизнь этого замечательного человека и ученого, который внес огромный вклад в исследование и популяризацию славянских литератур, оборвалась 9 декабря 2010 г.

Юрий Васильевич родился 25 февраля 1932 г. в Ленинграде в семье железнодорожника, ставшего со временем генералом, и когда-то известного в нашей стране как основатель «стахановского движения» в своей области. Сейчас уже не узнаешь, откуда, из каких истоков впитал в себя его сын качества истинно русского, петербургского интеллигента, выделявшего его из многих. Гены, или воспитание тому причина? После окончания школы Юра Богданов поступил на славянское отделение филологического факультета МГУ, где его студенческие успехи вопреки открытой форме туберкулеза, вскоре, к счастью, прошедшего, были отмечены «сталинской» стипендией. В 1955 г. его приняли в аспирантуру, а в октябре 1958 г. в штат Института славяноведения АН СССР. Защитив 27 июня 1963 г. кандидатскую диссертацию, Ю.В. Богданов посвятил себя словацкой литературе. Ей очень повезло, что именно она оказалась особенно близка его сердцу. Человек широкого кругозора и огромной эрудиции, прекрасный знаток русской и западноевропейских литератур, он изучал свой предмет в их контексте, создавая работы, отличавшиеся с самого начала редким для начинающего исследователя профессионализмом и высокой литературоведческой культурой.

Юрий Васильевич Богданов – один из основных авторов «Истории словацкой литературы XIX–XX вв.» (М., 1970), двухтомной «Истории литератур стран Восточной Европы после Второй мировой войны» (М., 1995, 2001), «Истории литератур западных и южных славян в трех томах» (М., 1997, 2001), ответственный редактор и член редколлегии многих коллективных трудов и сборников, организатор и участник международных конференций, руководитель коллективных проектов. Достижения его последних лет – исследование диалектики национального и общеевропейского в славянских литературах, специфики словацкой военной прозы, восприятия русскими классиками освободительной борьбы славянских народов и т.д. Он был председателем оргкомитета международной конференции, посвященной литературным итогам XX в. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (2001), возглавлял работу над проектом по данной проблематике (2003–2006). Не в книгах и документах, а лишь в людской памяти останется еще один вид деятельности Юрия Васильевича – безотказного консультанта и советчика, которому всегда можно было излить душу, обсудить самые сложные и спорные вопросы.

Ю.В. Богданов никогда не был «кабинетным ученым». Свой талант исследователя и литератора он щедро тратил на популяризаторскую деятельность. Она была естественным продолжением его научной работы, выходом к широкому читателю, способом приобщить его к одной из интереснейших, но мало известных миру славянских литератур. Он был составителем, автором предисловий, переводчиком произведений словацких писателей разных взглядов и направлений. Среди них – Я. Есенский, Л. Новомеский, М. Урбан,

М. Фигули, П. Илемницкий, Р. Яшик, В. Минач и др. В 1997 г. Министерство культуры Словакии наградило Ю.В. Богданова медалью Бьерстерна Бьерстена за вклад в изучение и распространение словацкой литературы в России. Ю.В. Богданов входил в правление Общества дружбы со Словакией, был председателем российско-словацкого Клуба любителей литературы и искусства, созданного на базе Словацкого института в Москве. При его активном участии как организатора, автора и редактора был подготовлен и издан в Москве словацко-русский сборник «Милан Ростислав Штефаник. Новый взгляд». Выпущенный в 2001 г. в честь 120-летия со дня рождения Штефаника, легендарного генерала, ученого и политика, стоявшего вместе с Т.Г. Масариком у истоков независимой Чехо-Словакии, он выполнил научный и гражданский долг перед этой героической личностью, замалчиваемой в социалистический период. Через два года в России вышла новейшая «История Словакии». Она была создана словацкими учеными, но научным редактором российского издания был Ю.В. Богданов.

В феврале 1966 г. Ю.В. Богданов стал ученым секретарем, а с марта 1971 по январь 1988 г. – заместителем директора Института славяноведения, используя свой пост, которым откровенно тяготился, не для карьеры, а для дела, на пользу не себе, а Институту. Это было время, когда заместитель директора вынужден был быть своеобразным буфером между наукой и опекавшими ее инстанциями, включая ЦК КПСС. И надо сказать, что Ю.В. Богданову прекрасно удавалось не идти при этом на поводу у высокого начальства, а отстаивать интересы института и его сотрудников. Он был одним из тех, кто помог сохранить наш Институт, где ученые занимались не «борьбой с буржуазной идеологией», с «ревизионизмом», а фундаментальными исследованиями. А когда и в Институте случались «разборки» с «инакомыслящими», то Юрий Васильевич практически всегда выступал на стороне защиты, а не обвинения. В то время как в дружественной Чехословакии в 1970–1980-е годы «нормализации» безжалостно искоренялись некоторые научные направления и кадры (в Праге, к примеру, объектом гонения стали структуралисты), в нашем Институте спокойно работал сектор структурной лингвистики, принимавший активное участие в деятельности и публикациях московско-тартусской школы Ю.М. Лотмана, исследовалась специфика разных литературных эпох, в том числе барокко, создавались труды не только о трансформации соцреализма, но и о гонимых художественных направлениях (модернизме, авангарде) с целью не осудить, а показать их достоинства. Не раскаявшиеся «подписанты» протестов против суда над Даниелем и Синявским и других идеологических кампаний не увольнялись из Института, а могли продолжать свои исследования, войдя в период «перестройки» с большими научными достижениями. В нашем Институте в годы давления идеологии на науку царила гораздо более вольготная атмосфера, чем в других гуманитарных учреждениях.

Это было видно со стороны и тогда, и теперь. Старожилы-литературоведы помнят, как им завидовали в этом отношении сотрудники ИМЛИ. Надо ли говорить, какую огромную роль играет и играло в этом руководство Института, к которому более двадцати сложнейших лет его истории принадлежал и Юрий Васильевич Богданов. Большой научно-организационный опыт Ю.В. Богданова сказывался и в его деятельности заместителя президента Национального российского комитета МАИРСК, а с 1995 г. – руководителя Центра информации и документации МАИРСК при нашем Институте. На протяжении последних двух десятилетий Ю.В. Богданов был членом Ученого совета Института. Свойственное ему чувство справедливости и непредвзятый подход к людям ярко проявлялись и в его работе в аттестационной комиссии.

Словацкая литература в лице Юрия Васильевича Богданова получила (и потеряла!) своего самого крупного российского исследователя, коллектив Института – ценнейшего научного сотрудника, человека ответственного, мудрого и доброжелательного – из тех, что составляли и составляют его основу, определяют его облик и лучшие традиции. Дай Бог не растерять их со временем. Залогом сохранения этих традиций пусть будет добрая память о людях, которые их создавали и развивали.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ФЛАКЕРА (1924–2010)

25 октября 2010 г. в Загребе скончался выдающийся хорватский филолог, один из ведущих европейских славистов, академик Хорватской академии наук и искусств, профессор Загребского университета Александр Флакер. Уход большого ученого – всегда невосполнимая утрата для науки и общества в целом. В полной мере это относится к А. Флакеру.

А. Флакер родился в Белостоке, на границе России и Польши, вскоре его семья переехала в Загреб, где он получил образование, работал и провел большую часть жизни. Хорватии, изучению хорватской литературы, особенно творчества М. Крлежи, Флакер был предан всю жизнь. Однако то, что им было сделано для европейской славистики и особенно русистики, намного превосходит национальные границы. Это был эрудит старой закалки, человек необычайных способностей и познаний, одаренный литератор, разрушавший застывшие академические каноны. В круг его широчайших интересов входила история самых разных славянских литератур, и особенно русской литературы. А. Флакер – автор фундаментальных трудов по творчеству А.Н. Толстого и А.П. Чехова, А.А. Блока и А. Белого, Е.И. Замятина и И.Э. Бабеля, О.Э. Мандельштама и Н.А. Заболоцкого. Ученый принадлежит к числу первопроходцев в изучении поэтики исторического авангарда. И это не случайно: человек огромного общественного темперамента, Флакер принадлежал к поколению, время интеллектуального и духовного становления которого пришлось на бурный период конца 1950-х – начала 1960-х годов. Отсюда его стремление к независимости от любых видов конъюнктуры, любовь к непроторенным путям в искусстве и науке. В исследованиях А. Флакера, перекидывающих мосты между различными научными традициями, нашли продолжение идеи русской формальной школы, семиотики и структурализма, обогащенные знанием европейской и американской науки о слове в широком компаративистском и междисциплинарном аспектах. Вехой в истории европейской славистики стали его труды «Stilske formacije», «Poetica osporavanja», «Knjizevne vedute», «Nomadi lepote», «Ruska avangarda» в двух томах и многие другие. В 2008 г. в России увидела свет и книга «Живописная литература – литературная живопись».

Опытнейший педагог и организатор науки, А. Флакер стал основателем и бессменным лидером загребской школы славистики, одного из главных центрально-европейских центров по изучению русской и славянских культур XX в. Когда авангард в России был почти под запретом, под руководством ученого в Хорватии начался и был успешно реализован многолетний проект по изучению русской культуры 1910–1920-х годов, увенчавшийся девятью томами «Понятийника русского авангарда» и нашедший в настоящее время продолжение в «Загребском понятийнике культуры XX века». Вокруг этих изданий с начала 1980-х годов сгруппировались звездные имена европейской филологии, а позже к проекту смогли присоединиться и известные российские исследователи.

Во всех работах А. Флакера блистательный анализ литературного текста сочетался с глубоким знанием исторических реалий и тончайшим пониманием всякого рода пограничья – будь то связи между разными видами искусства или страны культуры. Его работы исполнены подлинной креативности, что позволяет увидеть новое даже в знакомом материале. Искрометные наблюдения и провокативные параллели в разговоре о текстах, писательских судьбах, проявлениях культуры выстраивают панораму литературных и художественных событий XX в. как планетарное явление, а сам исследователь воспринимается как человек мира. Но Флакер всегда избегал высоких слов и ложного пафоса, ценил свободу и естественность в мыслях и поведении. Любил жизнь, искусство, море.

Мы искренне скорбим о кончине этого замечательного ученого, учителя, друга, память о нем на долгие годы сохранится в сердцах его многочисленных учеников и коллег.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). USSR During the WWII (1941–1945) in the Last Two Decades of the Czech Historiography	3
<i>Valeva E.L., Volokitina T.V.</i> (Moscow). Soviet Factor During WWII in Bulgaria: Discussed Questions in Bulgarian Historiography	16
<i>Romanenko S.A.</i> (Moscow). Southern Slavs in Austria-Hungary and the Fate of the Habsburg Monarchy in Contemporary Historiography of Croatia, and Bosnia and Herzegovina	33
<i>Tymofeev A.</i> (Belgrad). The USSR and General D. Michaylovich' Resistance Movement During WWII in Yugoslavia	46
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Historical Novel in Slovenian Literature in the Late 20 th – Early 21 st Centuries. Between the «Mass» and «Elite»	62

COMMUNICATIONS

<i>Vashchenko M.S.</i> (Moscow). Problem of Authorship of the Monograph “The Croats and their Struggle with Austria”: the Question of Promoting the Croatian National Idea in Russia	69
<i>Mitrofanov V.V.</i> (<i>Nizhnevartovsk</i>). S.F. Platonov's Research on the History of Russian Towns	77

* * *

Materials of the Conference «Concept of Thing in Slavic Culture»	83
--	----

FROM THE SLAVIC STUDIES HISTORY

<i>Nikiforova O.A.</i> (Moscow). A.S. Budilovich' Educational and Political Activity in the Kingdom of Poland (1881–1892)	90
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Vinogradov V.N.</i> Е.П. Кудрявцева. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века	98
<i>Stobecky R.</i> Г. Магвеев. Пилсудский	102
<i>Denshchikova A.V.</i> IX. sjezd českých historiků. Pardubice 6.–8. září 2006	105
<i>Malevich O.M.</i> P. Janoušek a kol. Dějiny české literatury 1945–1989. T. I–IV	109
<i>Kossik V.I.</i> Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения	116

SCHOLARLY LIFE

<i>Shvedova N.V.</i> Round Table «Russian (Soviet) Soldier in Literary and Folk Art of Western and Southern Slavs During WWII and the Postwar Years»	117
<i>Semyonova A.V.</i> The Conference «Concept of Thing in Slavic Culture»	119
<i>Zelenin A.</i> 18 th Congress of Scandinavian Slavic Studies.....	122

OBITUARIES

<i>Budagova L.N.</i> In Memoriam of Yury Vassil'evich Bogdanov (1932–2010)	124
<i>Zlydneva N.V.</i> In Memoriam of Aleksandr Flaker (1924–2010)	126

Сдано в набор 28.01.2011 Подписано в печать 18.03.2011 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 3,2 тыс. Уч.-изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 306 экз. Зак. 1256

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

